

ЛЕГЕНДАРНЫЙ СОВЕТСКИЙ ТАНКИСТ

К 125-летию со дня рождения П.А. Ротмистрова

Павел Алексеевич Ротмистров родился 6 июля (23 июня по ст. ст.) 1901 года в деревне Скворово Осташковского уезда Тверской губернии (ныне Селижаровский район Тверской области) в семье сельского кузнеца. Советский военачальник. Главный маршал бронетанковых войск (1962), Герой Советского Союза (1965).

Во время Гражданской войны красноармейцем воевал в составе Самарского рабочего полка против войск адмирала А.В. Колчака и белополяков. В марте 1921 года в составе сводной бригады курсантов 3-й Смоленской пехотной школы красных командиров участвовал в подавлении Кронштадтского восстания. С 1921 года — политрук роты 149-го и 51-го стрелковых полков в Рязани, политрук дивизионной разведывательной команды во Владимире.

В 1924 году Ротмистров окончил Военную объединённую школу имени ВЦИК. В марте 1928 года — командир учебного взвода полковой школы, командир взвода, помощник командира роты, командир роты, заместитель командира батальона 31-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии Ленинградского военного округа. В 1931 году окончил Военную академию Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) имени М.В. Фрунзе. С 1931 по июнь 1933 года — начальник оперативного отделения штаба 36-й Забайкальской стрелковой дивизии в Чите. С июня 1933 по март 1936 года — заместитель начальника оперативного отдела штаба армии. С марта 1936 по июль 1937 года — начальник 1-го отделения штаба Объединённой Краснознамённой Дальневосточной армии. С июля по октябрь 1937 года — командир 63-го Краснознамённого стрелкового полка 21-й стрелковой дивизии. С октября по декабрь 1937 года — в распоряжении Управления по командно-начальствующему составу РККА. С декабря 1937 по ноябрь 1939 года — преподаватель кафедры тактики в Военной академии механизации и моторизации РККА имени И.В. Сталина.

В период Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. — командир танкового батальона, начальник штаба 35-й лёгкой танковой бригады.

С декабря 1940 по май 1941 года — заместитель командира 5-й танковой дивизии, затем начальник штаба 3-го механизированного корпуса Прибалтийского особого военного округа.

С началом Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. с 28 сентября 1941 по апрель 1942 года — командир 8-й танковой бригады (с января 1942 г. — 3-й гвардейской) Северо-Западного, затем Западного фронта. С апреля 1942 по февраль 1943 года — командир 7-го танкового корпуса (с декабря 1942 г. — 3-го гвардейского танкового корпуса с почётным наименованием «Котельниковский»). С 22 февраля 1943 по август 1944 года — командующий 5-й гвардейской танковой армией в составе Воронежского, Степного, 2-го Украинского, 3-го Белорусского фронтов, участвовавшей в Курской битве, Уманско-Ботошанской,

П.А. Ротмистров

Корсунь-Шевченковской, Белорусской стратегической наступательных операциях. С августа 1944 по июнь 1945 года — заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии.

П.А. Ротмистров как талантливый организатор внёс значительный вклад в победу в Великой Отечественной войне и послевоенное развитие Советской армии. Он был инициатором создания в СССР танковых армий однородного состава (не имевших в своём составе пехотных частей) и лично командовал одной из них в сражении под Прохоровкой 12 июля 1943 года. Формировал новые танковые части, обеспечивал понёсшие большие потери части отремонтированной техникой.

С июня 1945 по май 1947 года — командующий бронетанковыми и механизированными войсками Группы советских оккупационных войск в Германии. С мая 1947 по апрель 1948 года — командующий бронетанковыми и механизированными войсками Дальнего Востока.

С августа 1948 по 1951 год — заместитель начальника кафедры бронетанковых и механизированных войск Военной академии Генерального штаба (ВАГШ). С 1953 по июль 1956 года — начальник кафедры бронетанковых и механизированных войск ВАГШ. С июля 1956 по январь 1958 года — заместитель начальника кафедры стратегии и оперативного искусства ВАГШ. С января 1958 по апрель 1964 года — начальник Военной академии бронетанковых войск. С апреля 1964 по июнь 1968 года — помощник министра обороны СССР по высшим военно-учебным заведениям. Доктор военных наук (1956), профессор (1958). Участвовал в разработке трудов по использованию танковых войск в бою, операции и войне в целом, а также перспективам их развития. Автор ряда книг о роли танковых войск в достижении победы в ходе Великой Отечественной войны: «Танковое сражение под Прохоровкой» (1960), «Время и танки» (1972), «Танки на войне» (1975), «Стальная гвардия» (1984) и др.

С июня 1968 по апрель 1982 года — генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Скончался 6 апреля 1982 года в Москве. Похоронен на старой территории Новодевичьего кладбища.

В Москве по адресу улица Горького (ныне Тверская), дом 8, где жил Ротмистров с 1944 по 1982 год, установлена мемориальная доска. Памятная доска, посвящённая Ротмистрову, установлена в Москве и на здании Военной академии бронетанковых войск (ныне Общевойсковая академия ВС РФ). Бюст П.А. Ротмистрова установлен в Парке Героев в посёлке воинской славы Трудовая Северная (в городском округе Мытищи Московской области). Именем Ротмистрова названы улицы в Москве, Минске, Твери и Котельниково. Его имя носило Челябинское высшее военное автомобильное командно-инженерное училище (военный институт), ныне расформированное.

Публикация Н.Л. Крыловой

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN-0321-0626

Основан в августе 1939 года

7/2026

Военно-исторический журнал 2026 7 июля

НЕПОКОРЁННЫЙ ГОРОД

К 85-летию начала битвы за Ленинград

Битва за Ленинград в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. — совокупность оборонительных и наступательных операций советских войск, проведённых с 10 июля 1941 по 9 августа 1944 года на северо-западном стратегическом направлении в целях обороны Ленинграда и разгрома германской группы армий «Север» и финских войск между Онежским и Ладожским озёрами и на Карельском перешейке.

В Ленинградской битве в разное время участвовали войска Северного, Северо-Западного, Ленинградского, Волховского, Карельского и 2-го Прибалтийского фронтов, соединения Авиации дальнего действия (АДД) и Войск противовоздушной обороны территории страны, Балтийский флот (БФ), Чудская, Ладожская и Онежская военные флотилии, формирования партизан, а также жители Ленинграда и Ленинградской области.

Предпринимая нападение на СССР, руководство Германии придавало исключительное значение захвату Ленинграда. К 10 июля 1941 года на дальних юго-западных и северо-западных подступах к городу командование противника имело 38 дивизий (32 пехотные, 3 танковые и 3 моторизованные), 1 кавалерийскую и 2 пехотные бригады (всего около 810 тыс. человек, 440 танков и штурмовых орудий, около 5300 орудий и миномётов, около 1200 самолётов).

Германским и финским войскам противостояли Северный фронт (генерал-лейтенант М.М. Попов) в составе 7-й и 23-й общевойсковых армий (всего 8 дивизий) и Северо-Западный фронт (генерал-майор П.П. Собенников) в составе 8, 11 и 27-й общевойсковых армий (31 дивизия и 2 бригады). Всего к началу Ленинградской битвы в войсках Северного и Северо-Западного фронтов и на БФ (вице-адмирал В.Ф. Трибуц) насчитывалось около 540 тыс. человек, около 700 танков, около 5000 орудий и миномётов, 235 боевых самолётов и 19 боевых кораблей. Для улучшения стратегического руководства войсками Государственный комитет обороны (ГКО) 10 июля 1941 года образовал Главное командование Северо-Западного направления (Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов), подчинив ему Северный и Северо-Западный фронты, Северный и Балтийский флоты. На дальних и ближних подступах к городу совместными силами войск и населения строились оборонительные рубежи (общая протяжённость около 900 км), были сформированы 10 дивизий народного ополчения (около 160 тыс. человек) и десятки партизанских отрядов. Из города были эвакуированы дети, часть промышленного оборудования и культурных ценностей. Оставшаяся в городе промышленность перестраивалась на производство боевой техники, вооружения и боеприпасов.

С 10 июля 1941 года развернулось наступление германских войск на юго-западном и северо-западном подступах к Ленинграду. Почти одновременно враг нанёс удары на лужском, новгородском и старорусском направлениях, в Эстонии, на петрозаводском и олонецком направлениях. На Карельском перешейке с 31 июля советские войска вели

Линии фронта на 21 сентября 1941 г.

бои с наступавшими финскими войсками и к 1 сентября оставили их на рубеже государственной границы 1939 года, а к концу сентября — на рубеже реки Свирь. В августе развернулись бои на ближних подступах к Ленинграду. Создалась опасность его окружения. 27 августа ГКО расформировал Главное командование Северо-Западного направления, а Карельский, Ленинградский и Северо-Западный (с 23 августа генерал-лейтенант П.А. Курочкин) фронты подчинил непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования (ВГК).

8 сентября германские войска прорвались через станцию Мга на Шлиссельбург и отрезали Ленинград с суши, началась его блокада. В середине сентября германские войска вышли к Финскому заливу в районе Стрельны и отрезали находившиеся западнее советские войска. Все попытки противника прорваться через Неву навстречу финским войскам, а также продвинуться вдоль шоссе Москва — Ленинград и штурмом взять город оказались безуспешными. В конце сентября линия фронта под Ленинградом стабилизировалась. План германского командования по захвату города с ходу потерпел крах, что повлекло за собой и срыв намерений противника повернуть основные силы группы армий «Север» на Москву.

В октябре 1941 года с целью деблокировать Ленинград силами Ленинградского фронта была начата Синявинская наступательная операция. Однако завершить её не удалось, т.к. пришлось перебрасывать часть войск на тихвинское направление, где противник развернул наступление с целью выйти к реке Свирь и соединиться здесь с финскими войсками для более надёжной блокады Ленинграда.

В январе 1943 года под Ленинградом была проведена стратегическая наступательная операция «Искра». 18 января войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились, был освобождён Шлиссельбург, блокада Ленинграда прорвана. Южнее Ладожского озера образовался коридор шириной 8—11 км, где за 18 дней была построена железная дорога («Дорога Победы»), по которой пошли поезда в Ленинград.

В январе—марте 1944 года советское командование провело Ленинградско-Новгородскую стратегическую операцию, в результате которой 27 января была полностью снята блокада Ленинграда, продолжавшаяся 872 дня, нанесено поражение германской группе армий «Север», освобождены почти вся Ленинградская и часть Калининской области. Советские войска вступили в пределы Эстонии, сложились благоприятные условия для разгрома противника в Прибалтике и к северу от Ленинграда. Летом 1944 года войска Ленинградского и Карельского фронтов в ходе Выборгско-Петрозаводской операции нанесли поражение войскам противника, оборонявшимся на Карельском перешейке и в Южной Карелии, что подготовило условия для освобождения Заполярья и вывода из войны Финляндии.

Ленинградская битва имела большое политическое и военно-стратегическое значение, оказала влияние на ход боевых действий на других направлениях советско-германского фронта. Советские войска под Ленинградом оттянули на себя около 20 проц. германских войск на восточном фронте и всю финскую армию, разгромили до 50 дивизий противника.

В период битвы за Ленинград потери Красной армии составили: безвозвратные — около 1 млн человек; санитарные — 2 млн человек. За годы блокады погибли более 1,5 млн человек. 20 октября 2022 года Санкт-Петербургский городской суд признал геноцидом блокаду Ленинграда войсками нацистской Германии и их пособниками в 1941—1944 гг.

1 апреля 2025 года в соответствии с указом Президента РФ дата окончания Ленинградской битвы — 9 августа — стала Днём воинской славы России, подчёркивая её военно-стратегическое значение как самого продолжительного сражения Великой Отечественной войны.

Публикация Н.Л. Крыловой

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Правила публикации статей в журнале

- Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), оценку степени их научной разработанности (историографический обзор), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.
- Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных и сетевых научных (научно-популярных) изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.
- Рекомендованный объём статьи — 20–30 тыс. знаков с пробелами.
- Список литературы, оформляемый концевыми ссылками, должен составлять не менее 20 источников, не менее 30% которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации, в том числе в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10% от списка использованных источников.
- Материал должен обязательно содержать иллюстрации (цветные и чёрно-белые) с указанием источников заимствования и авторских прав.
- Все поступившие в редакцию работы проходят внутреннее и внешнее рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат» (рекомендуемая оригинальность — 80%), по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Информацию о результатах предварительной экспертизы рукописи авторы могут получить не ранее чем через 15 дней с момента её поступления в редакцию. Редакция имеет право не вступать с авторами в переписку.
- Статьи направляются в редакцию журнала по e-mail: *mil_hist_magazin@mail.ru* или *ric_vig_1@mail.ru*.
- Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов.
- Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Статья должна содержать следующие элементы:

- название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);
- аннотацию на русском и английском языках (150—200 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую: вступительное слово о теме исследования; цель научного исследования; основные результаты, выводы исследовательской работы. В аннотации не должны повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также её название;
- ключевые слова на русском и английском языках (15—20 слов);
- рукопись должна быть иллюстрирована как чёрно-белыми, так и в обязательном порядке цветными портретами или фотографиями упоминаемых персоналий, сканами исторических документов, картами, диаграммами, схемами, батальной живописью, фото музейных экспозиций, изображениями военной символики и др. из расчёта не менее одной иллюстрации на три страницы текста;
- текст публикации должен содержать автоматические концевые ссылки на источники и литературу, примечания научно-справочного характера;
- примечания должны содержать список литературы (от 20 источников) с полными библиографическими сведениями, который оформляется на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008, архивные и другие исторические источники, сведения научно-справочного характера (краткие биографические сведения, определения терминов и т.д.), которые нумеруются в порядке упоминания в тексте;
- сведения об авторах на русском и английском языках: Ф. И. О. полностью, учёная степень, учёное звание, должность, место работы (название организации), город, страна, почтовый адрес, e-mail.

Общие правила оформления текста

- Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 x 297 мм).
- Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в форматах doc и docx (Microsoft Office).
- Шрифт текста — Аrial, кегль (размер шрифта) — 13.
- Текст набирается с соблюдением следующих правил: поля — верхнее и нижнее — 2,54 см, левое и правое — 3,17 см; межстрочный интервал — полуторный; абзац — автоматический: отступ первой строки на 1,25 см (недопустимо делать отступы (левые, правые) пробелами); перенос слов — отключён; инициалы между собой пробелами не отделяются; при наборе должны различаться тире (—) и дефисы (-); кавычки типографские, внешние — ёлочки « », внутренние — лапки “ ”.
- Таблицы нумеруются и ссылками отражаются в тексте. Оформление заголовков таблицы должно быть единообразным. Шрифты в таблице должны быть на один пункт меньше основного текста. Ширина таблицы — не более 16,5 см, высота — до 20 см.
- Все физические величины, встречающиеся в тексте, должны быть выражены в Международной системе единиц (СИ) согласно ГОСТ 8.417 — 2002 «Единицы физических величин».
- Иллюстрации:
 - векторные — схемы, графики, созданные средствами Microsoft Word, должны быть сгруппированы и помещаться в печатное поле;
 - растровые — рисунки, фотографии должны быть с разрешением не менее 300 dpi, каждая присылается отдельным файлом в форматах jpg и jpeg.
- Фон рисунков желательнo сделать белым, сами рисунки должны быть чёткими, надписи и обозначения — хорошо читаться;
- все иллюстрации в тексте должны быть пронумерованы и иметь подрисуночные подписи, которые оформляются на отдельном файле в форматах doc и docx (Microsoft Office).

Адрес редакции для переписки: 119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, 38, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (495) 941-26-50, (495) 941-26-12 E-mail: ric_vig_1@mail.ru Подписку на «Военно-исторический журнал» можно оформить: по каталогу АО «Почта России» по индексу П5905 в любом почтовом отделении, кроме Республики Крым и г. Севастополя;	- Объединённому каталогу «Пресса России» через ОАО «АРЗИ» по индексу 39887 в почтовых отделениях Республики Крым и г. Севастополя; - интернет-каталогу «Пресса России», индекс ЭЗ9887 для подписчиков всех регионов; - интернет-каталогам агентств на сайтах: www.podpiska.pochta.ru www.akc.ru www.ppressa-rr.ru;	заявке на e-mail: kr_zvezda@mail.ru с личным получением в АО «Красная Звезда», г. Москва, или доставкой бандеролью. Сдано в набор 19.05.2026 Подписано к печати 19.06.2026 Формат 60x84/8. Тираж экз. 0000 Зак. № 2869-2026 Регистрац. № 01978 от 30.12.1992
Журнал издаётся ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» Минобороны России 125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38 Тел.: (495) 941-23-80 E-mail: ricmorf@yandex.ru	Отдел рекламы (495) 941-28-46 E-mail: reklama@kornet.ru Отпечатано в АО «Красная Звезда» 117342, г. Москва, Севастопольский проспект, д. 56/40 Цена свободная © «Военно-исторический журнал», 2026	Отдел распространения периодической печати — 8(495) 941-39-52 E-mail: kr_zvezda@mail.ru, Web-сервер: http://www.redstarprint.ru Секретариат — 8(495) 191-15-51

РЕДАКЦИЯ
Главный редактор
ЧАЧУХ

Игорь Мадинович,
заслуженный
журналист РФ,
полковник запаса

Заместитель
главного редактора

КИКНАДЗЕ

Владимир Георгиевич,
доктор исторических наук,
доцент, член-корреспондент
РАН,
полковник запаса

Научные редакторы

П.А. АФАНАСЬЕВ,
полковник в отставке;

Е.В. ДОБЫЧИНА,
кандидат
исторических наук;

В.А. ЕВДОКИМОВ,
подполковник в отставке;

Н.Л. КРЫЛОВА;

А.Л. КУРСОВА;

С.В. МАНИУКОВ,
полковник в отставке;

А.Н. ОВЧИННИКОВ,
подполковник в отставке;

А.В. ПЕТРОЧИНИ;

А.А. ПИМЕНОВ,
полковник в отставке;

О.А. ТВИРОВА

Ответственный
секретарь

М.В. ЗАБРОДИНА

Секретариат

А.А. ЛАНЦОВА

(заместитель
ответственного секретаря);

Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

Н.И. ВАХРОМЕЕВА;

А.М. ПЕТРОВ,
полковник в отставке;

Е.Б. ШМИДТ

Заведующий редакцией

Е.С. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Перевод

А.М. БОРОВИК

Компьютерная вёрстка

Е.Н. ПЛЕТНЁВА

Обложка номера

И.В. НИКОЛАЕВ
капитан 1 ранга запаса

В оформлении обложки номера
использован фотопортрет Главного
маршала бронетанковых войск
П.А. Ротмистрова

**ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**
УЧРЕДИТЕЛЬ:
МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИЮЛЬ

№ 7 (795)

2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

I.I. BASIK — the Chief of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.), Senior Researcher (Moscow)

А.А. БУДКО — директор Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы в отставке, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)

A.A. BUDKO — the Director of the Military Medical Museum of the Russian Defence Ministry, Colonel (med. service, ret.), D. Sc. (Medicine), Professor, Honoured Doctor of Russia (St. Petersburg)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Ye.Yu. GUSKOVA — the Director of the Centre for the Studying the Balkans crisis of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

А.А. ЗДАНОВИЧ — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор исторических наук, профессор (Москва)

A.A. ZDANOVICH — Senior Researcher of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Lieutenant-General, D. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)

В.М. КРЫЛОВ — директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор, действительный член РАН, заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)

V.M. KRYLOV — the Director of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Communications Troops, Colonel (ret.), D. Sc. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences (RAMAS), RF Honoured Worker of Culture (St. Petersburg)

В.Н. ЛОБОВ — генеральный инспектор Министерства обороны РФ, генерал армии, доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

V.N. LOBOV — General Inspector of the Ministry of Defence of the Russian Federation, General of the Army, D. Sc. (Mil.), Cand. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)

С.В. МИРОНЕНКО — научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

S.V. MIRONENKO — Scientific leader of the State Archives of the Russian Federation, D. Sc. (Hist.), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник в отставке, кандидат исторических наук (Москва)

A.K. NIKONOV — the Director of the Central Museum of the Armed Forces, Colonel (ret.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Э.А. ПАДЕРИН — начальник Архивного управления Вооружённых сил Российской Федерации, полковник (Москва)

E.A. PADERIN — Head of the Archival department of the Russian Armed Forces, Colonel (Moscow)

И.А. ПЕРМЯКОВ — директор Российского государственного архива новейшей истории, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

I.A. PERMYAKOV — The Director of the Russian State archive of Modern History, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Ю.А. ПЕТРОВ — советник директора Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

Yu.A. PETROV — Advisor to the Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

В.С. ХРИСТОФОРОВ — главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, генерал-лейтенант, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

V.S. KHRISTOFOROV — Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Lieutenant-General, D. Sc. (Law), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.О. ЧУБАРЬЯН — научный руководитель Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

A.O. CHUBARYAN — Scientific leader of the Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences, Academician of the RAS, Professor (Moscow)

«Военно-исторический журнал» включён в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук; в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science; Белый список и Единый государственный перечень научных изданий

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ	
2-я стр. обл.	Непокорённый город. К 85-летию начала битвы за Ленинград (Публикация Н.Л. Крыловой)
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	
4	А.Я. УЛАНОВСКИЙ — «Вашингтону нужен был противоракетный щит, чтобы иметь возможность из-под него нанести сокрушительный ядерный удар по противнику и при этом самим не пострадать...». США и СССР: гонка вооружений ПРО
18	Н.К. БОРАНБАЕВ — «Без английской помощи басмачество не продержалось бы и месяца». Борьба с незаконными вооружёнными формированиями в советских республиках Центральноазиатского региона в 1918—1930-е годы
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО	
30	А.А. КОРЯКОВЦЕВ, С.Л. ТАШЛЫКОВ — «Необходимо приступить к постройке подводных лодок как можно скорее...». Создание первых советских подводных лодок во второй половине 1920-х годов
38	В.Б. ПРАСНИКОВ — «Лабораторная база Института — это корабли Военно-Морского Флота». Деятельность Центрального научно-исследовательского института военного кораблестроения в 1946—1955 гг.
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.	
48	М.И. БЕСКОРОВАЙНЫЙ — «Своевременный вызов авиации обеспечивается по радио, через специально организованную радиосеть...». Особенности системы оповещения и наведения на цель советских истребителей в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.
56	К.А. НАСОНОВ — «Медики работали в невероятных, порой нечеловечески трудных условиях...». Особенности медицинского обеспечения в войсках Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны
ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	
68	М.М. ЯКУШЕВ — «...Иметь верные сведения о всех намерениях и планах Порты». Османы на русской службе в Царьграде в конце XVIII века
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ	
76	С.А. ВЛАСОВ — «Это почётная задача — писать о людях, которые воевали». Тема Великой Отечественной войны в песенном творчестве советских поэтов, композиторов и исполнителей (1960—1980-е гг.)
ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ	
84	А.В. КАРТАШЕВ — «Занимаемой должности соответствует. Достоин продвижения на должность командира авиаэскадрильи». Тайны миссии подполковника А.И. Апанасенко в ходе визита лидеров СССР в Великобританию в 1956 году
ЗАБЫТОЕ ИМЯ	
92	С.С. БЛИЗНИЧЕНКО — «Убеждённый в своём превосходстве над другими». Судьба инженер-флагмана 3 ранга А.Д. Посаженикова
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
100	М.А. ТЕРЕНТЬЕВ — «Блюсти пределы государства в неприкосновенности...». Историография охраны рубежей Московского государства в конце XV — начале XVIII века
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
109	Ю.А. РЕЕНТ — «...В Туркестанском крае гражданская власть и военная должны быть нераздельны». Формирование военно-полицейских структур Русского Туркестана в конце XIX — начале XX века
ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ	
116	В.В. ДУГА, К.Б. МУКСИНОВ, Е.В. БАСОТИН — «Время 15.20 “стреляющий” подполковник Шумилин командует: “Пуск!”». Жизненный путь Героя Социалистического Труда генерал-лейтенанта А.А. Шумилина
ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ	
4-я стр. обл.	Легендарный советский танкист. К 125-летию со дня рождения П.А. Ротмистрова (Публикация Н.Л. Крыловой)

CONTENTS

MEMORABLE DATES	
The unconquered city. On the 85th anniversary of the beginning of the Battle of Leningrad (<i>Publication by N. L. Krylova</i>)	p. 2 of the cover
NATIONAL SECURITY	
A.Ya. ULANOVSKIY — «Washington needed a missile defense system in order to be able to launch a devastating nuclear attack on the enemy without suffering any harm itself». The United States and the Soviet Union: the missile defense arms race	4
N.K. BORANBAYEV — «Without the support of the British, the Basmachi would not have survived even for a single month». The fight against illegal armed formations in the Soviet republics of Central Asia in the 1918—1930s	18
MILITARY CONSTRUCTION	
A.A. KORYAKOVTSSEV, S.L. TASHLYKOV — «It is essential to begin the construction of submarines as soon as possible...». The development of the first Soviet submarines during the second half of the 1920s	30
V.B. PRASNIKOV — «The Institute’s laboratory base is the ships of the Navy...». Activities of the Central Research Institute of Military Shipbuilding during 1946—1955	38
GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945	
M.I. BESKOROVAYNIY — «The timely call-up of aircraft is ensured by radio, through a specially organized radio network...». The warning and targeting system features of Soviet fighters during the Great Patriotic War (1941—1945)	48
K.A. NASONOV — «The medics worked in incredibly difficult conditions, sometimes even inhumanely so...». Medical support features in the troops of the Leningrad front during the Great Patriotic War	56
HISTORY OF MILITARY-POLITICAL RELATIONS	
M.M. YAKUSHEV — «...To have reliable information about all the intentions and plans of the Porte». Ottomans in Russian service in Constantinople at the end of the 18th century	68
MILITARY PATRIOTIC EDUCATION	
S.A. VLASOV — «It’s a great honor to write about the people who fought». The theme of the Great Patriotic War in songs by Soviet poets, composers, and performers (1960s to 1980s)	76
FAMILY ARCHIVE	
A.V. KARTASHEV — «He is well-suited for the position he currently holds and deserves to be promoted to squadron commander». The secrets of Lieutenant Colonel A.I. Apanasenko’s mission during the USSR leaders’ visit to Great Britain in 1956	84
FORGOTTEN NAME	
S.S. BLIZNICHENKO — «Convinced of his superiority over others». The life and legacy of Engineer-Flag Officer A.D. Posazhennikov	92
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES	
M.A. THERENTYEV — «To maintain the integrity of the state’s borders...». Historiography of the protection of the borders of the Muscovite State in the late 15th — early 18th centuries	100
CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY	
Yu.A. REYENT — «...In the Turkestan region, civil and military authority must be inseparable». The formation of military and police structures in Russian Turkestan in the late 19th and early 20th centuries	109
MILITARY LEADERS AND COMMANDERS	
V.V. DUGA, K.B. MUKSINOV, E.V. BASOTIN — «It’s 3:20 p.m., ‘firing’ Lieutenant Colonel Shumilin commands: ‘Launch!’». The life of hero of socialist labor Lieutenant General A.A. Shumilin	116
MILITARY LEADERS AND COMMANDERS	
Legendary Soviet tanker. On the 125th anniversary of P.A. Rotmistrov (<i>Published by N.L. Krylova</i>)	p. 4 of the cover

«ВАШИНГТОНУ НУЖЕН БЫЛ ПРОТИВОРАКЕТНЫЙ ЩИТ, ЧТОБЫ ИМЕТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ИЗ-ПОД НЕГО НАНЕСТИ СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ ЯДЕРНЫЙ УДАР ПО ПРОТИВНИКУ И ПРИ ЭТОМ САМИМ НЕ ПОСТРАДАТЬ...»

США и СССР: гонка вооружений ПРО

Сведения об авторе. Улановский Алексей Янович — старший научный сотрудник НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, капитан, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: angelomega1@ya.ru).

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного анализа истории противоракетной обороны СССР и США в условиях «холодной войны» и гонки вооружений. Её в двух сверхдержавах создавали с противоположными целями. В США — как одно из средств военно-силового обеспечения агрессивной экспансионистской внешней политики для обретения возможности диктата и безнаказанной ракетно-ядерной агрессии против нашей страны. В СССР — с оборонительными целями для защиты в условиях созданной и взвинчивавшейся США угрозы ракетно-ядерной агрессии. Сопоставление хронологии ключевых событий истории ПРО показывает: в СССР определили более эффективную траекторию создания и совершенствования противоракетной обороны, опередили США на ключевых этапах гонки вооружений ПРО, достигли более весомых результатов и решили главную задачу — внесли достойный вклад в создание неотразимых оружейных аргументов, которыми наша страна успешно убеждала потенциального агрессора в самоубийственности ракетно-ядерной войны и удерживала от неё.

Ключевые слова: СССР; США; противоракетная оборона; перехват баллистических ракет; «холодная война»; гонка вооружений; «звёздные войны»; стратегическая оборонная инициатива; СОИ; планы ядерного нападения США на СССР; системы А, А-35, А-135; «Safeguard».

Объявив «успешным перехватом» пролёт противоракеты в 2 км от цели, газета «The New York Times» 13 декабря 1962 года сообщила: «Некоторые военные чиновники рассматривают его (проект «Nike Zeus». — Прим. авт.) как жизненно важную гонку за победу над Советским Союзом в создании системы противоракетной обороны»¹. Но о какой победе речь, если победить обороной невозможно? Ответ прост. «Вашингтону нужен был противоракетный щит, чтобы иметь возможность

из-под него нанести сокрушительный ядерный удар по противнику и при этом самим не пострадать или пострадать в минимальной степени»², — свидетельствовал Ю.А. Квицинский, глава делегаций СССР в 1981—1983 и 1987 гг. на переговорах по ограничению и сокращению ядерных вооружений, а также в 1981—1985 гг. с США об ограничениях ядерных вооружений в Европе, чрезвычайный и полномочный посол, замминистра иностранных дел СССР в 1990—1991 гг.

Самое важное различие систем ПРО СССР и США в том, что советскую создали для защиты миллионов своих граждан в самом крупном мегаполисе страны и вокруг него в густонаселённом административно-промышленном рай-

оне в интересах всего советского народа. Уничтожение Москвы привело бы к катастрофическим последствиям для всей страны, затруднило её защиту, отпор агрессору, управление государством и Вооружёнными силами, негативно повлияло бы на ход

и исход ядерной войны. А ПРО США создавали для защиты позиций ракет и сохранения в ходе американской ракетно-ядерной агрессии против Советского Союза возможности её продолжения после ответного удара СССР.

От «Анти-Фау» и «Wizard» до спутникового шока

СССР и США побудило приступить к созданию ПРО в 1945 году применение ракетного оружия гитлеровской Германией.

В Советском Союзе развернули научно-исследовательские работы (НИР) созданное при Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского Научно-исследовательское бюро спецтехники ВВС во главе с кандидатом технических наук инженер-полковником Г.М. Можаровским по проекту «Анти-Фау» и несколько НИИ по теме «Плутон». НИИ-20 Наркомата вооружений вёл НИР по созданию базовой радиолокационной станции (РЛС) для борьбы с перспективными ракетами дальнего действия. В 1948 году НИИ-885 (ныне — холдинг «Российские космические си-

стемы») и НИИ-20 выполняли программу исследований возможности обнаружения и перехвата баллистических ракет дальнего действия «И-32»³. В 1949 году подготовили аванпроект системы ПРО отдельного района, ставший основой для создания первой экспериментальной системы ПРО⁴. В конце того же года ввиду сосредоточения усилий на создании системы ПВО С-25 работы по ПРО прекратили, материалы передали в КБ-1⁵ (ныне ПАО «Научно-производственное объединение “Алмаз” имени академика А.А. Расплетина»).

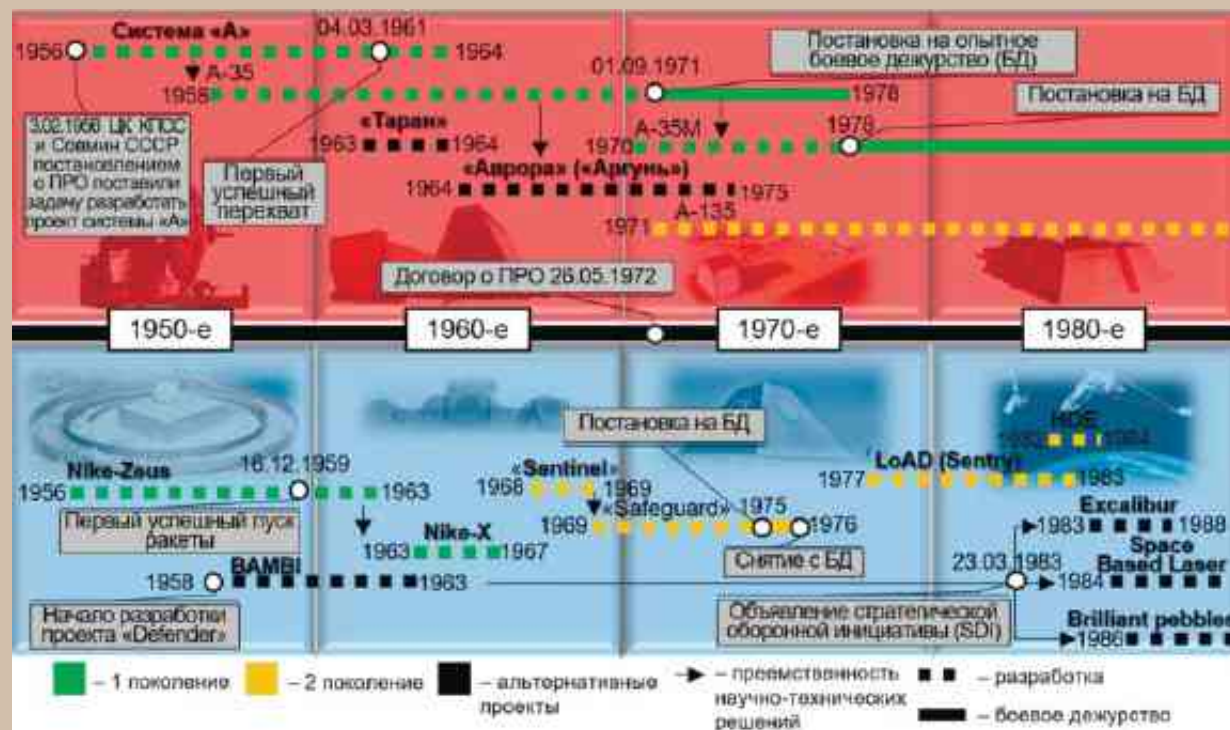
К ним вернулись в 1953 году в связи с созданием ракет в США. В сентябре в Научно-техническом совете (НТС) Третьего главного управления (ТГУ) при Совмине СССР Г.В. Кисунько доложил предварительные работы, и 28 октября того же

года Совмин СССР дал распоряжение «О возможности создания средств ПРО», 2 декабря — «О разработке методов борьбы с ракетами дальнего действия»⁶. Радиотехническая лаборатория Академии наук СССР (РАЛАН)⁷ разрабатывала аванпроект «Барьер» зональной системы ПРО; КБ-1 и ОКБ-2 Минавиапрома (ныне АО «Машиностроительное конструкторское бюро “Факел” имени академика П.Д. Грушина») — аванпроект системы ПРО с РЛС дальнего радиолокационного обнаружения (ДРЛО) семейства «Дунай»⁸.

3 февраля 1956 года ЦК КПСС и Совмин СССР Постановлением «О противоракетной обороне» поставили задачи на разработку проекта экспериментальной системы «А». В кооперацию разработчиков вошли коллективы во главе с главными конструкторами: системы —

Схема

Основные вехи истории ПРО СССР и США в 1950—1980-е гг.

Светлым шрифтом указаны названия проектов, по которым созданы системы ПРО, полужирным — не доведённые до их создания.

Составлена по: Системы вооружения ракетно-космической обороны России в 2 т. Т. 1. М.: Столичная энциклопедия, 2020. С. 29, 30, 63 — 65, 228, 242, 243; ABM: research and development at Bell Laboratories. Project history. Whippany N.J.: Western Electric, 1975. P. 1—26; History of strategic air and ballistic missile defense. V. 2. 1975. P. 198, 222, 223; Брезкун С.Т. Проблема противоракетной обороны в свете долговременной политики США. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2018. С. 128.

Г.В. Кисунько (с 1953 г. КБ № 30, с 1961 г. ОКБ-30, с 1966 г. ОКБ «Вымпел»), противоракеты — П.Д. Грушиным, центральной вычислительной станции — С.А. Лебедевым, системы дальнего обнаружения — В.П. Сокульниковым и А.Л. Минцем, системы передачи данных — Ф.П. Липсманом, пусковых установок — И.И. Ивановым, РЛС вывода противоракет — С.П. Рабиновичем. В 4-м Главном управлении Минобороны сформировали специальное заказывающее управление. Создали новые производственные мощности, специализированные монтажно-настроечные организации и предприятия, а также согласно приказу министра обороны СССР № 0068 от 30 июля 1956 года и подписанной в тот же день директиве Генштаба Вооружённых сил СССР ОРГ/6/40258 — Государственный научно-исследовательский испытательный полигон № 10 Минобороны СССР (ГНИИП-10 МО, полигон ПРО Сары-Шаган) в казахстанской

Портрет
Григория Васильевича
Кисунько
Художник Б.И. Тарелкин,
1983 г.

определили в 1000–1500 м/с и отразили числом в её индексе В-1000¹². 31 августа 1958 года она достигла скорости 1500 м/с¹³.

США собирали сведения о радиолокационных характеристиках советских БР с помощью установленного в Турции на авиабазе Пиринчлик радиолокатора AN/FPS-17, направленного на полигон Капустин Яр

степи Бетпак-Дала от озера Балхаш до реки Сары-Су с административным центром — городом Приозёрском⁹. Там с июня 1957 года изучали поведение баллистических ракет (БР) в полёте с помощью экспериментального радиолокатора, спроектированного Г.В. Кисунько¹⁰. А США собирали сведения о радиолокационных характеристиках советских БР с помощью установленного в Турции на авиабазе Пиринчлик радиолокатора AN/FPS-17, направленного на полигон Капустин Яр¹¹.

Требуемую скорость экспериментальной противоракеты

В США, захвативших и использовавших основную часть немецкой документации и ракетной техники вместе с её разработчиками, с 1945 года инициировали исследовательские проекты «Wizard», «Thumper», «Bumblebee», «GAPA» (Ground-to-Air Pilotless Aircraft — «Противовоздушный беспилотный летательный аппарат»). Но командование ВВС переключило внимание на ПВО¹⁴.

Концепция противоракетной защиты США появилась в марте 1955 года, когда научно-исследовательская группа компании Bell Telephone Labs

(BTL, Bell Laboratories, Bell Labs) с сотрудниками авиастроительной Douglas Aircraft Company (DA, впоследствии — McDonnell Douglas) провела исследование, касавшееся создания зенитной ракеты. В 1956 году была начата программа «Nike Zeus» — поиска путей создания и принципов построения ПРО, способов обнаружения и сопровождения головных частей БР. Управление боеприпасов и вооружений минобороны (the Department of defense — орган руководства видом вооружённых сил — сухопутными войсками, армией) заключило контракт на определение возможности создания универсального средства уничтожения самолётов и ракет. Впоследствии проект назвали «Nike II». Решили совместить программы создания комплекса ПРО и ЗРК «Nike Hercules», начатую раньше. Путём доработки и видоизменения ракеты ЗРК разрабатывали противоракету «Nike Zeus A», также известную как «Nike II». В феврале 1957 года руководство армии выдало консорциуму BTL и Western Electric (WE) контракт на проектирование системы ПРО «Nike Zeus». Субподрядчиками стали: DA — ракеты, Radio Corporation of America (RCA) — передатчиков, Goodyear Aircraft Company — антенн¹⁵.

Запуск первого советского искусственного спутника Земли 4 октября 1957 года вызвал в США «шок, смещение и унижение», «кризис доверия к американским технологиям, ценностям, политике и армии». Американская общественность «испытывала такие же ощущения, как при нападении японцев на Пёрл-Харбор», и опасения, что СССР может нанести удар по США ракетами с ядерными боеголовками. В числе ответных мер на шок от спутника (the sputnik shock, как писала пресса США) и спутниковый кризис — страх и тревогу общественности из-за технологического разрыва между США и СССР — было создание в 1958

году по инициативе президента Д. Эйзенхауэра центральной научно-исследовательской организации минобороны США для разработки рекомендаций по внедрению в оборонно-промышленный комплекс новых технологий для сохранения технологического доминирования вооружённых сил США; стимулирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), результаты которых могли использоваться в военных целях; содействия использованию результатов фундаментальных исследований в интересах национальной безопасности. В 1958—1972 и 1993—1996 гг. она носила название ARPA (The Advanced Research Projects Agency), в 1972—1993 гг. и с 1996 года — с добавлением «Defense» — DARPA. Переводы различны: Управление перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ, Агентство перспективных исследовательских проектов минобороны США, Агентство передовых оборонных исследовательских проектов и др.¹⁶

В 1959 году США начали строительство испытательного центра для исследований в области ПРО на атолле Кваджелейн в Тихом океане. Центр был готов к испытаниям в 1962-м¹⁷.

Перехваты системой «А» и имитации «Nike Zeus»

В СССР начали испытывать первый прототип противоракеты 1БА 13 октября 1957 года¹⁸, В-1000 в штатном снаряжении — 16 октября 1958-го. Советская экспериментальная система ПРО «А»¹⁹ приобрела завершённый облик к осени 1959 года²⁰. В неё входили 3 радиолокатора точного наведения на вершинах равностороннего треугольника, удалённых друг от друга на 120 км; РЛС дальнего обнаружения «Дунай-2»; стартовая позиция с пусковыми установками противоракет В-1000; РЛС вывода противоракет на цель; вычислительная машина М-40 (впоследствии

П.Д. Грушин

М-50), обеспечивавшая расчёты и управление элементами системы ПРО в автоматическом режиме, а также система передачи данных²¹.

4 марта 1961 года состоялся первый в истории перехват с поражением головной части

ветских баллистических ракет средней дальности (БРСД) и межконтинентальных (МБР). В последующем ЗРК «Hawk» перехватил тактическую БР «Little John», ЗРК «Improved Hercules» — БР малой дальности «Corporal»²⁴ при помощи ядерной боевой части (ЯБЧ) и ракеты ЗРК «Nike Hercules», запущенные в качестве мишеней²⁵. Но эти перехваты были тестами ЗРК, а не системы ПРО, не означали защиты от советских ракет, так как американские мишени не имитировали полёты ни БРСД, ни МБР, их ТТХ многократно уступали советским ракетам. К тому же установки ракет-мишеней и ЗРК находились на одном полигоне. РЛС ЗРК сопровождали цели со стартов. А в СССР условия испытаний были приближены к боевым. Система «А» обнаруживала и отслеживала полёты ракет-целей, стартовавших на значительном удалении.

16 декабря 1959 года в США начали испытания системы «Nike Zeus»²⁶ на ракетном полигоне White Sands Missile Range

Советские противоракеты поражали цели осколочно-фугасными БЧ, исключая радиоактивное заражение местности и другие негативные последствия

баллистической ракеты Р-12. В том же году 26 марта противоракета уничтожила боеголовку баллистической ракеты Р-5, 9 июня — боеголовку Р-12. Всего за время испытаний системы «А» до 1964 года провели пуски около 100 противоракет В-1000. В том числе в марте—июне 1961 года — 29 удачных пусков с перехватами баллистических целей²².

12 февраля 1960 года в США объявили, что 29 января «была взорвана противосамолётной ракетой» ЗРК «Hawk» тактическая ракета ближнего действия «Honest John»²³. Её дальность, высота траектории и скорость были гораздо меньше, чем со-

(WSMR, Белые Пески, штат Нью-Мексико) и в 1962 году объявили о двух «успешных перехватах», которые были их имитациями. 19 июля противоракета «Nike Zeus» пролетела в 2 км от боевого блока МБР SM-65 «Atlas», 12 декабря — в 200 м. «The New York Times» утверждала, что «Nike Zeus» с ЯБЧ при пуске по реальной цели «взорвёт ядерную боеголовку в “зоне перехвата”»²⁷. Более двух десятков лет только с ядерными боевыми частями стрельба американскими противоракетами на большие расстояния могла быть эффективной. А советские противоракеты поражали цели осколочно-фу-

гасными БЧ, исключая радио-активное заражение местности и другие негативные последствия²⁸. Вместе с тем для советских противоракет создали и ядерные боевые части.

«Космическая мухобойка»

За точность пресса прозвала советскую ПРО «космической мухобойкой» с подачи первого секретаря ЦК КПСС, председателя Совмина СССР Н.С. Хрущёва после его ответа на вопрос одного из американских журналистов в беседе с ним 13 июля 1962 года: «Наша ракета, можно сказать, попадает в муху в космосе»²⁹.

Задачу на разработку проекта системы ПРО А-35 ЦК КПСС и Совмин поставили 8 апреля 1958 года, назначив Г.В. Кисунько её генеральным конструктором, и в январе 1960-го приняли постановление о создании системы³⁰.

В мае 1963 года по альтернативному предложению генерального конструктора ОКБ-52 (с 1966 г. — ЦКБ машиностроения, с 1983 г. — НПО машиностроения, с 2007 г. — ОАО «Военно-промышленная корпорация “НПО машиностроения”») В.Н. Челомея ЦК КПСС и Совмин СССР приняли постановление о разработке аванпроекта системы «Таран». Её генеральным конструктором назначили В.Н. Челомея. Этот проект, по его замыслу, должен был объединить собственно «Таран» — будущую систему заатмосферного перехвата на дальних рубежах в космосе создаваемыми под руководством Челомея МБР УР-100, которые требовалось переоборудовать в противоракеты; РЛС, сконструированные под руководством А.Л. Минца; будущую систему «Аврора», которую предполагали создать совершенствованием А-35; будущую передвижную систему С-225, которую разрабатывало КБ-1, с РЛС «Программа-2» (позже переименованную в «Неман»).

Изначально планировали к 1964 году завершить строитель-

С.А. Лебедев

ные работы на подмосковных объектах первой очереди системы А-35. Из-за изменений этого проекта, а также проекта В.Н. Челомея сроки сдачи А-35 постоянно переносили. В итоге проект «Таран» отклонили после отставки Н.С. Хрущёва. Работы по созданию А-35 возобновили, по проектам «Аврора» и С-225 продолжили.

В ходе госиспытаний А-35 для повышения эффективности использования радиотехнических средств было принято решение модернизировать её. 24 декабря 1965 года провели первый пуск противоракеты А-350 (5В61). Её средняя скорость была в несколько раз больше, чем В-1000, зона действия расширена по высоте и дальности примерно в 20 раз. Осколочно-фугасная БЧ заменена ядерной³¹.

Ключевой проблемой для систем ПРО СССР и США в середине 1960-х годов стала сложность перехвата разделяющихся головных частей баллистических ракет. Их начинали ложными целями. А перехват на низких высотах был сопряжён с риском подрыва ядерного боеприпаса над обороняемым объектом. В 1961—1962 гг. на ГНИИП № 10 провели пять экспериментов по подрыву ядерных зарядов в

зоне работы РЛС. Они показали, что ионизация атмосферы значительно снижает эффективность радаров³². В то же время провели испытательные работы по тематикам «Верба», «Кактус», «Крот» для определения возможности установки помех средствами ракетно-космического нападения³³. Так полигон ПРО стали использовать и для испытания средств её преодоления, важных для развития советских стратегических сил.

Ответом на изменения характера угрозы стал комплексный пересмотр концепций построения систем ПРО СССР и США. Их по общим признакам можно разделить на два поколения, отмеченных на схеме. Системы ПРО второго поколения сделали двухэшелонными, чтобы более тяжёлые противоракеты с ядерными головными частями (ЯГЧ) перехватывали цели на заатмосферных участках траекторий, а в атмосфере более лёгкие и скоростные противоракеты уничтожали уцелевшие ЯГЧ, когда от них под действием аэродинамических сил из-за меньшего веса отстанут и «отсеются» ложные цели. От противоракет первого поколения с классическими аэродинамическими рулями («крылышками») противоракеты второго поколения отличаются газодинамическим управлением (с помощью реактивных струй). Использованные в первом поколении аналоговые ЭВМ на ламповой элементной базе и «классические» радары с поворотными полотнами во втором поколении заменили вычислительной техникой на полупроводниковой элементной базе и РЛС с крупными неподвижными антенными полотнами — фазированными антенными решётками, которыми управляют электронные средства, изменяющие конфигурацию направленного излучения радиоволн в доли секунды.

Поиски новых решений в СССР начали в августе 1967 года с созданием межведомственной комиссии по рас-

смотрению новых эскизных проектов систем ПРО. Первый — эскиз сложной в техническом исполнении РЛС для проекта «Аврора» — разрабатывали под руководством Г.В. Кисунько. Второй — в ходе начатых в 1961 году НИР «Программа», в 1965-м — создания РЛС «Программа-2», в 1968-м переименованной в РЛС «Неман», главным конструктором которой был Ю.Г. Бурлаков (в конце 1980 г. она прошла госиспытания)³⁴. Третий — проект РЛС «Дон-Н» — разрабатывал коллектив во главе с А.Л. Минцем. Все три проекта предложили реализовать на ГНИИП № 10.

Одновременно решили завершить строительство и ввод в эксплуатацию первой очереди системы А-35 ПРО Москвы³⁵. Её приняли на вооружение постановлением Совмина СССР от 10 июня 1971 года и 1 сентября поставили на боевое дежурство. А-35 была способна поражать баллистические моноблочные БР на дистанциях 130—400 км, высотах 50—400 км. Противоракета снаряжалась специальной боевой частью. Планировали развернуть аналоги А-35 у крупных городов. Но Договором СССР и США об ограничении систем ПРО, подписанным 26 мая 1972 года, и протоколом к нему от 3 июля 1974-го каждая из сторон обязалась ограничиться одним районом размещения систем ПРО или их компонентов с общим числом не более 100 пусковых установок противоракет и не более 100 противоракет на стартовых позициях³⁶. В 1974 году всю систему А-35 с ракетами А-350Ж ввели в строй³⁷.

Затем А-35 модернизировали и по постановлению ЦК КПСС и Совмина СССР от 11 июня 1975 года в декабре 1977 года А-35М приняли на вооружение. Если А-35 могла перехватывать группы моноблочных парных целей (боеголовки и корпуса БР), атакующих Москву с одного или разных направлений, то А-35М — поражать сложные баллистические цели (СБЦ) —

В.П. Сосульников

головные части и элементы их прикрытия.

Оснащение МБР разделяющимися головными частями с боевыми блоками индивидуального наведения и комплексами

лительный пункт с вычислительными средствами и средствами управления системой ПРО; многофункциональная РЛС «Дон-2Н», сочетавшая все функции РЛС (поиск, селекция, слежение, наведение, передача команд на борт противоракеты); противоракеты дальнего (заатмосферные, А-925) и ближнего перехвата (атмосферные, ПРС-1)³⁸. К 1979 году началось создание полигонного стрельбового комплекса³⁹.

Эскиз системы подготовило СКБ-2 Центрального научно-производственного объединения (ЦНПО) «Вымпел», и 7 июня 1978 года Совмин СССР принял постановление о проекте территориальной ПРО, утвердив план работ по созданию системы А-135. Генеральным конструктором системы был назначен А.Г. Басистов. Главным конструктором РЛС «Дон-2Н» — В.К. Слока, основным разработчиком программно-алгоритмического обеспечения и информационного согласования системы ПРО с системами

Если А-35 могла перехватывать группы моноблочных парных целей (боеголовки и корпуса БР), атакующих Москву с одного или разных направлений, то А-35М — поражать сложные баллистические цели (СБЦ) — головные части и элементы их прикрытия

преодоления ПРО потребовало укреплять противоракетный щит, и 10 июня 1971 года Совмин СССР принял постановление о разработке системы А-135. Замысел включал разработку многоканального стрельбового комплекса (МКСК) с двумя эшелонами перехвата — дальним (заатмосферным) и ближним (атмосферным), способного выполнить боевую задачу при применении в составе цели перспективных средств преодоления ПРО. Основными элементами системы А-135 должны были стать: командно-вычис-

предупреждения и контроля космоса — заместитель генерального конструктора М.Г. Минасян. Строительство системы А-135 начали в 1979 году, окончили в декабре 1989-го⁴⁰. Госиспытания А-135 успешно завершили в 1990 году. В феврале 1995 года приняли на вооружение. 1 декабря 1996-го поставили на боевое дежурство⁴¹.

«Sentinel» и «Safeguard»

С созданием ARPA оно в рамках программы «Defender»⁴² сформулировало перспективные программы создания

Противоракета В-1000 на пусковой установке. Памятник в г. Приозёрске. Полигон Сары-Шаган

А-350. Памятник в г. Приозёрске

средств ПРО. Так как на рубеже 1950—1960-х годов СССР усовершенствовал свои МБР⁴³, боевые возможности разрабатывавшейся системы «Nike Zeus» сочли недостаточными⁴⁴. Её проект к 1963 году свернули и на его основе запустили проект «Nike-X»⁴⁵. Эта система должна была состоять из двух типов противоракет дальнего, ближнего перехвата и многофункциональной РЛС⁴⁶.

Тандем ВТЛ и АРПА инициировал ряд проектов. В их числе BAMBИ (BALLISTIC Missiles Boost Intercept — «Перехватчик баллистических ракет на разгонном участке траектории») — развёртывания в космосе группировки спутников со средствами активной ПРО. Он не получил развития в 1960-е, а в 1980-е стал актуальным в рамках «Стратегической оборонной инициативы»⁴⁷.

Проекты «Hardsite» и «Hardpoint» предполагали развёртывание системы ПРО архитектуры, подобной «Nike-X» с усовершенствованиями. «Hardsite» учитывал защитные свойства сооружений, допуская возможность прорыва ракет через ПРО⁴⁸. В рамках «Hardpoint» прорабатывали вопросы создания новых средств радиолокации и ракет-перехватчиков. АРПА предлагало создать многофункциональный тактический радар «Harpdar»⁴⁹ для обеспечения перехвата баллистических целей, который должен был точно вычислять траектории направленных на пусковые установки МБР. Остальные цели не подлежали перехватам. «Harpdar» в экспериментальном исполнении возводили на основе стационарной РЛС ZAR («Zeus» Acquisition Radar — «Радар обнаружения „Зевс“») проекта «Nike Zeus»⁵⁰. Результатом стало утверждение двухстанционной архитектуры системы ПРО, в которой «Precision Approach Radar» (PAR) — радар точного определения местоположения (в авиации — захода на посадку) вёл поиск цели, «Missile Site Radar» (MSR) — радар захвата и

сопровождения противоракеты обеспечивал её точное наведение на цель и подрыв⁵¹.

В рамках эксперимента HIBEX (High-G Boost Experiment — «Эксперимент по высокоскоростному разгону») в 1963—1965 гг. проводили исследования для создания противоракеты, способной за несколько секунд разогнаться до 5 км/с, выдерживая перегрузки до 400g⁵². Её создали компании «Boeing», «Hercules Inc.» и передали наработки для проектирования противоракеты «Sprint»⁵³.

В США приняли решение развернуть «тонкую» систему ПРО якобы для защиты от ракет Китая⁵⁴ и случайных пусков из СССР как первую очередь создания ПРО крупных городов по проекту «Hardsite». Программу строительства 17 объектов ПРО объявили в 1968 году под названием «Sentinel»⁵⁵. Планировали на каждом установить два радиолокатора и оборудовать стартовые позиции двух типов противоракет — «лёгких» двухступенчатых «Sprint» и «тяжёлых» трёхступенчатых «Spartan». Так как у «Sentinel» было много противников, президент США Р. Никсон принял решение заменить её программой «Safeguard»⁵⁶ с задачей — обеспечить прикрытие 12 военных баз МБР, аэродромов стратегической авиации и подводных ракетноносцев. Планировали довести число противоракет до тысячи. Но после ограничения их числа Договором по ПРО и района ПРО протоколом к нему от 1974 года одним США выбрали район пусковых установок МБР в Северной Дакоте⁵⁷.

Система ПРО «Safeguard» была передана армии США в сентябре 1974 года. В апреле 1975-го заступила на опытное боевое дежурство и 10 февраля 1976 года снята с него⁵⁸.

«Звёздные войны» США и наш ответ

8 марта 1983 года Р. Рейган объявил СССР «империей зла» и 23 марта в выступлении, которое стало важной вехой про-

А. Л. Минц

граммы давления на Советский Союз и получило известность как речь о «звёздных войнах» («Star Wars»), о программе «Стратегическая оборонная

и т.п.⁶⁰ Затем переориентировались на разработку ограниченной системы для защиты от ударов до 200 боеголовок и в 1990 году приняли концепцию «Global Protection Against Limited Strikes» (GPALS, «Глобальная защита от ограниченных ударов»).

СССР напоминали США, что развёртывание вооружений в космосе противоречит международным соглашениям⁶¹. Американские военные и политические деятели отвечали, что договорённости не запрещали разрабатывать подобные системы вооружений. После объявления СОИ американские исследователи разрабатывали архитектуру системы ПРО на космических платформах, в т.ч. с лазерными установками. Подобные идеи отразились в проектах «Excalibur», «Space Based Laser» и «Brilliant Pebbles». По оценкам советских специалистов, доставка на орбиту грузов для полномасштабного

В США приняли решение развернуть «тонкую» систему ПРО якобы для защиты от ракет Китая и случайных пусков из СССР как первую очередь создания ПРО крупных городов по проекту «Hardsite»

инициатива» (СОИ, «Strategic Defense Initiative», SDI) заявил: «Мы приступаем к реализации программы по противодействию ужасающей советской ракетной угрозе». Власти США до 1992 года выделили 30 млрд долларов на исследования по программе СОИ, которые не принесли никаких значимых практических результатов⁵⁹.

США грозились создать крупномасштабную эшелонированную ПРО с элементами космического базирования (перехватчиками на орбите), использованием традиционных противоракетных комплексов и оружия на новых физических принципах — лазерного, пучкового, электромагнитных пушек

развёртывания спутниковой группировки ПРО обошлась бы США минимум в 140 млрд долларов. А непрерывная и полная загрузка многоразовых шаттлов обеспечила бы вывод в космос по одной станции ПРО в год⁶².

Жизнеспособными в рамках СОИ стали только программы «LOADs» («Low-Altitude Defense System» — «Система защиты от полётов на малых высотах», в 1982 году продолженная под названием «Sentry» — «Часовой») и «НОЕ» («Homing Overlay Experiment» — «Эксперимент с наложением эффекта самонаведения»). Обе были экспериментальными, служили проверке технологий. В рамках «LOADs» продолжали разработку ско-

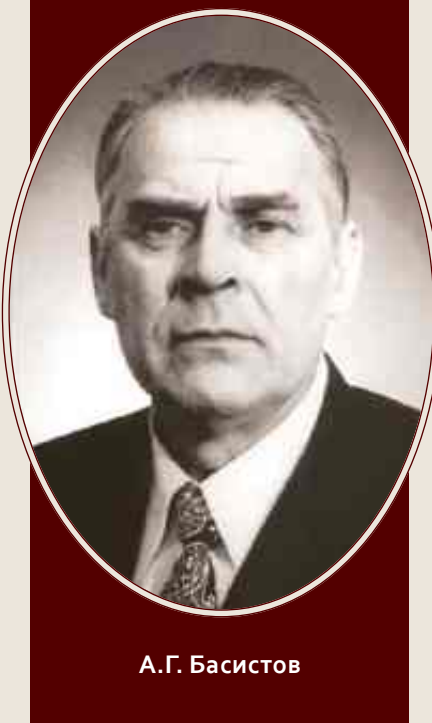
ростной ракеты-перехватчика, идентичной упомянутой ранее «НІВЕХ». Проект «НОЕ» компании «Lockheed», начатый в 1978 году, предусматривал разработку перехватчика БР невзрывного типа на базе ракеты «Minuteman». Его головная часть раскрывалась подобно спицам зонта, которые формировали плоскость поражения. Пролетая через неё, встречная ракета деформировалась без риска детонации боеголовки. Из четырёх испытаний успешным стало одно — 10 июня 1984 года⁶³. Этим днём в отечественной историографии датируют первый в США неядерный перехват БР, т.к. упомянутые ранее неядерные перехваты ЗРК ракет малой дальности, которые не имитировали БРСД и МБР из-за гораздо меньших ТТХ, уместнее отнести к испытаниям зенитных средств⁶⁴.

В ответ на СОИ Правительство СССР постановлением от 15 июля 1985 года инициировало ряд поисковых и фундаментальных исследований, направленных на создание аналогичных американским, но превосходивших их по характеристикам средств борьбы с баллистическими ракетами. На уровне проектной документации были проработаны различные научные и инженерные решения. Перспективные проекты погубил системный кризис СССР. Многие наработки учли при создании системы ПРО Московского административно-промышленного центра.

История соперничества США и СССР в области ПРО завершилась с разрушением Союза в 1991 году. Основные вехи истории ПРО СССР и США графически отражены схемой. Сравнительный анализ их развития привёл к следующим выводам.

«По мнению американских правителей, военное господство имеет важное значение для их стремления к глобальной абсолютной власти»

Цели США и СССР в области ПРО были противоположны.

А.Г. Басистов

Верхушка США отказом от системы «Safeguard» доказала, что не верила в советскую ракетно-ядерную угрозу и «ужасиками» о ней дурачила своих налогоплательщиков и зарубежную общественность. Иначе не отказалась бы от ПРО и наращивала её.

Время доказало: ПРО не нужна была США и не имела никакого отношения к её военной безопасности. За время без ПРО до и после отказа от системы «Safeguard» в США не прилетела ни одна чужая ракета. Утверждения об угрозе советских ракет были циничной ложью.

США созданием и усилением атомной, затем ракетно-ядерной угрозы Советскому Союзу навязали ему гонку вооружений ПРО. За планом операции «Немыслимое» — войны США и Британии против СССР летом 1945 года, не состоявшейся потому, что США жаждали участия Красной армии в разгроме Японии, через день после её капитуляции последовал меморандум Объединённого разведывательного комитета США № 329 от 4 сентября 1945-го с предложением «отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных

для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории». Предполагаемый результат — уничтожение 13 млн человек, спасших мир от фашизма союзников США. За ним последовали планы ядерного нападения США на СССР, у которого до 29 августа 1949 года не было атомной бомбы: «Тоталити» (декабрь 1945-го), «Троян», «Браво», «Пинчер» (1946), «Бройлер» (1947), «Кронкшафт», «Хафмун», «Когвилл» (1948), «Дропшот» (1949). США окружили СССР военными базами, позволявшими наносить по нему ядерные удары. С 1954 года США развернули в ФРГ крылатые ракеты (КР), в 1958—1960 гг. — 60 БРСД в Британии, 30 в Италии, а также 15 в Турции, способных поражать территорию СССР, включая Москву. Советский Союз парировал угрозу переброской ракет на Кубу, приведшей в 1962 году к Карибскому кризису. К 1965 году в Германии были 3 дивизиона армии США и 2 крыла немецких ВВС с американскими «першингами». В 1979 году Совет НАТО решил разместить в Европе более 500 ракет США с ЯБЧ. Разместили в ФРГ 108 БРСД и 64 КР, в Британии и Италии — по 112, в Нидерландах — 16 КР⁶⁵.

В обеих странах в 1963 году выдвинули идею эшелонированной ПРО: в СССР в программе «Таран», в США — «Nike-X». В нашей стране от «Тарана» отказались, замысел двухэшелонной А-135 сформировали в конце 1960-х годов. Решение о её разработке приняли в 1971-м и завершили госиспытания в 1990 году. Всё это время действовали системы ПРО А-35, затем А-35М. У США не было действовавшей системы ПРО ни до её ввода в строй, ни после отказа от двухэшелонной «Safeguard», которая находилась на вооружении около полугода. Ещё до одобрения конгрессом начала строительства системы «Safeguard» в августе 1969 года полити-

кам, выступавшим против неё, академическим кругам США и обывателям было ясно, что «Safeguard» не принесёт ничего, кроме огромных затрат и вреда, ухудшит отношения США с СССР в области стратегических вооружений. Это утверждали учёные, политики и пресса. В том числе орган научного сообщества «Бюллетень учёных-атомщиков» (The Bulletin of Atomic Scientists). Известный физик-ядерщик Г. Йорк в марте 1969 года заявил о технической несостоятельности программ «Sentinel» и «Safeguard», о том, что созданные по ним системы не смогут выполнить задачи по уничтожению ракет противника, создание системы «Safeguard» не изменит стратегический баланс США и осложнит их отношения с СССР. Лауреат Нобелевской премии, физик-атомщик Г. Бете к маю 1969-го заявил о нецелесообразности ПРО для защиты баз МБР «ввиду малой реалистичности угрозы извне», гражданских объектов — ввиду провоцирования ею СССР на увеличение мощности стратегических сил, риске обострения отношений с ним. Авторы «Бюллетеня» в 1969—1972 гг. выдвинули доводы против ПРО, которые стали основными для решения снять «Safeguard» с боевого дежурства⁶⁶. Но сняли только после того, как оружейные магнаты получили на ПРО всё, что при поддержке строительства ПРО Р. Никсоном и его советником Г. Киссинджером «выдавили» для них из госбюджета лоббисты военно-промышленного комплекса (ВПК). Российский исследователь Д.И. Федюшко оценил стоимость проекта «Safeguard» до 25 млрд долларов, не считая содержания и дополнительных расходов. Исследователи Брукингского института в Вашингтоне, пересчитав в 1998 году по курсу национальной валюты на момент реализации проекта, оценили «Safeguard» в 23 млрд долларов⁶⁷. В США понимали, что их выкидывают на ветер, число

В.К. Слока

советских МБР и их разделяющиеся головные части обнулили эффективность ПРО США⁶⁸, но не дать ВПК эти миллиарды не смели.

ПРО и вся гонка вооружений были порождены стремлением США стать мировым жандармом и обрести возможность беспрепятственно и безнаказанно громить всех неугодных, требовались для военно-силового обеспечения агрессивной

конечные войны, так как наши лидеры исходят из того, что она имеет право и даже обязана так поступать»⁷⁰. Аналитический центр информгентства КНР «Синьхуа» констатировал: «По мнению американских правителей, военное господство имеет важное значение для их стремления к глобальной абсолютной власти, усиление которой, в свою очередь, может подпитывать их военную гегемонию»⁷¹.

СССР был непреодолимой преградой на пути США к мировому господству. В этом причина планов их агрессии против нашей страны, «холодной войны», гонки вооружений. Проблематика ПРО вошла в международные отношения и стала учитываться в стратегическом балансе США и СССР.

По оценке А.А. Кузнецова, американские планы, проекты и программы ПРО «нацелены на разрушение баланса сил в мире и обеспечение глобального стратегического доминирования США. Они стремятся создать условия для применения своих ядерных и обычных вооружений с гарантиями минимизации и предотвращения ответного удара. Это создаёт иллюзию безнаказанности

«Америка ведёт бесконечные войны, так как наши лидеры исходят из того, что она имеет право и даже обязана так поступать»

экспансионистской внешней политики, борьбы за господство США в мире, американскому ВПК — для получения всё больших прибылей. На это много лет обращают внимание политики и общественные деятели, учёные и публицисты разных стран, в т.ч. в США⁶⁹. Американский историк и публицист Д. Ларисон утверждает: «Нет ничего случайного в том, что военное превосходство США влечёт за собой бесконечные конфликты. Америка ведёт бес-

внезапного применения американских стратегических наступательных вооружений под прикрытием ПРО, снижает порог применения ядерного оружия и развязывания войны. Поэтому наращивание ПРО США — угроза глобальной безопасности и всему человечеству, созданная и обостряемая Соединёнными Штатами в погоне за химерами неуязвимости и безнаказанности ради подчинения мира своему диктату»⁷².

Противоракета системы А-135

Фото В. Литовкина
ТАСС

Американская противоракета «Spartan»

«То был ударный труд,/
Отчизной вдохновлённый./
Тех будней память тем
весома и жива,/ что под
щитом “зенитной Первой
конной”/ спокойно трудится
и строится Москва»

Этими поэтическими строками⁷³ генерал-лейтенант-инженер Г.В. Кисунько, один из создателей советской ПРО, отразил главный результат их труда, вклад в создание неотразимых оружейных аргументов, которыми СССР убеждал потенциального агрессора в самоубийственности ракетно-ядерной войны и удерживал от неё.

Противоположно американским планам ядерной войны в СССР никогда не было планов нападения на США. Предполагали только ответные, затем ответно-встречные удары. А американская ракетно-ядерная угроза СССР была реальной, поэтому надёжная система ПВО-ПРО была обязательным компонентом защиты нашего суверенитета, национальной безопасности и государственных интересов. Научно-технический прогресс в области ПРО наряду с использованием его плодов в авиации и космонавтике стал важным условием укрепления технологического суверенитета СССР, а в дальнейшем и России.

Для объективного сравнения условий создания ПРО в США и СССР в послевоенный период нужно учесть различия возможностей их экономик. Обогатившихся и умноживших свои промышленные и финансовые ресурсы во Второй мировой, как её оценивали американцы, «самой хорошей войне за всю историю», в которой, по оценке канадского историка Ж. Пауэлса, роль США «определялась в большей степени интересами крупных корпораций и банков страны, чем теми идеалистическими мотивами, которые выдумали власти в то время и которые с тех пор эхом повторяются в средствах массовой инфор-

мации, в школах и университетах, в учебниках истории и, конечно же, в голливудской продукции»⁷⁴. И СССР, защитившегося от уничтожения, избавившего мир от фашизма и завоевавшего Великую Победу ценой огромнейших потерь: 26,6 млн своих граждан и 30 проц. национальных богатств после разрушения оккупантами 1710 городов и посёлков, свыше 70 тыс. сёл и деревень, свыше 6 млн зданий, 31,8 тыс. промпредприятий, заводов, выплавлявших около 60 проц. стали, шахт, добывавших свыше 60 проц. угля, 65 тыс. км железнодорожных путей и 4100 станций, 36 тыс. предприятий связи, 40 тыс. медучреждений, 84 тыс. вузов, НИИ, школ, техникумов⁷⁵.

То, что в послевоенных условиях отечественные конструкторы и производственники, начав создание ПРО одновременно с американцами, определили более короткую и эффективную траекторию её развития и опередили США в создании противоракеты, превзошли в точности наведения противоракет, было научно-техниче-

скими подвигами и победами. Следующими их победами стали опережение США в создании первой боевой системы ПРО А-35, которую можно было тиражировать и установить везде, где была необходима ПРО, её модернизация — А-35М и более 30 лет защищающий столицу и самый густонаселённый административно-промышленный район России уникальный симбиоз радиолокационных средств, суперкомпьютеров и сверхскоростных ракет — самая мощная в мире двухшелонная система ПРО второго поколения А-135⁷⁶.

«Последний тайм» состязания США и СССР в области ПРО сыгран постфактум после разрушения Союза по программе «ODERACS» («Orbital Debris Radar Calibration Spheres» — сферы для калибровки радаров, отслеживающих орбитальный мусор, иной вариант перевода — для обнаружения обломков на орбите). В 1994 году американский шаттл в ходе эксперимента «ODERACS-1R» выбросил в космос по 2 металлических шара диаметрами 15, 10 и 5 см. 15- и 10-см шары отследили РЛС

обеих стран, а 5-см — только российская станция «Дон-2Н». Такими же стали результаты следующего эксперимента «ODERACS-2». РЛС «Дон-2Н» находила шары самого малого размера на расстояниях до 2000 км⁷⁷. Решение сложной задачи селекции малоразмерного объекта в космосе доказывает явное техническое превосходство системы ПРО Российской Федерации над американской.

Созданный в СССР научно-технический задел используется для совершенствования вооружений армии и флота России.

Кто же победил в гонке вооружений ПРО? Главный критерий оценки — достижение цели. Стремление США созданием ПРО обеспечить неуязвимость и безнаказанность ракетно-ядерной агрессии против СССР потерпело крах. А Советский Союз добился своей цели. Его ПРО стала частью оборонной мощи Отечества, которая заставляла потенциального противника воздерживаться от агрессии, обеспечивала мирную жизнь советского народа.

Американская противоракета «Sprint»

¹ *Raymond J. Nike Intercepts Atlas in Flight; Anti-Missile Missile Makes Second Kill of ICBM Nike Zeus Anti-Missile Missile Makes Its Second Interception* // The New York Times. 1962. Dec. 13. URL: <https://www.nytimes.com/1962/12/13/archives/nike-intercepts-atlas-in-flight-antimissile-missile-makes-second.html>; ABM: research and development at Bell Laboratories. Project history. Whippany N.J.: Western Electrics, 1975. P. 1—26.

² *Квицинский Ю.А.* О политике, человеке и части нашей истории // «Война между государствами — великое зло»: к 110-летию А.А. Громыко. М.: Вест Мир, 2019. С. 183.

³ Прочие нереализованные проекты ПРО и ПКО // Сайт MilitaryRussia.ru. URL: <http://militaryrussia.ru/blog/index-386.html>.

⁴ *Первушин А.И.* Тайна системы «А»: ракетный щит Москвы. М.: Пальмира, 2017; Сайт Региональной общественной организации «Ветераны полигона ПРО». URL: <https://veterans.priozersk.com/sites/default/files/kniga-pervushina.pdf>; *Науменко Н.* Сердце ядерного щита столицы: современный компьютер способен различить до 100 боеголовок одновременно // Вечерняя Москва. 2024. 21 мая. URL: <https://vm.ru>.

⁵ Системы вооружения ракетно-космической обороны России в 2 т. Т. 1. М.: Столичная энциклопедия, 2020. С. 16.

⁶ «Система «А» — первенец отечественной ПРО // Военное обозрение. 2017. 7 марта. URL: <https://topwar.ru>.

⁷ Системы вооружения ракетно-космической обороны России. Т. 1. С. 20.

⁸ Прочие нереализованные проекты ПРО и ПКО.

⁹ *Кисунько Г.В.* Секретная зона: исповедь генерального конструктора. М.: Современник, 1996; *Белоус В.С. и др.* Щит России: системы противоракетной обороны. М.: МГТУ имени Н.Э. Баумана, 2009. С. 14—16, 131, 151; Официальная история создания ПРО // Priozersk.com. URL: <https://web.archive.org/web/20090812221534/http://www.priozersk.com/prio/21086>; Плоды голодной степи // Военное обозрение. 2016. 10 сентября. URL: <https://topwar.ru/>; *Первов М.* «Аннушки» — часовые Москвы. Исторический очерк. М.: Столичная энциклопедия, 2010 г. С. 64—74.

¹⁰ *Кисунько Г.В.* Указ. соч.

¹¹ *Zabetakis S.G., Peterson J.F.* The Diyarbakir Radar. «Studies in Intelligence». Langley Virginia: Center for the Study of Intelligence, 1964. P. 4147.

¹² *Голубев О.В., Каменский Ю.А., Минасян М.Г., Пупков Б.Д.* Российская система противоракетной обороны. М.: Техноконсалт, 1994. С. 22.

¹³ *Белоус В.С. и др.* Указ. соч. С. 126, 127.

¹⁴ *Ненартович Н.Э., Горевич Б.Н.* Система противоракетной обороны США. Анализ и моделирование. М.: Алмаз, 2018. С. 16.

¹⁵ *Федюшко Д.И.* Создание основ противоракетной обороны США в 1950—1960-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 6. С. 23—25.

¹⁶ Defense Advanced Research Projects Agency (DARPA) // Website USAGov Outreach. URL: <https://www.usa.gov/agencies/defense-advanced-research-projects-agency>; Управление перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ (США) // Большая российская энциклопедия: электронная версия (БРЭ ЭВ). URL: <https://bigenc.ru/>; *Буренок В.М., Ивлев А.А., Корчак В.Ю.* Развитие военных технологий в XXI веке: проблемы, планирование, реализация. Тверь: Купол, 2009. С. 93—99.

¹⁷ History of Lincoln Laboratory at the Reagan Test Site // Lincoln Laboratory Journal, 2012. № 2. Vol. 19. P. 7, 8.

¹⁸ *Матвеев О.В.* История создания войск ракетно-космической обороны: отечественный опыт создания противоракетной обороны (вторая половина 40-х — 90-е годы). М.: Минобороны РФ, 2002. С. 181.

¹⁹ «Система «А» — первенец отечественной ПРО.

²⁰ *Матвеев О.В.* Указ. соч. С. 189.

²¹ Там же. С. 32, 33.

²² *Белоус В.С. и др.* Указ. соч. С. 185—191; *Московский А.М.* Засекреченный подвиг в казахстанской степи // Независимое военное обозрение. 2011. 4 марта; *Кулаков А.Ф.* Балхашский полигон. М.: Московские учебники, СиДиПресс, 2006. С. 178; *Маршал*, защитивший наше небо и землю // Звезда. 2022. 20 июня. URL: <https://zvezdaweekly.ru/>.

²³ *Коровин В.Н., Афанасьев П.П., Светлов В.Г.* Пётр Грушин. СПб.: Политехника, 2011. С. 256.

²⁴ Nike Hercules destroys a Corporal ballistic missile. Department of Defense. Release № 146—60. 1960 // Defense Technical Information Center (DTIC). URL: <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA381863.pdf>.

²⁵ Army HAWK missile intercept Corporal. Department of Defense. Release № 19—61. 1961 // The Historical Office of the Office of the Secretary of Defense. URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/secretaryofdefense/OSDSeries_Vol4.pdf.

²⁶ *Gibson J.N.* Nuclear Weapons of the United States: An Illustrated History. Atglen, Pennsylvania: Schiffer Publishing. 1996. P. 205.

²⁷ *Raymond J.* Op. cit.; ABM: research and development at Bell Laboratories. Project history. P. 1—26.

²⁸ Американский зенитно-ракетный комплекс MIM-14 «Найк-Геркулес» // Военное обозрение. 2014. 20 марта. URL: <https://topwar.ru>; Считали

невозможным: как СССР первым в мире сбил баллистическую ракету // Звезда. 2021. 22 апреля.

²⁹ Беседа товарища Н.С. Хрущёва с группой американских журналистов 13 июля 1962 г. // Правда. 1962. 18 июля. С. 2.

³⁰ Григорий Васильевич Кисунько // Космический мемориал. [сайт]. URL: <http://sm.evg-rumjantsev.ru/des3/kisunko.html>; Кисунько Григорий Васильевич // Интернет-проект «Герои страны». URL: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=10761.

³¹ *Большаков С.* 65 лет испытательному полигону «Сары-Шаган» // Сайт РОО «Ветераны полигона ПРО». URL: <https://veterans.priozersk.com/node/3969>.

³² Рубежи обороны — в космосе и на земле / Авт.-сост. Н.Г. Завалий. М.: Вече, 2003. С. 605, 606.

³³ *Первов М.* Указ. соч. С. 98—100.

³⁴ Там же. С. 182—189; Радиолокационная станция «Неман» // Сайт НПО «Алмаз». URL: <https://web.archive.org/web/20170404031450/http://www.raspletin.com/istorija-sistem-pvo-i-pro-67939/radiolokatsionnaja-stantsija-neman>; Станция селекции баллистических целей «Неман» // Сайт «Семейные истории». URL: <https://famhist.ru/famhist/sprn/0020e26f.htm>.

³⁵ Рубежи обороны — в космосе и на земле. С. 32, 33.

³⁶ Национальная система противоракетной обороны США // РИА «Новости». 2023. 24 марта. URL: <https://ria.ru/20230323/oborona-1859460081.html>; *Матвеев О.В.* Указ. соч. С. 250—255.

³⁷ К 104 годовщине со дня рождения Григория Васильевича Кисунько // Сайт РОО «Ветераны полигона ПРО». URL: <https://veterans.priozersk.com/node/4135>.

³⁸ *Белоус В.С. и др.* Указ. соч. С. 259—263.

³⁹ *Малафеев В.П.* Противоракетная оборона. События и участники. Рыбинск, 2008. С. 290—292.

⁴⁰ Там же. С. 268, 269.

⁴¹ Защитник Москвы от удара с орбиты: как создавалась уникальная система ПРО А-135 // ТАСС. 2025. 17 февраля; Испарить боеголовку: три секрета системы ПРО А-135 «Амур» // Российская газета. 2020. 17 февраля; *Леонков А.* Состояние и перспективы системы ПРО А-135 // Военное обозрение. 2025. 20 февраля; Система А-135 Амур, ракета 5Я26 / ПРС-1 / 53Т6 — ABM-3 GAZELLE // Сайт MilitaryRussia.ru. URL: <http://militaryrussia.ru/blog/topic-875.html>; Противоракетные кольца обороны: чужие МБР не долетят // Звезда. 2019. 4 февраля.; Купирование «глобального мгновенного удара»: в России качественно усовершенствуется система ПРО // Звезда. 2018. 7 июня.

⁴² Missiles and rocket. 07.03.1960. Vol. 6. Westport CT, Greenwood technologies. P. 12, 13.

- ⁴³ Лысухин Н.Я. Ракетные войска стратегического назначения в системе национальной безопасности России (историко-политологический анализ). М.: Военная академия РВСН, 1997. С. 59.
- ⁴⁴ U.S. Senate. Hearings Before the Committee on Armed Services, Military Procurement Authorization FY 1963. 87th Cong. 2nd Sess., 1962. P. 206.
- ⁴⁵ History of strategic air and ballistic missile defense. V. 2. 1975 // The U.S. Army Center of Military History. URL: <https://history.army.mil/portals/143/Images/Publications/catalog/40-5-1-p2.pdf>.
- ⁴⁶ Ibid. P. 197.
- ⁴⁷ Брезкун С.Т. Проблема противоракетной обороны в свете долговременной политики США. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2018. С. 128.
- ⁴⁸ ABM: research and development at Bell Laboratories. Project history. P. 2—13.
- ⁴⁹ Kahrilas P.J., Jahn D.M. Hardpoint Demonstration Array Radar // IEEE Transactions on Aerospace and Electronic Systems. 1966. Vol. 2(6). P. 286—299.
- ⁵⁰ Американские зенитные и противоракетные комплексы семейства «Найк» // Военное обозрение. 2020. 22 марта.
- ⁵¹ ABM: research and development at Bell Laboratories. Project history. P. 2—17.
- ⁵² Reed S.G. DARPA technical accomplishments // An historical review of selected DARPA project. DARPA, 1991. V. 2. P. 3-13-6.
- ⁵³ Walker J.A., Bernstein L., Lang S. Seize the High Ground: The Army in Space and Missile Defense. Washington, D.C.: Center of Military History, U.S. Army Space and Missile Defense Command. Historical Office. 2003. P. 37—82.
- ⁵⁴ “Mutual Deterrence” Speech by Sec. of Defense Robert McNamara. San Francisco. September 18, 1967 // Website “AJ Software & Multimedia”. URL: <https://www.atomicarchive.com/resources/documents/deterrence/mcnamara-deterrence.html>.
- ⁵⁵ Kitchens J.H. A history of the Huntsville Division, U.S. Army Corps of Engineers, 1967—1976. Huntsville (Alabama): U.S. Army Corps of Engineers, 1978. P. 1—30.
- ⁵⁶ Ibid. P. 34.
- ⁵⁷ Брезкун С.Т. Указ. соч. С. 148—155.
- ⁵⁸ Ненартovich Н.Э., Горевич Б.Н. Указ. соч. С. 20.
- ⁵⁹ Address to the Nation on Defense and National Security. March 23, 1983 // Web-site The Ronald Reagan Presidential Library and Museum. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/address-nation-defense-and-national-security>; Калинин А.А., Никитин М.А. Формирование курса администрации Рональда Рейгана в отношении СССР в 1981—1983 гг. // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. 2023. Т. 15. С. 173—186.
- ⁶⁰ Противоракетная оборона // Военная энциклопедия (ВЭ) в 8 т. Т. 7. М.: Воениздат, 2005. С. 55.
- ⁶¹ Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? М.: РОССПЭН, 2012. С. 39, 40.
- ⁶² Комитет советских учёных в защиту мира против угрозы ядерной войны. Перспективы создания космической противоракетной системы США и её вероятное воздействие на военнополитическую обстановку в мире. М., 1983. С. 18, 19.
- ⁶³ Walker J.A., Bernstein L., Lang S. Op. cit. P. 97—99.
- ⁶⁴ Птичкин С. Специалисты: окружить европейские радары ПРО глушилками — дело несложное // Российская газета. 2011. 24 ноября.
- ⁶⁵ Карлов В.В. Маршал Жуков: опала. М.: Вече, 1994. С. 226—228; План «Дропшот». 60 лет апокалипсису, которого удалось избежать // ТАСС; Ядерная война // БРЭ ЭВ; Пистолет у виска. Как США размещали ядерное оружие у границ России // Аргументы и факты. 2015. 5 июня; Как США размещали в Европе ракеты средней и меньшей дальности // Коммерсантъ. 2024. 10 июля.
- ⁶⁶ Федюшко Д.И. Дискуссии о системе ПРО «Сейфгард» на страницах «Бюллетеня учёных-атомщиков» (1969—1972 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 6. С. 2, 3.
- ⁶⁷ Там же. С. 98—115, 135; Pike J., Blair B. and Schwartz S. Defending against the Bomb // Atomic Audit: The Costs and Consequences of U.S. Nuclear Weapons since 1940. Washington, 1998. P. 289. Цит. по: Федюшко Д.И. Указ соч. С. 136.
- ⁶⁸ Finney J.W. Safeguard ABM System to Shut Down; \$5 Billion Spent in 6 Years Since Debate // The New York Times. 1975. Nov. 25.
- ⁶⁹ См., например: Wertheim S. Tomorrow, the World: The Birth of U.S. Global Supremacy. Cambridge MA, Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 2020. 272 p.; Larison D. The Origins of U.S. Global Dominance // The American Ideas Institute. 2020. Nov 11; Военная гегемония США: истоки, факты и опасности // Доклад Аналитического центра информгентства КНР «Синьхуа». 2023. 7 сентября. URL: <https://russian.news.cn/20230907/c13b6ff68b084c21a84fef0603657b90/c.html>.
- ⁷⁰ Larison D. Op. cit.
- ⁷¹ Военная гегемония США: истоки, факты и опасности.
- ⁷² Кузнецов А.А. ПРО США: погоня за химерами неуязвимости и безнаказанности // Военно-исторический журнал. 2018. № 11. С. 48.
- ⁷³ Кисунько Г.В. Указ. соч.
- ⁷⁴ Пауэлс Ж. США во Второй мировой войне. Мифы и реальность. М.: Алисторус, 2016. С. 7.
- ⁷⁵ Росстат раскрыл данные потерь СССР в Великой Отечественной войне // Русское агентство новостей. 2025. 11 мая.
- ⁷⁶ Настин П. Абсолютная защита: как устроена ПРО Москвы // Звезда. 2019. 25 января.
- ⁷⁷ Многофункциональная РЛС «Дон-2Н» // Военное обозрение. 2013. 11 июня.

A.Ya. Ulanovskiy

«WASHINGTON NEEDED A MISSILE DEFENSE SYSTEM IN ORDER TO BE ABLE TO LAUNCH A DEVASTATING NUCLEAR ATTACK ON THE ENEMY WITHOUT SUFFERING ANY HARM ITSELF»

The United States and the Soviet Union: the missile defense arms race

Information about author. Aleksey Ulanovskiy — senior researcher at the Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, captain, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: angelomega1@ya.ru).

Summary. This paper presents the results of a comparative analysis of the history of missile defense in the USSR and the United States during the Cold War and arms race. Both superpowers developed it with opposing purposes. In the US, it was used as a means of military support for aggressive expansionist foreign policy, allowing them to dictate policies and carry out nuclear missile aggression against the USSR with impunity. In the USSR, it served defensive purposes to protect against nuclear missile threats created and fueled by the US. A comparison of the timeline of key events in the history of missile defense shows that the USSR had a more successful trajectory for the development and improvement of missile defense systems, outpacing the United States at crucial stages of the arms race. It achieved more significant results and fulfilled the main goal — making a substantial contribution to creating convincing arguments about the destructive nature of nuclear warfare, which USSR successfully used to persuade potential aggressors and deter them from starting a nuclear conflict.

Keywords: USSR; USA; missile defense; ballistic missile interception; Cold War; arms race; «Star Wars»; Strategic Defense Initiative; SDI; US nuclear attack plans against the USSR; A-35, A-135 systems; Safeguard.

«БЕЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОМОЩИ БАСМАЧЕСТВО НЕ ПРОДЕРЖАЛОСЬ БЫ И МЕСЯЦА»

**Борьба с незаконными вооружёнными формированиями
в советских республиках Центральноазиатского региона в 1918—1930-е годы**

Сведения об авторе. Боранбаев Нуржан Кабкенович — адъюнкт Военной академии Генерального штаба ВС РФ, подполковник Вооружённых сил Республики Казахстан (Москва. E-mail: n.boranbaev@list.ru).

Аннотация. В статье раскрыта роль незаконных вооружённых формирований — басмачества как пушечного мяса прокси-войн (войн чужими руками) Османской империи, затем Британии за отторжение советских республик Центральноазиатского региона от Страны Советов и их колонизацию. Упомянуты и попытки Третьего рейха использовать басмачей. Освещены создание и развитие группировок советских Вооружённых сил, ведших борьбу с басмачами, наиболее важные события этой борьбы и её результаты, совершенствование приёмов, форм и методов боевых действий. Обращено внимание на то, что они носили комплексный характер, сочетались с многоплановой работой госорганов; на то, что басмачество было искоренено не только военной силой, но и мирным созданием новой жизни, решением социально-экономических проблем населения, развитием народного образования и здравоохранения, науки и культуры, созданием и укреплении государственности народов советских республик Центральноазиатского региона.

Ключевые слова: РСФСР; СССР; Центральноазиатский регион; Средняя Азия; Туркестан; Казахстан; Бухарская республика; Большой Туркестан; военное строительство; красногвардейцы; РККА; Туркестанский фронт; басмачество; прокси-войны; прокси-войска; пантюркизм; Среднеазиатское восстание 1916 г.; спецслужбы Британии; колонизация; коренизация; С.С. Каменев.

«Басмачи — это ранний и яркий пример использования прокси-войск в борьбе за геополитическое влияние. Под маской освободителей скрывались интересы глобальных игроков, для которых судьба региона была лишь элементом стратегической игры», — этот вывод современный казахстанский публицист Е. Ниязов в статье «Басмачи как прокси-войска Британской империи» сопровождал свидетельствами того, «что его (басмачества. — Прим. авт.) военная жизнеспособность в значительной степени зависела от внешней поддержки —

в первую очередь британской». И привёл слова выдающегося советского государственного и военного деятеля, полководца и военного теоретика М.В. Фрунзе, командовавшего Туркестанской армией РККА, войсками Восточного и Туркестанского фронтов, по оценке которого, «идеология басмачества кочует между феодальной реакцией, национализмом и прямой агентурной работой английских консулов», с потерей иностранной поддержки «басмачество обернулось мародёрством и исчезло с карты истории»¹.

Незаконные вооружённые формирования — басмачи (от тюркского «басмак» — нападать, налетать) при иностранной поддержке вели кровавую борьбу за отделение от Страны Советов Туркестана (как до середины 1920-х гг. в России, а за рубежом и позже называли Среднюю Азию)² до ликвидации остатков последней крупной группировки басмачей в мае 1933-го. Их разрозненные

группы действовали до конца 1930-х годов³. В годы Великой Отечественной войны под руководством абвера за гитлеровские деньги эти бандиты безуспешно пытались возродить басмаческое движение и поднять восстание в республиках СССР, вторгаясь в них из-за границы⁴.

В отличие от соседей Казахстана в нём не было массового басмачества. Это объясняется тем, что, как верно подметил

один из казахстанских авторов, «советская власть, приходя в Казахстан, не разрушала сложившийся баланс, а, скорее, встраивала традиционные формы самоуправления в административную систему. Поэтому идеи “реванша” и “восстановления утраченных прав”, характерные для басмачей в Бухаре и Фергане, не имели под собой социальной почвы... в Казахстане не возникло массового антисовет-

ского движения басмаческого типа. Отдельные вооружённые выступления, такие как восстания 1916 года или локальные мятежи начала 1930-х, носили не феодально-контрреволюционный, а социально-экономический характер... не имели родоплеменной аристократии в качестве руководящей силы, а тем более — идеологии “священной войны”... отсутствие в казахском обществе классовых и религиозных разломов, характерных для осёдлых областей Средней Азии, предопределило невозможность басмачества как массового феномена. Казахи, обладая уравниной социальной структурой и отсутствием угнетённой касты земледельцев, восприняли советские преобразования не как покушение на статус, а как естественный переход в новую форму управления»⁵.

В целом история басмачества значительно продолжительнее освещаемого периода. Басмачи — бандиты-налётчики издревле, задолго до вхождения Туркестана в Российскую империю⁶, грабили аулы и караваны, земледельцев, скотоводов, купцов, захватывали пленных и торговали рабами⁷, в разбойничьих целях участвовали в войнах, восстаниях, волнениях. В ходе спровоцированного агентурой Германии и Османской империи Среднеазиатского восстания 1916 года против привлечения мужского «инородческого» населения на тыловые работы в прифронтовых районах они увеличили свою численность, зверствовали, грабили и убивали мирных земляков. Эти преступления от прежних отличал политический оттенок. Восставшими руководили иностранцы — «опытные военные, владевшие тактикой современного боя, с которой скотоводы, не служившие в армии, были не знакомы». Анализ трагедии 1916 года привёл киргизского исследователя Д.С. Маджун к выводу: «Средняя Азия являлась стратегически важным районом для целого ряда государств, не

М.В. Фрунзе на манёврах
Художник И.И. Бродский, 1929 г.
Центральный музей
Вооружённых сил РФ

только соседних — Китая, Афганистана, Персии, но и европейских — Англии, Германии и Турции. Абсолютно все народы Туркестанского края — кыргызы, казахи, узбеки, русские, уйгуры, дунгане и др. — стали инструментом борьбы в руках иностранных государств против российского влияния в этом регионе. Все народы Семиречья стали жертвами иностранной

риальные и людские ресурсы на освоение этих территорий, хоть и смогло подавить восстание, но уже не в состоянии было остановить усиливающийся процесс разрушения монархических устоев государственности»⁸.

Политику в басмачество привнесли извне иностранные спецслужбы. В его политизации участвовало возникшее в Туркестане после Февральской революции 1917 года оппозиционно-националистическое движение во главе с партиями, выступавшими под лозунгами пантюркизма и газавата против неверных⁹. Пантюркизм¹⁰ и панисламизм¹¹ сделала основными средствами пропаганды и агитации за вооружённую борьбу против России младотурецкая диктатура, установленная в Османской империи госпереворотом в 1913 году. Колониалистские намерения в отношении Туркестана были у Германии¹². Тайным германотурецким договором о союзе от 2 августа 1914 года Османская империя подчинилась Второму рейху, толкавшему мусульман на джихад против врагов Германии¹³. При поддержке Берлина она претендовала на российские территории Кавказа и Туркестана. Там активно действовали германотурецкая

«Абсолютно все народы Туркестанского края — кыргызы, казахи, узбеки, русские, уйгуры, дунгане и др. — стали инструментом борьбы в руках иностранных государств против российского влияния в этом регионе»

подрывной деятельности. Вне зависимости от национальности и вероисповедания все потеряли своих близких и детей, лишились жилья и имущества, своими руками разрушили селения, телеграфное сообщение, оросительные каналы и пр. — всё, что строили и создавали многолетним совместным трудом. Российское государство, затратившее огромные мате-

агентура и под её патронажем националистические силы, партии и движения. Пропагандируя пантюркизм, они умалчивали о бесправии и бедствиях турецкого и покорённых османами народов. «Эксплуататорская верхушка среднеазиатских народов, разжигая межнациональную рознь, стремилась отвести от себя недовольство и озлобление народных масс... надеялась осу-

ществовать свои заветные мечты о восстановлении ханской власти и своих былых феодальных привилегий, — констатировали исследователи восстания 1916 года. — Одновременно феодально-клерикальная верхушка выполняла задания германотурецкой агентуры, зачастую действовавшей за её спиной»¹⁴. Национально-освободительными лозунгами эта продажная клика скрывала не имевшую ничего общего с ними цель — отдать свои народы вместе с землями под власть османов¹⁵, после поражения Германии и Турции в мировой войне — под власть Британии в обмен на роль подручных колонизаторов, соучастников ограбления своих народов ради сохранения влияния, богатств и привилегий.

для организации восстаний и ведения вооружённой борьбы¹⁷. Британская миссия стала руководящим центром развития басмаческого движения с декларированной целью — отторгнуть от России Среднюю Азию, Кавказ, большую часть Поволжья, Урал, Сибирь, на их просторах, а также на территориях Афганистана и Китайского Туркестана создать пантюркистскую империю. При этом умалчивалось, что она станет колонией Британии. Басмачей объявили борцами за распространение ислама, за уничтожение или изгнание всех немусульман. «Всё это происходило ещё до прихода большевиков к власти. Поэтому представлять басмачество “реакцией на большевистский террор” беспочвенно»¹⁸.

и оружием из ближайших к Туркестану английских баз», британская миссия согласилась предоставить «Туркестанскому союзу борьбы с большевизмом» 100 млн руб., орудия, винтовки. Отряды басмачей поступили на службу «Союзу», «который обязался обеспечить их оружием, боеприпасами, конским составом. Содержание одного басмача с лошастью составляло 15 руб. в сутки»²⁰. По признанию деятеля «Туркестанского союза борьбы с большевизмом» полковника И.М. Зайцева, «английское правительство выразило согласие оказывать нашей организации («Союзу». — **Прим. авт.**) помощь деньгами, оружием, боевыми припасами и разными техническими средствами борьбы, а в случае надобности — поддержку вооружённой силой. И своё обещание английское правительство точно выполняет... за всё это наша организация обещала выполнить следующие... условия: после свержения советской власти будет образована автономная Туркестанская республика... под исключительным влиянием Англии и будет пользоваться такой же самостоятельностью, как африканские колонии Англии»²¹. То есть «антибольшевики» с басмачами обязались отдать Туркестан Британии в колониальное рабство.

«Как показывают документы британского МИД, без английской помощи басмачество не продержалось бы и месяца»²², — сообщил телеканал РЕН ТВ и привёл факты: только в 1918 году британцы передали басмачам 20 тыс. винтовок, 40 пулемётов, 16 горных орудий, несколько миллионов патронов. В каждом крупном отряде басмачей были английские военные советники. В военных действиях на стороне басмачей участвовали британские воинские части и подразделения. Басмаческое движение координировала миссия Маллесона во взаимодействии с правительствами Бухарского эмирата и Хивинского ханства, ставших

Британская миссия стала руководящим центром развития басмаческого движения с декларированной целью — отторгнуть от России Среднюю Азию, Кавказ, большую часть Поволжья, Урал, Сибирь, на их просторах, а также на территориях Афганистана и Китайского Туркестана создать пантюркистскую империю

В ходе Среднеазиатского восстания 1916 года значительную помощь восставшим оказывал губернатор китайского Синьцзяна, согласовывая эту деятельность против России с главой консульства её союзницы по Антанте Британии в Кашгаре офицером английских спецслужб Дж. Макартни. В августе 1917 года английский кабинет учредил британскую военную миссию в Туркестане во главе с генерал-майором У. Маллесоном. Ключевую роль в ней играли офицеры британской разведки Ф. Бейли и тот же Дж. Макартни. Стремясь оторвать Туркестан от России, Британия, агенты которой орудовали в Центральноазиатском регионе¹⁶, финансировала басмачей, снабжала оружием и предоставляла кадровых офицеров и советников

Вскоре после установления советской власти развернул антисоветскую деятельность в контакте с британскими шпионами прибывший в Ташкент в мае 1918 года консул США Р. Тредуэлл¹⁹.

Басмачи стали пушечным мясом обострённой до прокси-войны борьбы Британии за колонизацию региона, её подручными — феодальная верхушка, боровшаяся за возвращение своего господствующего положения, утраченного с установлением советской власти, путём её свержения и отторжения советских республик Центральноазиатского региона от Страны Советов. Чтобы «подготовить и организовать вооружённое восстание в Туркестане против советской власти, снабжать повстанческие отряды деньгами

центрами басмачества. Лондон поддерживал басмачей, пока те контролировали районы золотодобычи в Памиро-Алтайском районе и Хивинском ханстве, а когда Красная армия вытеснила басмачей, прекратил их финансировать. Англичане и французы без компенсации присвоили вклады во французские и британские банки правителей Хивы и Бухары, эмир которой перевёл в них 182 млн руб. золотом — эквивалент 148,5 т золота²³. И с 1926 года басмаческое движение резко пошло на спад.

Формирование советских сил, противостоявших басмачам, на центральноазиатской территории России (схема 1) началось в конце октября 1917 года в Ташкенте созданием Красной гвардии. В следующем месяце

III съезд Советов провозгласил власть Советов на всей территории Туркестанского края²⁴. С 1 февраля 1918-го началась запись добровольцев в Красную армию Туркестана²⁵. В неё привлекали военспецов — бывших царских офицеров. 30 апреля 1918 года 5-й Всетуркестанский съезд Советов провозгласил на территории Туркестанского края, исключая Хиву и Бухару, Туркестанскую советскую республику Российской Советской Федерации²⁶ (с 1920 г. — Туркестанская автономная советская социалистическая республика). С весны 1918 года в городах и районах Туркестана органы советской власти стали создавать добровольческие отряды Красной гвардии и самообороны. Красногвардейские

отряды подавили первые очаги сопротивления советской власти в регионе — белоказаков под командованием полковника И.М. Зайцева, контрреволюционное выступление во главе с атаманом Оренбургского казачьего войска и главой войскового правительства полковником А.И. Дутовым на Южном Урале в ноябре 1917 — апреле 1918 года²⁷. В феврале 1918-го разгромили военную силу Кокандской автономии — басмачей, прекратили их террор, грабежи и массовое истребление заподозренных в симпатиях к Советам мирных жителей Коканда²⁸. Вместе с частью Ташкентского гарнизона 19—21 января 1919 года подавили антисоветский мятеж, подготовленный при активном участии Ф. Бейли и

Схема 1

Центральноазиатская территория России в 1917 г.

Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 535.

Киргизское восстание 1916 года

Художник С.А. Чуйков, 1936 г.

Кыргызский национальный музей изобразительных искусств имени Г. Айтиева

Борьба с басмачеством

Художник П.И. Котов, 1926 г.

Альбом «Красный Октябрь и годы Гражданской войны». Л.: Издание общины художников, 1927.

Иван Поскребко в бою с басмачами

Художник М.В. Мальцев, 1950 г.

Центральный пограничный музей ФСБ России

И.Г. Поскребко — помощник коменданта участка Тахта-Базарской пограничной комендатуры (в Туркменской ССР) погиб в 1931 г. в бою группы пограничников во главе с ним, разгромившей численно превосходивший её отряд басмачей. Имя И.Г. Поскребко было присвоено одной из погранзастав.

других английских шпионов, американского консула Р. Тредуэлла. Мятежники во главе с предателем — военным комиссаром Туркестанской республики К.П. Осиповым намеревались приурочить мятежи в Ташкенте, Фергане и Семиречье к началу наступления английских интервентов с юга, колчаковских войск с севера и басмачей, но из-за угрозы разоблачения выступили раньше и после поражения бежали к басмачам²⁹.

Декретом Совнаркома (СНК) Советской Российской Республики (с 10 июля 1918 г. РСФСР)³⁰ от 4 мая 1918 года был образован Туркестанский военный округ (ТуркВО). В него вошли территории Закаспийской, Самаркандской, Семиреченской и Ферганской областей. 14 мая был создан республиканский Комиссариат по военным делам (Военный комиссариат республики). Его председатель был командующим войсками советского Туркестана. 27 мая Туркестанский Центральный исполнительный комитет (ТуркЦИК) принял Временное положение о Рабоче-крестьянской Красной армии Туркестанской республики. В середине 1918 года в ней и отрядах самообороны насчитывалось порядка 20 тыс. человек. Когда фронты отрезали республику от РСФСР, штаб ТуркВО и окружные управления в августе 1918 года переформировали в отделы Военкомата республики³¹.

В защите Туркестанской республики в 1918 году участвовали интернационалисты из бывших военнопленных³². Их привлекала компартия иностранных рабочих и крестьян Туркестана, вошедшая в краевую организацию Российской компартии (большевиков). Иностранцы вливались в формирования Красной гвардии, РККА и создавали свои части и подразделения. Некоторые стали известными красными, героями Гражданской войны. В их числе немец Э.Ф. Кужелло³³ — командующий группой войск Андижан-Ошского района, коман-

дир отдельной кавалерийской бригады интернационалистов, чех В.Г. Почандо³⁴ — начальник артиллерии Закаспийского фронта, венгр Л.Ф. Шипко³⁵ — командир Легиона имени III Интернационала и др.

Осенью 1918 года взамен созданного в июле республиканского Военно-революционного штаба образовали Верховную коллегию по обороне республики. В неё вошли председатели ТуркЦИК В.Д. Вотинцев, республиканского СНК В.Д. Фигельский и ставший в январе 1919 года предателем-мятежником военный комиссар республики К.П. Осипов³⁶. Той же осенью I съезд красноармейских и красногвардейских депутатов Туркестанской республики принял решения о дисциплине, командном составе, наведении порядка в хозяйственном и медицинском обслуживании войск, культурно-просветительной работе, положения о наказаниях и о товарищеских красноармейских судах, утвердил Временную инструкцию для солдат Красной армии и гвардии, избрал военный совет из 40 человек³⁷.

В январе 1919 года в республике был создан Главный оперативный штаб, выполнявший функции военно-оперативного центра при Временном военном-революционном совете. Постановлением ТуркЦИК от 7 апреля 1919 года был образован Реввоенсовет (РВС) республики и учреждена должность главкома, Военкомату республики были подчинены воинские части вне зоны военных действий, местные органы военного управления, военные склады и др. Созданные при волостных, уездных и областных Советах военкоматы вербовали добровольцев, формировали и обучали отряды (подразделения) Красной армии³⁸. К середине 1919 года в Туркестанской республике находились 76 воинских частей общей численностью 18 тыс. человек и более 4000 в отрядах Красной гвардии³⁹.

14 августа 1919 года был создан Туркестанский фронт в составе

1, 4 и 11-й армий. 25 августа ему были подчинены войска Туркестанской республики, 22 ноября реввоенсовету Туркфронта — вся военная организация Туркестана. Упразднены пост главкома, штаб и все местные фронты республики. Их войска реорганизованы. Военкомат республики стал окружным и 7 марта 1920 года был упразднён⁴⁰.

В 1920 году в Туркфронт входили три стрелковые и четыре кавалерийские дивизии, Оренбургский, Уральский и Актюбинский укрепрайоны, большое количество отдельных частей. Общая среднемесячная численность личного состава достигла 160 855 человек. Войска фронта провели операции: Орско-Актюбинскую 1919 года, Уральско-Гурьевскую 1919—1920 гг. и Бухарскую 1920-го, освободили Оренбургскую губернию, Уральскую область, Туркестан и Семиреченскую область, отбросили противника от Астрахани, в 1921—1926 гг. вели боевые действия в разных районах Туркестана — Ферганской долине, Восточной Бухаре, Хиве и др. После разгрома основных сил басмачей 4 июня 1926 года фронт был преобразован в Среднеазиатский военный округ (САВО) с управлением в Ташкенте⁴¹.

В 1919—1920 гг. изменялась тактика вооружённой борьбы с басмачеством. Войска, выбив басмачей из населённых пунктов, занимали не только их, но и другие, имевшие оперативное и экономическое значение, чтобы изолировать местное население от врага и лишить его продовольственных баз, не ограничиваясь одним ударом, преследовали отряды басмачей до их ликвидации. Создавались «летучие отряды». Они рейдами вынуждали басмачей принимать бой там, где их легче было уничтожить при поддержке подвижных резервов.

Значительную роль в борьбе с басмачеством в Ферганской долине сыграла прибывшая туда в начале 1920 года 1-я Приволжская татарская бригада,

сформированная в Казани. Наряду с боевыми действиями «летучие отряды» из бойцов бригады с представителями местных парторганизаций и передовой молодёжи объезжали долину, проводя агитационно-пропагандистскую работу, действительно влияли на родственных по языку, культуре и обычаям жителей, помогая советским органам налаживать взаимопонимание с населением⁴².

Войска Туркестанского фронта в феврале 1920 года завершили освобождение Закаспия и в начале апреля ликвидировали силы белогвардейцев в Семиречье⁴³. Некоторые из курбаши — басмаческих главарей — со своими отрядами перешли на сторону советской власти. Но пришли новые. Автор изданного политуправлением САВО в 1928 году военно-исторического очерка «Красная армия в Средней Азии» Е. Козловский писал: «Борьба в этот период свелась к бесконечным налётам противника на кишлаки и на наши гарнизоны, на продтранспорты и обозы... Конец 20 года и весна 21 проходят в изнурительных схватках... Разбросанность наших частей, доходящая до того, что даже роты и взводы были разорваны, занимая далеко отстоящие один от другого кишлаки, при затруднённой связи ввиду скверных дорог приводили к безнаказанности басмачей, создавая впечатление их непобедимости. Недостаток в командном и политическом составе особенно вредно сказался при таком расположении частей... Доставка снабжения шла с перебоями, заставляя наши части жить на местные средства. Сбор этих средств в тех случаях, когда коренное население не шло навстречу, сводился к насильственной реквизиции, что ещё более обостряло взаимоотношения... Басмачество при этих условиях крепло и принимало более устойчивые формы... Красное командование решило применить новый вид борьбы — крупные согласован-

ные операции отрядов из пехоты и конницы с артиллерией». Их провели летом и в сентябре 1921 года, но окончательного разгрома басмачества не добились⁴⁴. Свидетель событий гражданин Франции Ж. Кастанье в книге «Басмачи» отметил, что их активность охватила Фергану и через Самаркандскую область — восточную часть Бухары⁴⁵.

Осенью 1921 года в Бухару прибыл турецкий политик, бывший военный министр и начальник

1922 года совместно с Бухарской Красной армией, отрядами добровольцев и народной милиции развернула наступление и, громя басмаческие формирования, при поддержке населения продвигалась вперёд, освобождая район за районом. 14 июня 1922 года освободила Душанбе. Энвер погиб 4 августа в последнем бою с остатками его сил. Их разгром стал крахом одного из самых опасных заговоров международной реакции против советских

10 февраля 1923 года число басмачей, действовавших против войск фронта, изменилось с 8310 до 7527, отрядов — с 68 до 70. Были убиты и ранены 1749 басмачей, пленены 127, сдались 628, захвачены 1300 винтовок, 144 револьвера, 41 554 патрона, 50 шашек, 351 лошадь⁵⁰.

После разгрома сил Энвера войска выполняли задачи по ликвидации басмаческих формирований во главе с Ибрагим-Беком (И. Чакабаевым⁵¹) и бывшим турецким офицером, агентом английской разведки Салим-пашой (Х. Салим-беом)⁵² с группой турецких офицеров. Басмачи, опираясь на поддержку из-за рубежа и пытаясь создать единый руководящий центр, сочетали рейды, осады гарнизонов и провокации под видом красноармейцев для дискредитации советской власти. Войска РККА манёвренными боевыми действиями уничтожали отряды басмачей, используя превосходство в организации и управлении, проводили крупные операции. Войска 13-го корпуса под командованием Н.В. Лисовского (с октября 1922 г.)⁵³, затем П.А. Павлова (с марта 1923 г.)⁵⁴ преследовали и расчленили банды одновременным наступлением на нескольких направлениях, освобождали населённые пункты исторических областей Каратегин и Дарваз⁵⁵. В 1923 году основные группировки басмачей были разгромлены, Салим-паша бежал в Афганистан. Отряды Ибрагим-бека, понеся тяжёлые потери, распались на мелкие банды. Басмачество на территории Бухары в основном было ликвидировано, боевые действия в Таджикистане завершились, но сохранялась угроза рейдов басмачей из-за границы.

Антибасмаческий эффект и рост поддержки советской власти коренными народами Центральноазиатского региона вызвали преобразования исторической важности в ходе развития советской национальной государственности и активное вовлечение трудящихся в деятельность органов власти. Коренизация

«Английский генеральный консул в Кашгаре Эссертон писал, что “Энвер... намечал создание великого мусульманского государства в качестве буфера против России”»

генштаба, главный проводник идеологического синтеза панисламизма и пантюркизма с программой объединения под османским контролем Кавказа и Центральной Азии англо-американский ставленник Энвер-паша (И. Энвер), чтобы «объединить все силы басмачей, создать антисоветский фронт и в конечном счёте ликвидировать Советскую власть в Средней Азии. Английский генеральный консул в Кашгаре Эссертон писал, что “Энвер... намечал создание великого мусульманского государства в качестве буфера против России”. В это государство планировалось включить не только Туркестан, Бухару и Хорезм, но и сопредельные с ними страны». Курбаши Восточной Бухары признали Энвера своим предводителем и объединили во главе с ним около 16 тыс. человек, после захвата Душанбе в феврале 1922 года — 20 тыс. Весной, пользуясь малочисленностью советских гарнизонов, басмачи быстро двигались вглубь Бухарской республики, опустошая всё на своём пути⁴⁶.

Руководство РСФСР приняло энергичные меры помощи Бухаре. Из частей Туркестанского фронта сформировали Бухарскую группу войск. Она в июне

республик Центральноазиатского региона⁴⁷.

III Всебухарский курултай народных представителей (15—18 августа 1922 г.) заклеил басмачество как антинародное движение эксплуататорских классов, поддерживаемых империалистическими государствами, и отметил благородную миссию РККА, которая «прибыла... по зову Бухарской народной советской республики для освобождения её территории и угнетённого народа от продолжающегося басмаческого движения»⁴⁸.

12 октября 1922 года командование Туркестанского фронта издало два приказа: № 345 о формировании из частей на территории Бухарской народной республики и Самаркандской области 13-го стрелкового корпуса и № 1436/575 об обращении на формирование его управления штаба упразднёвшейся Бухарской группы войск. Реввоенсовету корпуса в апреле—мае 1923 года были подчинены части Бухарской Красной армии⁴⁹.

Осенью 1922 года части 13-го корпуса разгромили несколько группировок басмачей. По данным разведотдела штаба Туркфронта, с 1 октября 1922 по

была одним из направлений национальной политики Советского государства в 1920—1930-е гг. по подготовке и выдвижению на руководящие и другие посты в государственные, партийные и общественные органы национальных республик СССР кадров из коренных народов, организации на их языках делопроизводства, образования, СМИ и развития национальных культур.

Важнейшими вехами развития советской национальной государственности в регионе в 1918—1925 гг., результаты которого отражены на схеме 2, стали упомянутое ранее создание в 1918 году Туркестанской республики, в 1920-м — образование в результате победы народных революций Бухарской и

Хорезмской народных советских республик, а также декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 26 августа 1920 года — Киргизской автономной ССР⁵⁶. Её название связано с тем, что в России до революции и в первые годы после неё казахов называли киргизами или киргиз-кайсаками, киргизов — кара-киргизами. В условиях многонациональности всех трёх республик Средней Азии, границы которых не совпадали с этническими, мирным, безболезненным, добровольным путём — национально-государственным размежеванием 1924—1925 гг. — была решена сложная задача установления национальных границ, воссоединения народов и создания новых возможностей для их развития. Упразднена

Туркестанская республика. Части её территории вошли в Туркменскую ССР, Узбекскую ССР, Кара-Киргизскую автономную область РСФСР, Сырдарьинская и Джетысуйская области — в Киргизскую АССР. В 1925 году переименованием в Казахскую АССР её название привели в соответствие самоназванию народа — казахи. В 1936-м написание этого слова на русском изменили на «казахи», и новая Конституция СССР сделала республику Казахской ССР⁵⁷.

В ходе борьбы с басмачами развивались её приёмы, формы и методы. В их совершенствовании участвовал главнокомандующий всеми Вооружёнными силами СССР С.С. Каменев. При объезде Туркфронта в мае—июне 1923 года он составил

Схема 2

Создание советских республик в Центральной Азии в 1918—1925 гг.

Қазақ жерлерінің бірлестігі / Қазақ (Қырғыз) АКСР 100 жыл // А.С. Пушкин атындағы Шығыс Қазақстан Облыстық Кітапханасы

указания «Система борьбы с басмачеством (бандитизмом)», изданные брошюрой с директивными документами РВС фронта⁵⁸.

Главком и РВС Туркфронта считали необходимым комплексный подход. Каменев указывал: «Борьба с басмачеством (бандитизмом) должна вестись войсками, советскими органами и политическими мерами». РВС фронта требовал сочетать военные действия с экономической, хозяйственной и политической работой госаппарата с мирным населением и сдавшимися, но неустроенными басмачами. И предостерегал: «Всякая несправедливость, головотяпство любого военного, советского органа или работника несёт за собой недовольство среди населения, побуждает его снова уйти к басмачам... нужно учесть не только военную обстановку, но и настроения, и нужды населения, и работать так, чтобы

само население стало активным помощником в борьбе с басмачеством.

Части Красной армии должны пользоваться среди населения и авторитетом, и любовью. Чтобы этого достичь, надо зорко следить за деятельностью частей и даже отдельных бойцов... разъяснять, указывать и учить, как воевать и как обращаться с населением»⁵⁹.

В системе борьбы с басмачеством главком выделил общие положения, войсковые приёмы, закрепление района, очищенного от басмачества, и насаждение в нём советской власти согласованной работой гражданских, политических и карательных органов, борьбу с организационной работой басмачей. Он акцентировал внимание на важности планирования «во всех органах, непосредственно ведущих борьбу», разъяснял содержание слагаемых системы, в т.ч. каждого из войсковых

приёмов — занятия войсками района, охваченного басмачеством, летучих (манёвренных) и истребительных отрядов, прочёсывания района, окружения банд, борьбы воздушными средствами — авиацией. С.С. Каменев обращал внимание на необходимость усиления «гражданских аппаратов, находящихся в охваченном басмачеством районе», и на то, что политработа «должна охватить все стороны, на которых базируется басмачество. Систематическая кампания должна сломать идеологию масс охваченного басмачеством района в нашу сторону. Дабы население понимало ход борьбы и оказывало бы содействие Красной армии, необходимо освещать перед ним каждый крупный акт военных действий, равно и выступления отдельных руководителей басмаческих шаек»⁶⁰.

Наряду с упомянутыми приёмами, предписанными

Штурм крепости Арк. Старая Бухара

Художник В.М. Сибирский, 1983 г.

В сентябре 1920 г. в ходе народной революции отряды бухарцев и войска РККА взяли древнюю цитадель Арк в Бухаре, ликвидировали один из центров басмачества — Бухарский эмират

главкомом, части Туркфронта проводили крупные операции, наступательные и встречные бои, преследование и расчленение банд одновременным наступлением на нескольких направлениях, манёвр для упреждения противника и пресечение попыток басмачей сосредоточить свои силы, блокирование, налёты, засады, атаки, заслоны на предполагавшихся путях отхода противника. Совершенствовало применение авиации, которая вела разведку, наносила удары, корректировала огонь артиллерии, сбрасывала листовки⁶¹.

Контроль территорий обеспечивался расположением стрелковых частей повзводно и поротно гарнизонами в кишлаках, а также опорными пунктами (блокпостами). К примеру, 950 отрядов 7-го стрелкового полка в 1926 году контролировали свыше 1000 км⁶². Районы действий басмачей делились на участки. В каждом взаимодействовавший с населением гарнизон располагали так, чтобы воспрепятствовать передвижению басмачей по основным дорогам. При нападениях на гарнизоны их поддерживали мобильные (летучие) кавалерийские отряды. При движении войск налёты врага отражали передовые заставы с пулемётами.

Чтобы пресекать проникновение басмачей из-за рубежа, усиливались пограничные войска, устанавливались зоны плотного патрулирования и возводились инженерные заграждения. Поначалу границу охраняли части РККА, с 1924 года — пограничные войска общей численностью к середине 1925 года 5000 человек⁶³.

Важными задачами были лишение басмачей тайных баз хранения оружия, провианта и пресечение их снабжения из-за границы. По мере ослабления басмачества части РККА выводили к границе, усиливая её охрану, формировали части преследования и уничтожения прорывавшихся отрядов басмачей.

**Сергей Сергеевич
Каменев**

*Художник С. Яковлев, 1980 г.
Из комплекта открыток
«Советские военачальники
— герои Гражданской войны».
М.: Изобразительное
искусство, 1980.*

С.С. Каменев настоял на замене практически безоружных отрядов самообороны, вооружённых стрелковым оружием, небольшими отрядами милиции на полном государственном обеспечении. Он рекомендовал подбирать из отличившихся добровольцев этих отрядов национальные командные кадры⁶⁴. Частью борьбы с басмачами было препятствование их связям с населением. Жители, лояльные к власти, получали её поддержку и защиту.

Маршал Советского Союза С.М. Будённый вспоминал: «Опыт боёв с басмачами тщательно обобщался штабистами... туркестанцы внесли много нового в военное дело, что потом стало применяться в войсках других округов... стали инициаторами... воздушно-десантных операций, имеющих громадное значение в условиях гор и пустынь... Туркестанский округ первым в истории армий применил в 1928 году боевое десантирование. Для разгрома остатков банды Джунаид-хана самолёты сели почти в центре

Кара-Кумов»⁶⁵. В 1929 году туркестанцы вновь провели десантирование с посадкой в горном районе в ходе операции по снятию осады басмачами населённого пункта Гарм⁶⁶.

Для ликвидации остатков басмаческого движения с начала 1930-х годов в операциях против него участвовали войска и силы разных ведомств, сочетая военную блокаду, рейды и политико-силовые меры. В подчинение войсковым командирам передавались добровольческие отряды, погранвойска блокировали границу, части Объединённого государственного политического управления (ОГПУ) очищали тылы. После бегства басмачей за границу основную роль в борьбе с ними играли погранвойска. Также проводились чекистско-войсковые операции, сочетавшие оперативные мероприятия и действия войск⁶⁷.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. басмачи стали подручными Гитлера. Абвер и японская разведка финансировали и координировали их действия⁶⁸. Третий рейх рассчитывал оккупацией создать «Большой Туркестан» с включением Казахской, Узбекской, Таджикской, Киргизской советских республик⁶⁹, чтобы, поработив, грабить их и создать плацдарм для захвата Афганистана и Британской Индии. Но группы басмачей, вторгавшиеся в СССР, встречали отпор погранвойск и не могли закрепиться на его территории. С крахом германских планов басмачество кануло в Лету⁷⁰.

Таким образом, басмачи вели борьбу за отторжение советских республик Центральноазиатского региона от Страны Советов и возвращение утраченных феодально-клерикальной верхушкой власти, богатств и привилегий, ради чего были готовы отдать свои народы вместе с землями в колониальное рабство и стать подручными колонизаторов. Так как басмачей вооружали, финансировали и направляли спецслужбы Османской, затем Британской империй и позже

Третьего рейха, их действия были, по сути, прокси-войнами государств — спонсоров басмачества против Страны Советов, против интересов народов Центральноазиатского региона.

Басмачество было искоренено не только боями, но и созданием новой жизни по всем социально-экономическим направлениям, развитием народного

образования и здравоохранения, науки и культуры, созданием и укреплением государственности народов.

Для успешных боевых действий против жестокого и коварного врага в сложных условиях гор и пустынь требовалось превзойти басмачей в ратной выучке, командованию и войскам Туркфронта, затем САВО раз-

рабатывать и совершенствовать новаторские приёмы, формы и методы боевых действий. Эффективное решение этих сложных проблем в ходе вооружённой борьбы позволило разгромить незаконные вооружённые формирования и избавить народы советских республик Центральноазиатского региона от басмаческого движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ниязов Е. Басмачи как прокси-войска Британской империи // Интернет-издание Check-point.kz. 2025. 13 мая. URL: <https://check-point.kz/publication?id=5592>.

² Средняя Азия // Большая российская энциклопедия: электронная версия (БРЭ ЭВ).

³ Басмачество // БРЭ ЭВ 2004—2017. URL: <https://old.bigenc.ru>.

⁴ Там же; Туркестан // Там же; Из докладной записки НКГБ Таджикской ССР № 2/3913 в НКГБ СССР об итогах агентурно-оперативной и следственной работы в республике за время Великой Отечественной войны. 8 сентября 1945 г. // Ямполский В.П. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 г.): документы спецслужб СССР и Германии. 1937—1945 г. М.: Кучково поле, 2008. С. 267—272.

⁵ Ниязов Е. Идеология проигравшей знати: Казахстан и басмачи // Интернет-издание Check-point.kz. 2025. 26 октября. URL: <https://check-point.kz/publication?id=7423>.

⁶ См.: Пылев А.И. Басмаческое движение в Средней Азии (1918—1934): общие черты и региональные особенности. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 22, 23; Никишов П.П. Борьба с басмачеством на юге Киргизии. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1957. С. 118—125; Коканбаев А. Борьба с басмачеством и упорочение Советской власти в Фергане. Ташкент: Госиздат УзССР, 1958. С. 22, 37.

⁷ Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М.: Наука, 1981. С. 3; Бологов П. Армия патриотов-налётчиков // Lenta.ru. 2014. 10 февраля. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/02/10/basmatches>.

⁸ Маджун Д.С. Роль иностранного фактора в трагических событиях 1916 г. // Вестник КРСУ (Кыргызско-Российского Славянского университета). 2016. Т. 16. № 2. С. 199, 200; Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сборник документов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 72, 98, 116, 126, 128, 166, 169, 157, 339, 347, 357, 372, 383, 397, 398, 402, 413, 432, 448; Самсонов А. «Великая чистка»: борьба с басмачеством // Военное обозрение. 2016. 14 ноября.

⁹ См.: Басмачество // БРЭ ЭВ 2004—2017; Газават // Там же.

¹⁰ Пантюркизм — светская националистическая доктрина, объявляющая все тюркоязычные народы одной нацией,

призывающая к их объединению в одну державу от Балкан до Сибири с лидером — Османской империей. См.: Пантюркизм // там же; Галас М.Л. Геостратегический дискурс истории российско-турецких отношений в контексте пантюркизма // Наука. Басмачество. Оборона. 2025. № 4. С. 28—28.

¹¹ Панисламизм — религиозно-политическая идеология единства всех мусульман и объединения мусульманских народов в единое теократическое государство — халифат. См.: Панисламизм // Татарская энциклопедия. URL: <https://tatarica.org/ru/razdelyi/religiya/islam/panislamizm>.

¹² Дятленко П. Проект «Большой Туркестан». Что нацисты планировали делать в Центральной Азии // Родина. 2021. 21 июля. URL: <https://rodina-history.ru/2021/07/21/istorik-rasskazal-chto-nacisty-planirovali-delat-v-kirgizii.html>.

¹³ Джихад // БРЭ ЭВ; Германия пыталась убедить мусульман начать джихад. Slate.fr (Франция) // ИноСМИ.RU. 2018. 8 февраля. URL: <https://inosmi.ru/20180208/241405026.html>; Германотурецкие договоры // Дипломатический словарь в 3 т. Т. 1. М.: Наука, 1985. С. 257, 258; Мухамеджанов И. Как Германия пыталась использовать исламский фактор в годы Первой мировой войны? // Портал «Ислам сегодня». URL: <https://m.islam-today.ru/istoria/kak-germania-pytalas-ispolzovat-islamskij-faktor-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny>.

¹⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сборник документов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 13, 14.

¹⁵ Османы — правящая династия в Османской империи в 1299—1924 гг. См.: Османы // БРЭ ЭВ.

¹⁶ В 1992 г. на саммите глав государств Средней Азии и Казахстана по предложению первого Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева принято решение отказаться от объединённого названия региона «Средняя Азия и Казахстан» в пользу понятия «Центральная Азия», охватывающего все постсоветские государства этого региона — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан // БРЭ ЭВ. URL: <https://bigenc.ru>; Скалепов А.Н., Лагуткин Н.В. Среднеазиатский регион на перекрёстке геополитических стратегий // Военная мысль. 2022. № 2. С. 7.

¹⁷ Самсонов А. Указ. соч.

¹⁸ Городненко Ю. Золото басмачей «испарилось» в банках Англии и Франции // РЕН ТВ. 2025. 8 января. URL: <https://ren.tv/blog/iurii-gorodnenko/1296763-zoloto-basmachei-isparilos-v-bankakh-anglii-i-frantsii>.

¹⁹ Кожемякин С.В. За чужие интересы // Политическое просвещение. 2025. № 1(144). URL: <https://www.politpros.com>.

²⁰ Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Конец басмачества. М.: Наука, 1976. С. 29—31.

²¹ Доклад полковника Зайцева, бывшего командующего войсками и комиссара в Хивинском ханстве и Аму-Дарьинском] отд[еле] и командира 4-го Исетско-Ставропольского полка Оренбургского казачьего войска Войсковому атаману Оренбургского казачьего войска. 27 апреля 1919 г. // История Ostcraft. Научное обозрение. 2019. №2(8). С. 60, 61.

²² Городненко Ю. Указ. соч.

²³ Там же.

²⁴ Шамсутдинов Р.Т. Советы и образование национальных республик Средней Азии (1917—1925 гг.) // Душанбе. Цифровая библиотека Таджикистана. URL: <https://library.tj>.

²⁵ Козловский Е. Красная Армия в Средней Азии: военно-исторический очерк. Ташкент: Издание политуправления Ср.-Аз. ВО, 1928. С. 13, 14.

²⁶ Положение о Туркестанской советской социалистической республике, утверждённое V краевым съездом Советов Туркестанского края. 30 апреля 1918 г. // Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане. Ташкент, 1947. С. 206.

²⁷ См.: Дутова выступление 1917—18 // БРЭ ЭВ.

²⁸ Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Указ. соч. С. 22—25.

²⁹ Ташкентский антисоветский мятеж // Советская историческая энциклопедия в 16 т. Т. 14. М.: Советская энциклопедия, 1973. Стб. 160.

³⁰ Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой 3(16) января 1918 г. ВЦИК, Советская Россия названа Советской Российской Республикой, принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. первой советской Конституцией — Российской социалистической федеративной советской республикой. См.: Конституция (Основной Закон) Российской социалистической федеративной советской республики // Электронная библиотека

Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm>.

³¹ См.: Краснознамённый Туркестанский. М.: Воениздат, 1976. С. 20, 21; Козловский Е. Указ. соч. С. 14, 69; Туркестанский военный округ // Военная энциклопедия (ВЭ) в 8 т. Т. 8. М.: Воениздат, 2004. С. 151; Среднеазиатский военный округ // Там же. Т. 7. М.: Воениздат, 2003. С. 624.

³² Халид А. Туркестан в 1917—1922 годах: борьба за власть на окраине России // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М.: Мысль, 2005. С. 204.

³³ См.: Краснознамённый Туркестанский. С. 80.

³⁴ См.: Там же. С. 71.

³⁵ Интернациональные формирования Красной Армии // Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 237.

³⁶ См.: Краснознамённый Туркестанский. С. 20; Козловский Е. Указ. соч. С. 69; Туркестанский военный округ // ВЭ. Т. 8. С. 151; Среднеазиатский военный округ // Там же. Т. 7. С. 624.

³⁷ Боевой путь войск Туркестанского военного округа: военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1959. С. 53—55.

³⁸ Краснознамённый Туркестанский. С. 43, 44.

³⁹ Там же. С. 45.

⁴⁰ Там же. С. 69—71.

⁴¹ См.: Там же. С. 20; Туркестанский военный округ // ВЭ. Т. 8. С. 151; Среднеазиатский военный округ // Там же. Т. 7. С. 624; Андроников В.М., Буриков П.Д., Гуркин В.В. и др. Гриф секретности снят: Потери Вооружённых сил в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеёва. М.: Воениздат, 1993. С. 26; Туркестанская автономная советская социалистическая республика // БРЭ ЭВ; Козловский Е. Указ. соч. С. 69.

⁴² См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5775. Оп. 1. Д. 165. Л. 3; Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Указ. соч. С. 66; Наганова Н. Гражданская война как цивилизаторская миссия: роль татарских политработников

Красной Армии в Туркестане // Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917—1922 гг.: сборник документов международного коллоквиума. СПб., 2019. С. 261, 262; Аюпов Т.М. Роль татбригады в разгроме основных сил басмачества в Средней Азии в 1920 г. // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2019. № 4(41). С. 77—81.

⁴³ Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Указ. соч. С. 45.

⁴⁴ Козловский Е. Указ. соч. С. 37, 38.

⁴⁵ Кастанье Ж. Басмачи. Национальное движение коренных народов Средней Азии после революции (с октября 1917 г. по октябрь 1924 г.) / Пер. с франц. // Восток свихе: духовный литературно-исторический журнал. 2021. Вып. LVI. № 2 (апрель—июнь). С. 47.

⁴⁶ Энвер-паша // БРЭ ЭВ; Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Указ. соч. С. 98—101.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Указ. соч. С. 112.

⁴⁹ Центральный государственный архив Советской Армии: путеводитель в 2 т. Т. II. Minneapolis, Minnesota (USA): East View Publications, Inc., 1993. С. 26. URL: <https://web.archive.org/web/20131017005209/http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=121&sid=91911>.

⁵⁰ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 7. Оп. 2. Д. 466. Л. 58, 65.

⁵¹ См.: Охота на Ибрагим-бека. Конец басмачества в Туркестане // Военно-исторический журнал. 2022. № 11. С. 65—71.

⁵² Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Указ. соч. С. 124.

⁵³ См.: Каминский В.В., Мильбах В.С. Комкор Николай Васильевич Лисовский и его судьба // Новейшая история России. 2015. № 3(14). С. 46—54.

⁵⁴ Мелькумов Я.А. Туркестанцы. М.: Воениздат, 1960. С. 147.

⁵⁵ Акрамов М.И. Борьба с басмаческим движением и упрочение советской власти в центральном и южном Таджикистане в 1920—1923 гг. // Историк (Муаррих). 2025. № 1(41). С. 51—53.

⁵⁶ Декрет СНК «О Революционном Комитете по управлению Киргизским краем». 10 июля 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1919 г. М.: Б.и., 1943. С. 533—536; Декрет ВЦИК и СНК об образовании Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики. 26 августа 1926 г. // Декреты Советской власти. Т. X. Август — сентябрь 1920 г. М.: Политиздат, 1980. С. 97—100.

⁵⁷ См.: Туркестанская автономная советская социалистическая республика // БРЭ ЭВ; Национально-государственное размежевание // Там же; Казахстан. История // Там же; Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Указ. соч. С. 76.

⁵⁸ Сборник указаний по борьбе с басмачеством. Ташкент: издание реввоенсовета Туркестанского фронта, 1924. 73 с.

⁵⁹ Там же. С. 3, 4.

⁶⁰ Там же. С. 6, 7.

⁶¹ РГВА. Ф. 40712. Оп. 1. Д. 121. Л. 24, 25 об.

⁶² Краснознамённый Туркестанский. С. 128.

⁶³ Терещенко В.В. Пограничники среднеазиатских округов в борьбе с басмачами // Армия и общество. 2013. № 2. С. 120—126.

⁶⁴ Краснознамённый Туркестанский. С. 103.

⁶⁵ Будённый С.М. Пройденный путь в 3 кн. Кн. 3. М.: Воениздат, 1973. С. 392.

⁶⁶ Боевой путь войск Туркестанского военного округа. С. 191.

⁶⁷ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 721. Л. 1—6.

⁶⁸ См.: Булатов Ю.А. Срыв гитлеровского «блицкрига» в Центральной Азии: противоборство Германии и СССР на «афганском плацдарме» // Военно-исторический журнал. 2013. № 7. С. 36—42; № 8. С. 26—32.

⁶⁹ Из протокола допроса бывшего начальника Восточного отделения РСХА, директора института «Арбайтсгемайншафт Туркестан» гауптштурмфюрера СС Ольцша Райнера. 27 ноября 1945 г. // Ямпольский В.П. Указ. соч. С. 275—288.

⁷⁰ См.: Булатов Ю.А. Указ. соч.; Тихонов Ю.Н. Кабул-42, или как был сорван поход Гитлера в Индию // Военно-исторический журнал. 2000. № 3. С. 36—41; Дятленко П. Указ. соч.

N.K. Boranbayev

«WITHOUT THE SUPPORT OF THE BRITISH, THE BASMACHI WOULD NOT HAVE SURVIVED EVEN FOR A SINGLE MONTH»

The fight against illegal armed formations in the Soviet republics of Central Asia in the 1918—1930s

Information about author. Nurzhan Boranbayev — postgraduate in the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, lieutenant colonel of the Armed Forces of the Republic of Kazakhstan (Moscow. E-mail: n.boranbaev@list.ru).

Summary. This paper explores the role of the Basmachi, an illegal armed group, as cannon fodder in proxy wars waged by the Ottoman Empire and later by Britain to gain control over Soviet republics in Central Asia. It also discusses attempts by the Nazi regime to use these groups, highlighting the creation and development of Soviet armed forces that fought the Basmachi, major events of the conflict, and its outcome. The paper further discusses evolution of combat tactics, strategies and methods used during that period. Attention is drawn to the fact that these measures were comprehensive in nature and were combined with the multifaceted work of government agencies. Basmachi was eliminated not only through military force but also through the peaceful creation of a new life, the resolution of socio-economic problems, the development of education, healthcare, science, and culture, as well as the strengthening of statehood for the people of Central Asia.

Keywords: RSFSR; USSR; Central Asian region; Central Asia; Turkestan; Kazakhstan; Bukhara Republic; 'Greater Turkestan'; military development; Red Guards; Red Army; Turkestan Front; Basmachi; proxy wars; proxy troops; Pan-Turkism; Central Asian Uprising of 1916; British intelligence services; colonization; indigenization; S.S. Kamenev.

А.А. Коряковцев,
С.Л. Ташлыков

«НЕОБХОДИМО ПРИСТУПИТЬ К ПОСТРОЙКЕ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК КАК МОЖНО СКОРЕЕ...»

Создание первых советских подводных лодок во второй половине 1920-х годов

Сведения об авторах. Коряковцев Алексей Анатольевич — профессор кафедры строительства и применения ВМФ Военной академии Генерального штаба ВС РФ, капитан 1 ранга, доктор исторических наук (Москва. E-mail: rtm6711989@yandex.ru);

Ташлыков Сергей Леонидович — профессор кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, капитан 1 ранга, доктор исторических наук (Москва. E-mail: stashlykov@yandex.ru).

Аннотация. Статья посвящена 120-й годовщине образования подводных сил России и 100-летию утверждения эскизного проекта подводной лодки «Декабрист». Изложена история создания первой ПЛ советской постройки, показан вклад в это конструкторов и судостроителей. После окончания Гражданской войны в России состояние подводных сил РККФ в составе немногочисленных подводных лодок дореволюционной постройки было плачевным, что требовало принятия неотложных мер по их обновлению. Однако реальная возможность для осуществления планов строительства новых подводных лодок появилась только в середине 1920-х годов. Научно-техническим комитетом морского ведомства был разработан эскизный проект первой подводной лодки, а Техническим бюро — документация для её строительства. Несмотря на объективные трудности, судостроителям удалось создать подводную лодку, не уступающую по своим тактико-техническим показателям зарубежным образцам того периода. Тем самым была возрождена отечественная школа подводного судостроения. В статье использованы материалы из фондов Российского государственного военного архива и Российского государственного архива ВМФ.

Ключевые слова: РККФ; Морские силы РККА; Балтийский судостроительный завод; научно-технический комитет морского ведомства; НТКМ; проектирование подводных лодок; оперативно-технические требования к кораблям; оперативно-тактическое задание; эскизный проект корабля; технический проект; подводная лодка I серии «Декабрист»; испытания подводной лодки; остойчивость и живучесть кораблей; Б.М. Калинин; А.Н. Гарсов; П.З. Голосовский; С.А. Базилевский.

В начале XX века в России был накоплен определённый опыт строительства подводных лодок (ПЛ), что позволило создать подводные силы, которые приняли участие в боевых действиях на Балтийском и Чёрном морях во время Первой мировой войны¹. К окончанию Гражданской войны и иностранной военной интервенции в России в составе Рабоче-крестьянского Красного флота (РККФ) оставалось всего 13 подводных лодок дореволюционной постройки типа

«Барс» и «АГ». В начале 1920-х годов финансовые средства, выделявшиеся на восстановление и достройку кораблей, заложенных в годы Первой мировой войны, при этом финансирование неоднократно подвергалось сокращению. Поэтому ни о какой постройке новых кораблей не могло быть и речи. В то же время ведущие европейские государства приступили к обновлению своих подводных сил сразу же после окончания Первой мировой войны.

В процессе создания любого корабля, как правило, соблюдается следующая последовательность: органы управления флота определяют оперативно-технические требования к новым кораблям и готовят оперативно-тактические задания (ОТЗ) проектным организациям, на основании которых последние разраба-

тывают эскизные проекты (варианты проектов). После утверждения одного из вариантов конструкторские бюро приступают к разработке технического проекта, который ложится в основу технической документации, необходимой для постройки. Однако к началу второго десятилетия XX века у руководства РККФ не было

чёткого понимания того, какие корабли нужны флоту.

Первая попытка определить направления дальнейшего развития советских подводных сил была предпринята в 1921 году Морской подкомиссией по восстановлению военной промышленности, которая считала необходимым иметь в составе РККФ крупные быстроходные

подводные крейсера с сильным артиллерийским вооружением, подводные минные заградители с большим запасом мин и эскадренные подводные лодки водоизмещением около 1000 т².

Разработка перспективных проектов была возложена на отдел подводного плавания Балтийского судостроительного и механического завода. Работой отдела руководил морской инженер (инженер-судостроитель) Б.М. Малинин, ставший впоследствии известным советским конструктором в области подводного кораблестроения³. Сотрудники отдела помимо выполнения задач по обеспечению судоремонта и достройки подводных лодок по собственной инициативе занимались проектированием перспективных ПЛ в надежде, что когда-нибудь эти проекты найдут своё применение.

Из перечня подклассов ПЛ, предложенных Морской подкомиссией, сотрудники отдела подводного плавания при разработке эскизных проектов основное внимание уделили конструированию крейсерских скоростных подводных лодок большого водоизмещения. Свои варианты представили Б.М. Малинин и группа инженеров: В.Л. Поздунин, Н.И. Казанский и В.Ф. Попов. Так, Б.М. Малинин предложил проект подводного крейсера водоизмещением 7300 т (подводное) с надводной скоростью 25 узлов и мощным торпедным (десять торпедных аппаратов) и артиллерийским (девять 100-мм и 130-мм орудий) вооружением (см. табл.). Не менее масштабным был проект подводного минного заградителя водоизмещением 2000 т с запасом 120 мин. Однако это не соответствовало реальным возможностям советских судостроительных заводов и не могло быть обеспечено финансами. В этой связи комиссия отвергла предложенные проекты. По этим же причинам был отклонён проект подводного крейсера водоизмещением 5750 т, представленный инженерами В.Л. Поздуниним, Н.И. Казан-

Таблица

Проекты первых советских подводных лодок инженера-конструктора Б.М. Малинина

№ п/п	Подкласс	Год разработки	Водоизмещение, тонн		Скорость хода, узлов		Дальность плавания, миль		Вооружение			Глубина погружения, м		Реализация проекта
			Надвод.	Подвод.	Надвод.	Подвод.	Надвод.	Подвод.	Торпедные аппараты	Артиллер. орудия	Запас торпед/мин	Рабочая	Предельная	
1	Подводный крейсер	1921	4570	7300	25	10	1740 (25 уз)	125 (5 уз)	10x455 мм	5x130 мм 4x100 мм	28/-		66	Проект не принят
2	Подводный минный заградитель	1921	2000	2947	12	7	1200 (12 уз)	180 (2 уз)	2x455 мм	1x100 мм	2/120		61	Проект не принят
3	Средняя ПЛ	1924	755	981	14	12	1200 (12 уз)	180 (2 уз)	9x455 мм	1x100 мм 1x76 мм	18/-		61	Разработка проекта прекращена
4	Эскадренная ПЛ	1926	1440	1946	21	11	1500 (21 уз)	195 (3 уз)	6x553 мм	2x100 мм	14/-		90	Проект не принят
5	Большая позиционная ПЛ	1926	890	1193	16,3	10	8950 (8,9 уз)	158 (2,9 уз)	8x553 мм	1x102 мм	14/-	75	90	Построены 6 ПЛ типа «Декабрист» I серии
6	Средняя позиционная ПЛ	1930	578	706	11,6–14	8,5	1800 (17,5 уз)	110 (3 уз)	6x533 мм	1-2x45 мм	10/-	75	90	Построены 43 ПЛ типа «Щука» III и V серий
7	Подводный минный заградитель	1938	1025	1320	14,2	8,5	3600 (14,2 уз)	154 (2,5 уз)	6x533 мм	1x10 мм 1x37 мм	12/20	75	90	Построены 25 ПЛ типа «Ленинец» II, XI, XIII серий

Составлена по: История отечественного судостроения в 5 т. Т. 4: Судостроение в период первых пятилеток и Великой Отечественной войны 1925–1945 гг. СПб.: Судостроение, 1996. С. 101, 104, 113, 130, 134; Морозов М.Э., Кулагин К.Л. Советский подводный флот 1922–1945 гг. О подводных лодках и подводниках. М.: АСТ, 2006. С. 16, 17, 25, 26, 132, 133, 143, 144.

ским и В.Ф. Поповым. В то же время эти проекты имели практическое значение, поскольку они раскрывали возможность создания будущих подводных лодок подобных подклассов. В реальных условиях 1920-х годов советскому флоту необходимы были более простые и дешёвые подводные лодки, но не уступавшие по своим характеристикам зарубежным образцам.

Для подготовки оперативно-тактических заданий на проектирование отечественных подводных лодок 19 августа 1923 года была создана комиссия, которую возглавил главный подводник Штаба РККФ Н.А. Зарубин. Комиссия выработала общие требования для советского подводного кораблестроения. Было признано целесообразным строить подводные лодки в первую очередь для Балтики, затем для Чёрного моря⁴.

В сентябре того же года были подготовлены ОТЗ для эскадренной подводной лодки и подводного минного заградителя. В соответствии с заданием подводные лодки должны были иметь полную надводную скорость 16,5 узлов, подводную — 9 узлов; дальность плавания экономическим ходом — не менее 3500 миль в надводном и 110 миль в подводном положении. Предельную глубину погружения следовало довести до 120—140 м, время срочного погружения — до 30 сек. Вооружением ПЛ должны были стать четыре носовых, шесть траверзных и два кормовых торпедных аппарата калибром 533 мм, а также два 102-мм орудия. Реализация вышеперечисленных требований виделась в создании лодок с двухкорпусной архитектурой и с обязательным делением на водонепроницаемые отсеки⁵.

С получением оперативно-тактического задания в отделе подводного плавания началась подготовка эскизного проекта эскадренной подводной лодки. В ходе работы авторы проекта — руководитель отдела подводного плавания Б.М. Малинин и

Б.М. Малинин

технический директор завода В.К. Скорчеллеттис столкнулись с проблемами, которые не позволяли выполнить все требования ОТЗ. Главным из них являлось отсутствие двигателей необходимой мощности и 553-мм торпед.

В результате разработанный в 1924 году проект предусматривал создание подводной лодки надводным водоизмещением 755 т с расчётной надводной скоростью 14 узлов и подводной — 12 узлов. Вооружение ПЛ включало девять торпедных 455-мм аппаратов. Достоинствами проекта являлись устранение ряда недостатков, присущих лодкам типа «Барс», и улучшенные технические характеристики. Кроме того, в отличие от «Барса» архитектура новой ПЛ была двухкорпусная, а прочный корпус делился на отсеки водонепроницаемыми переборками.

Несмотря на достоинства проекта, по общему мнению командования ВМС и Научно-технического комитета морского ведомства (НТКМ)⁶, он не отвечал требованиям ОТЗ и подлежал доработке с учётом перспектив создания отечественных дизелей, серийного производства 533-мм торпед, а также другого оборудования.

Однако дальнейшая работа над проектом была приостановлена. Причиной тому являлись не экономические или технические проблемы, а следствия резкого сокращения численности РККА и РККФ в ходе начавшейся военной реформы. Во второй половине 1924 года отдел подводного плавания был расформирован, часть его персонала уволилась, а оставшиеся конструкторы перешли в механическое бюро завода, где занимались вопросами ремонта. Это грозило полной утратой отечественного опыта в области создания подводных лодок. Тем не менее по инициативе опытного офицера-подводника А.Н. Гарсоева работы по проектированию подводных лодок были продолжены в возглавлявшейся им секции подводного плавания, входившей в состав НТКМ, где под его руководством проводились проработки оперативно-тактических требований и проектов новых лодок. Примечательно, что своих проектантов в НТКМ не было, и для разработки проектов в сверхурочное время привлекались бывшие сотрудники отдела подводного плавания Балтийского завода. Следовательно, насущной проблемой, которая требовала своего решения, являлось отсутствие в РККФ специального органа по проектированию подводных лодок.

А.Н. Гарсоев считал, что от теоретических разработок необходимо переходить к их практической реализации. В одной из служебных записок, адресованных командованию РККФ, он писал: «Необходимо приступить к постройке подводных лодок как можно скорее... вследствие старости и небольшого количества наших подводных лодок “Барс” и их конструктивной ненадёжности. Полагая, что у нас есть на случай войны боевые подводные суда, мы только обманываем себя»⁷. Его мнение разделяли большинство советских подводников, однако решение этого вопроса находилось

в ведении высшего военного руководства.

О возобновлении отечественного подводного кораблестроения было объявлено народным комиссаром по военным и морским делам (наркомвоенмор) М.В. Фрунзе 3 марта 1925 года на совещании командиров РККФ, в ходе которого было принято принципиально важное решение об отказе от закупок лодок за границей и их постройке на советских судостроительных заводах. По ходатайству НТКМ техническим руководителем проектирования подводных лодок был избран инженер Б.М. Малинин, который по глубине знаний конструкции и технологии постройки дореволюционных ПЛ являлся самым компетентным специалистом в этой области⁸.

Вместе с тем руководство РККФ понимало, что восьмилетний перерыв в строительстве отечественных подводных лодок требует изучения опыта ведущих европейских государств, которые к середине 1920-х годов приступили к серийному строительству ПЛ по разработанным послевоенным проектам. В этой связи Б.М. Малинин в сентябре 1925 года в составе комиссии Судотреста был направлен в заграничную командировку. Однако подробно ознакомиться с подводным судостроением не удалось, поскольку во Франции и Италии допуск на корабли не был разрешён. Вместе с тем Малинин сумел приобрести чертежи общего расположения одной из строившихся итальянских подводных лодок. Впрочем, после детального их анализа было сделано заключение, что этот далеко не лучший образец зарубежного подводного судостроения не удовлетворяет потребностям РККФ. Таким образом, советским конструкторам и судостроителям предстояло самостоятельно решить сложнейшую задачу по созданию ПЛ нового поколения, не уступавшей лодкам иностранных флотов.

С.А. Базилевский

31 января 1925 года Оперативным управлением Штаба РККФ были разработаны очередные оперативно-тактические задания, в которых были определены требовавшиеся тактико-технические элементы океанского подводного крейсера, эскадренной подводной лодки и подводного минного заградителя⁹. С учётом предложений офицеров-подводников, высказанных на совещании командиров РККФ, в ОТЗ были внесены некоторые уточнения. Так, для эскадренной подводной лодки считалось необходимым иметь: водоизмещение — около 1000 т; надводную скорость — 20 узлов, подводную — 12 узлов; дальность плавания экономическим ходом — 5000 миль в надводном и 200 миль — в подводном положении; 6 носовых и 2 кормовых торпедных аппарата с запасом 14 торпед. По сравнению с ОТЗ 1923 года требования по скорости и дальности плавания были повышены. В то же время отсутствовали чёткие указания по предельной глубине погружения, что объяснялось необходимостью проведения дополнительных исследований и расчётов прочности корпуса.

Отсутствие специальной организации по проектированию подводных лодок не позволяло

развернуть полномасштабную работу по реализации этих требований. В этой связи с января 1926 года научно-исследовательская работа и разработка нового эскизного проекта проводилась в Научно-техническом комитете. Руководство осуществлял председатель секции подводного плавания А.Н. Гарсоев. В работе принимали участие Н.А. Зарубин, инженеры-механики Н.И. Казанский и Л.А. Белецкий, инженеры-судостроители Б.М. Малинин, К.И. Руберовский, А.Н. Щеглов, инженер-электрик В.И. Говорухин, конструкторы К.В. Кузьмин, Ф.З. Фёдоров и А.К. Шлюпкин. В качестве консультанта по части расчётов прочности был привлечён профессор П.Ф. Папкович¹⁰.

Ввиду сложности реализации тактического задания и проблем, связанных с выбором энергетической установки, проект разрабатывался в двух вариантах — водоизмещением 890 и 1440 т. 19 сентября оба варианта эскизного проекта были вынесены на совещание в Военно-морской академии под председательством начальника Военно-морских сил РККА Р.А. Муклевича с участием начальников управлений УВМС, командования Морскими силами и бригады подводных лодок Балтийского моря. Совещание одобрило первый вариант в 890 т как наиболее предпочтительный для Балтики. 15 октября 1926 года этот вариант эскизного проекта для первых подводных лодок советской постройки был утверждён новым наркомвоенмором К.Е. Ворошиловым.

1 ноября 1926 года на Балтийском заводе было сформировано Техническое бюро № 4, которому отныне поручались проектирование и сопровождение строительства советских подводных кораблей. Заведующим бюро был назначен Б.М. Малинин. Из числа специалистов, занимавшихся вопросами проектирования в НТКМ, в бюро перешёл А.Н. Щеглов. Помимо этого в состав бюро были

Б.М. Малинин на подводной лодке «Волк»

Подводная лодка Д-1 на Балтике

Музей «Подводная лодка Д-2 «Народовлец»»

включены: инженер-механик Э.Э. Крюгер, три конструктора-практика — А.И. Коровицин, Ф.З. Фёдоров, А.К. Шлюпкин, а также четыре молодых специалиста без опыта работы — А.В. Зайченко, В.А. Михайлов, А.С. Торошенко, И.М. Фёдоров.

Коллективу Технического бюро предстояло выполнить огромный объём работ по разработке общего технического чертежа и около 12 тыс. рабочих чертежей. Изготовить такое количество технической документации в срок сотрудники бюро были просто не в состоянии, и разработка чертежей шла параллельно со строительством корабля.

26 ноября 1926 года постановлением Совета труда и обороны СССР была утверждена Программа строительства Морских сил РККА, в т.ч. шести подводных лодок так называемой I серии¹¹. 5 марта 1927 года на Балтийском заводе в Ленинграде состоялась официальная закладка первых трёх подводных лодок советских проектов — «Декабрист», «Красногвардеец» и «Народовлец» для Морских сил Балтийского моря, а 14 апреля в Николаеве были заложены подводные лодки «Революционер», «Спартак» и «Якобин» для Морских сил Чёрного моря¹². С этого времени сотрудники Технического бюро под руководством Б.М. Малинина приступили к работе по сопровождению их строительства.

Б.М. Малинин позднее отмечал в своей автобиографии: «Приходилось одновременно решать три задачи, тесно связанные друг с другом: вести разработку и постройку лодок, тип которых у нас был до того времени неизвестен; создавать и немедленно практически использовать теорию подводных лодок, которой у нас в Союзе также не было; воспитывать в процессе проектирования кадры конструкторов-подводников»¹³.

Наиболее сложным было воплощение научных идей и технических решений в создание механизмов и устройств, боль-

шинство из которых являлись новым словом в отечественном подводном кораблестроении. В их числе следует отметить: применение двухкорпусной архитектуры, установка водонепроницаемых переборок, размещение аккумуляторной батареи в герметичной яме, оснащение подводной лодки цистерной быстрого погружения, средствами регенерации воздуха и другими, которые до сих пор используются в отечественном подводном кораблестроении. Впервые в практике мирового кораблестроения при постройке ПЛ I серии была внедрена двойная система вентиляции аккумуляторных батарей и создан комплекс спасательных средств, ставший впоследствии обязательным для всех проектов подводных лодок¹⁴.

В обстановке развёрнутой в стране кампании «по борьбе с вредительством» от создателей корабля требовалась смелость в принятии новых технических решений. Следует отметить, что не все сотрудники бюро изначально являлись специалистами в области подводного судостроения, однако основательные знания, полученные ими в советских высших учебных заведениях, успешно применялись при создании нового оборудования для ПЛ. Примером тому являются П.З. Голосовский и С.А. Базилевский, принятые в бюро в 1927 году. Так, выпускник Московского высшего технического училища инженер-конструктор самолётов П.З. Голосовский занимался разработкой конструкций кингстонов, носовых горизонтальных рулей с приводами, проектировал воздушную систему высокого давления и др. Причём в те годы конструкторы делали всё самостоятельно, до рабочих чертежей всех деталей включительно. Много лет спустя, став уже видным специалистом и признанным научным авторитетом, П.З. Голосовский говорил: «Нам тогда приходилось рассчитывать то, за что я не рискнул взяться бы и теперь»¹⁵. С.А. Базилевский по-

П.З. Голосовский

сле окончания Ленинградского политехнического института занимался постройкой надводных кораблей. С прибытием в бюро он в весьма короткий срок освоился с новой для него областью подводного судостроения и проявил недюжинные способности конструктора-новатора. Значительную помощь в дальнейшем проектировании и постройке ПЛ I серии оказал главный механик Балтийского судостроительного завода К.И. Руберовский.

Несмотря на естественные трудности постройки, связанные с отсутствием необходимых материалов, новизной дела, перманентной корректировкой проекта и др., головную лодку «Декабрист» удалось спустить на воду через 20 месяцев после начала постройки — 3 ноября 1928 года.

Весной 1930 года в ходе точных испытаний двух головных кораблей — «Декабрист» и «Революционер» — был выявлен ряд недостатков, из которых наиболее существенным являлось возникновение большого крена при погружении. Это указывало на серьёзную ошибку, допущенную при проектировании, и стало поводом для обвинения коллектива бюро в сознательном подрыве оборо-

носпособности страны. Главный конструктор Б.М. Малинин и ряд ведущих инженеров были арестованы органами ОГПУ и осуждены. Устранение недостатков велось в тесном сотрудничестве Балтийского завода, НТКМ и самих «вредителей», отбывавших наказание в Особом техническом бюро экономического отдела ОГПУ Ленинградского военного округа. Вместе с Малининым здесь работали К.И. Руберовский, С.А. Базилевский, Э.Э. Крюгер, П.Г. Гойнкис и др.

В тот период инженером С.А. Базилевским были выявлены причины возникновения крена, что позволило принять меры по устранению этого недостатка. Более того, он сумел смоделировать и математически описать процесс погружения и всплытия подводной лодки, который до этого не был изучен и не имел теоретического обоснования. Это стало большим вкладом в теорию остойчивости и живучести кораблей.

В сентябре—ноябре 1931 года ПЛ «Декабрист» с целью проверки качества устранения недостатков была подвергнута расширенным испытаниям, которые показали, что по своим тактико-техническим элементам она отвечает проекту: вооружение и все механизмы работают исправно, корабль послушен управлению и обладает хорошими мореходными и манёвренными качествами. Приёмной комиссией был сделан вывод, что «Декабрист» по вооружению, дальности плавания и глубине погружения находится на уровне высших достижений мирового кораблестроения и не уступает зарубежным подводным лодкам того же периода постройки. По результатам испытаний начальник управления ВМС РККА 7 декабря утвердил окончательный приёмный акт, а 26 декабря приказом РВС СССР лодка была включена в состав ВМС РККА с зачислением в бригаду подводных лодок Морских сил Балтийского моря¹⁶. Вскоре в состав ВМС РККА были включе-

Подводная лодка Д-3 в доке

Подводная лодка Д-3 на Севере

Подводная лодка Д-4. Визит в Стамбул

ны остальные подводные лодки типа «Декабрист».

К тому времени Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об ограничении преследования специалистов, поскольку, по заявлению И.В. Сталина, период разгара вредительства завершился и старая интеллигенция повернулась в сторону советской власти. Б.М. Малинин и осуждённые сотрудники Технического бюро были освобождены и продолжили свою деятельность по сопровождению достройки ПЛ I серии и разработке проектов подводных лодок последующих серий.

В дальнейшем судьба подводных лодок I серии сложилась следующим образом. В 1933—1934 гг. балтийские подводные лодки перешли на Север, где продолжили службу в составе образованной в 1933 году Северной военной флотилии (с 1937 г. — Северного флота). ПЛ, построенные в Николаеве, вошли в состав Морских сил Чёрного моря (с 1935 г. — Черноморского флота).

В 1934 году для всех подводных лодок I серии были введены буквенно-цифровые обозначения: «Декабрист» — Д-1, «Народоволец» — Д-2, «Красногвардеец» — Д-3. «Революционер», «Спартаконец» и «Якобинец» стали называться соответственно Д-4, Д-5 и Д-6. При этом прежние наименования продолжали применяться как в повседневной деятельности, так и в официальных документах¹⁷. В 1936—1941 гг. пять лодок I серии прошли капитальный ремонт и модернизацию. 13 февраля 1938 года подводная лодка Д-3, участвуя в операции по снятию со льдины полярной станции «СП-1» во главе с Д.И. Папаниным, впервые совершила подлёдное плавание¹⁸.

Д-1 во время Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. совершила три боевых похода. 13 ноября 1940 года она погибла при невыясненных обстоятельствах в Мотовском заливе. Во время Великой Отечественной войны Д-2 участвовала в боевых

действиях на Балтике, Д-3 — на Севере. Обе совершили по несколько боевых походов. В июне 1942 года Д-3 погибла, подорвавшись на mine у входа в Кольский залив. На Чёрном море активное участие в боевых действиях принимали подводные лодки Д-4 и Д-5, которые совершили 34 боевых похода, из них 8 рейсов в осаждённый Севастополь, доставив туда свыше 500 т грузов. В декабре 1943

года Д-4 погибла от глубинных бомб в Каламитском заливе. Д-6, получившая повреждение при бомбардировке Севастополя, находилась в доке, где по приказу командования была взорвана 26 июня 1942 года¹⁹.

В середине 1950-х годов Д-5 была выведена из состава ВМФ и сдана на слом. Д-2 с 1956 года использовалась как учебно-тренировочная станция для балтийских подводников. В 1989

году после восстановительного ремонта она была установлена в Шкиперском протоке, неподалёку от площади Морской Славы, в Санкт-Петербурге в качестве корабля-музея — филиала Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого, а по сути — памятника тем людям, которые сделали реальностью возрождение российской школы подводного кораблестроения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Более подробно см.: Ташлыков С.Л., Коряковцев А.А. Создание и развитие отечественных подводных сил // Военно-исторический журнал. 2016. № 3. С. 3—9.

² История отечественного судостроения в 5 т. Т. 4: Судостроение в период первых пятилеток и Великой Отечественной войны 1925—1945 гг. СПб.: Судостроение, 1996. С. 100.

³ Б.М. Малинин — морской инженер, конструктор советских подводных лодок первых серий. В 1914 г. окончил кораблестроительное отделение Петроградского политехнического института. Работал наблюдающим инженером на достройке ПЛ типа «Барс». С 1917 г. заведовал техническим бюро подводного плавания, занимался достройкой подводных лодок. С ноября 1926 г. — заведующий Техническим бюро № 4, главный конструктор. Руководил разработкой ПЛ типа «Декабрист», «Ленинец», «Щука».

⁴ Летопись Российского флота. От зарождения мореходства в Древнерус-

ском государстве до начала XXI века в 3 т. Т. 2. 1901—1945 гг. СПб.: Наука, 2012. С. 280.

⁵ Морозов М.Э., Кулагин К.Л. Советский подводный флот 1922—1945 гг. О подводных лодках и подводниках. М.: АСТ, 2006. С. 17, 18.

⁶ Научно-технический комитет Морского ведомства (НТКМ) образован приказом Реввоенсовета СССР № 2475 от 8 ноября 1923 г. для рассмотрения и разработки проектов новых кораблей и судов для РККФ // Российский государственный архив ВМФ (РГА ВМФ). Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 261. Л. 25—29.

⁷ Там же. Ф. Р-303. Оп. 2. Д. 889. Л. 9.

⁸ Летопись Российского флота... С. 293, 294.

⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 2426. Л. 12.

¹⁰ История отечественного судостроения. Т. 4. С. 103.

¹¹ Российский государственный военный архив. Ф. 4. Оп. 1. Д. 491. Л. 35—37.

¹² РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 26. Л. 45.

¹³ Цит по: Стволинский Ю.М. Конструкторы подводных кораблей: Документальные рассказы о создателях советского флота морских глубин. Л.: Лениздат, 1984. С. 134.

¹⁴ Буров В.Н. Отечественное военное кораблестроение в третьем столетии своей истории. СПб., 1995. С. 76—79.

¹⁵ Цит по: Стволинский Ю.М. Указ. соч. С. 152.

¹⁶ Березовский Н.Ю., Бережной С.С., Николаева З.В. Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1917—1941. М., 1992. С. 577.

¹⁷ История отечественного судостроения... Т. 4. С. 109.

¹⁸ Красавкин В.К., Филоненко В.Н. Штаб Северного флота (1916—1998). Историко-документальный очерк. СПб., 1998. С. 445.

¹⁹ Березовский Н.Ю., Бережной С.С., Николаева З.В. Указ. соч. С. 21, 36, 38, 67, 68, 70, 72, 91, 334, 336, 355, 365, 369, 419; Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1943. М., 1993. С. 554, 570, 583.

A.A. Koryakovtsev, S.L. Tashlykov

«IT IS ESSENTIAL TO BEGIN THE CONSTRUCTION OF SUBMARINES AS SOON AS POSSIBLE...»

The development of the first Soviet submarines during the second half of the 1920s

Information about authors. Aleksey Koryakovtsev — professor at the department of construction and application of the Navy, the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, captain 1st rank, D. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: rtm6711989@yandex.ru);

Sergey Tashlykov — professor at the department of history of wars and military art, the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, captain 1st rank, D. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: stashlykov@yandex.ru).

Summary. This paper is dedicated to the 120th anniversary of the establishment of the Russian submarine fleet and the 100th anniversary of the approval of the preliminary design for the Dekabrist submarine. It tells the story of the first submarine built in the Soviet Union and highlights the contributions of designers and engineers. After the Russian Civil War ended, the submarine fleet of the Red Navy was in a dire state, with only a few pre-revolutionary submarines available. Urgent measures were needed to modernize the fleet. However, it was not until the mid-1920s that plans for new submarines became feasible. The Scientific and Technical Committee of the Naval Department created a preliminary design for the first submarine. Then, the Technical Bureau produced construction documentation for it. Despite some challenges, the shipbuilders managed to build a submarine that had performance characteristics comparable to foreign designs of that time. This success revitalized the domestic submarine construction industry. This paper is based on materials from the collections of the Russian State Military Archive and the Russian State Navy Archive.

Keywords: Workers' and Peasants' Red Navy (RKKF); Naval forces of the Red Army (RKKA); Baltic Shipyard; Scientific and Technical Committee of the Naval Department; NTKM; submarine design; operational and technical requirements for ships; operational and tactical assignment; ship draft design; technical design; Dekabrist, a submarine of the 1st series; submarine trials; stability and survivability of ships; Boris M. Malinin; Alexander N. Garsoyev; Pyotr Z. Golosovskiy; Sergey A. Bazilevskiy.

«ЛАБОРАТОРНАЯ БАЗА ИНСТИТУТА — ЭТО КОРАБЛИ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА»

Деятельность Центрального научно-исследовательского института
военного кораблестроения в 1946—1955 гг.

Сведения об авторе. Прасников Владислав Борисович — старший научный сотрудник, руководитель группы истории отечественного кораблестроения и вооружения ВМФ Научно-исследовательского института кораблестроения и вооружения ВМФ ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», кандидат исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: vups-vmf-3fil@mil.ru).

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Центрального научно-исследовательского института военного кораблестроения в период выполнения первой послевоенной программы кораблестроения 1946—1955 гг. Приведены факты, показывающие вклад сотрудников ЦНИИВК в создание подводных лодок и надводных кораблей послевоенного ВМФ СССР. Корабли в тот период строились с учётом опыта Второй мировой войны, но их развитие ещё шло эволюционным путём. Подлинная революция в кораблестроении — создание подводных лодок и надводных кораблей с качественно новыми боевыми возможностями — произошла уже после 1955 года.

Ключевые слова: опыт Второй мировой войны; трофейные корабли; ВМФ СССР; ЦНИИВК; Институт № 1 ВМС; Программа кораблестроения; лабораторно-экспериментальная база; тактико-техническое задание; военно-морская наука; история кораблестроения; линейный корабль проекта 24; тяжёлый крейсер проекта 82; авианосцы; подводная лодка К-3; И.В. Сталин; Л.А. Коршунов.

С окончанием Второй мировой войны 1939—1945 гг. в мире сложилась совершенно новая военно-политическая обстановка. В самом общем виде её можно было охарактеризовать как «холодная война» между СССР и его бывшими союзниками по Антигитлеровской коалиции. У СССР и США не стало общего противника — нацистской Германии и милитаристской Японии. Мир разделился на социали-

стический, капиталистический лагеря и ориентирующиеся на них страны. Всё это надолго предопределило военное строительство в Советском Союзе и, в частности, развитие Военно-морского флота. Его вероятным противником стал мощный флот США и НАТО¹. Перед высшим политическим и военным руководством СССР встал вопрос: что можно максимально эффективно противопоставить этим силам?

Первоначальный вариант послевоенной программы кораблестроения, разработанный Главным морским штабом (ГМШ), предусматривал постройку к началу 1950-х годов девяти линкоров, 96 крейсеров трёх подклассов, шести эскадренных и шести малых авианосцев, 358 эсминцев, 495 подводных лодок. Сегодня такие планы удивляют возможностью реализации, прежде всего с производственно-экономической точки зрения. И

всё-таки этот вариант программы, конечно, можно назвать «сбалансированным» и «симметричным», но с одной оговоркой, что «чудес на свете не бывает». Поэтому неудивительно, что проект не был принят даже за основу послевоенного возрождения флота².

После долгих дискуссий постановлением Совета народных комиссаров (СНК) СССР³ от 27 ноября 1945 года № 2988-883сс в окончательной редакции была утверж-

дена первая послевоенная Кораблестроительная программа на период 1946—1955 гг.⁴ Программа не предусматривала строительство линкоров и авианосцев. Из крупных кораблей предполагалось построить четыре тяжёлых и 30 лёгких крейсеров, 188 эскадренных миноносцев, 177 сторожевых кораблей, около 2000 тральщиков, торпедных и артиллерийских катеров, 40 больших, 204 средние и 123 малые подводные лодки.

В постановлении СНК особо указывалось, что ответственность за качество тактико-технических заданий (ТТЗ) на проектирование кораблей и соответствие их стоящим перед флотом задачам несёт Военно-морской флот, а Министерство судостроительной промышленности — за качество разрабатываемых проектов кораблей и их соответствие ТТЗ. От ВМФ также требовалось завершить разработку общих технических требований (ОТТ)⁵ к проектированию вновь создававшихся кораблей всех классов, т.к. наличие ОТТ значительно сокращало объём ТТЗ на вновь проектируемые корабли.

Для решения на высоком научно-техническом уровне поставленных перед флотом задач в 1945 году Научно-технический комитет (НТК) ВМФ был преобразован в Центральный научно-исследовательский институт военного кораблестроения (ЦНИИВК), одновременно был повышен статус Управления кораблестроения. Так, решением народного комиссара Военно-морского флота Союза ССР от 22 декабря 1945 года № 00290 предусматривалось:

«Для осуществления координации и обеспечения проектирования и строительства кораблей Военно-Морского Флота реорганизовать:

1. Управление кораблестроения ВМФ в Главное управление кораблестроения ВМФ.

2. Научно-технический комитет НК ВМФ в Центральный научно-исследовательский институт военного кораблестроения ВМФ»⁶.

Одновременно с преобразованием НТК в ЦНИИВК при Главном штабе ВМФ был создан центральный научный орган ВМФ. Он сохранил наименование Научно-технический комитет ВМФ, но к существовавшему с 1938 по 1945 год Научно-техническому комитету вновь сформированный НТК ВМФ не имел прямого отношения⁷.

Н.В. Алексеев

26 июня 1946 года Генеральный штаб Вооружённых сил СССР директивой № Орг./6/247659 объявил НТК ВМФ реорганизованным в ЦНИИВК.

В сентябре 1946 года первым начальником ЦНИИВК был назначен контр-адмирал Н.В. Алексеев — корабельный инженер с большим опытом службы на кораблях и в органах военного кораблестроения. Начальник института также являлся заместителем начальника Главного управления кораблестроения (ГУК) вице-адмирала Н.В. Исаченкова по проектированию и научно-исследовательской работе⁸. Н.В. Алексеев имел двух заместителей: по научно-исследовательской работе и по проектированию. Заместителю по научно-исследовательской работе подчинялись научно-исследовательские отделы, заместителю по проектированию — проектные отделы и конструкторское бюро. В 1947 году заместителем начальника института по научной работе был назначен капитан 1 ранга Л.А. Коршунов, до этого руководивший конструкторским бюро ВМФ в Берлине. Должность

заместителя по проектированию с 1946 года занимал капитан 1 ранга (затем контр-адмирал) А.К. Попов.

Научно-исследовательские отделы вели поисковые исследования по различным направлениям кораблестроительной науки с целью создания новых кораблей и военно-морской техники, осуществляли разработку руководящих документов ВМФ, разрабатывали научно-технические задания на изготовление и испытания опытных образцов военно-морской техники, консультировали специалистов проектных отделов при научно-техническом сопровождении ими эскизных и технических проектов кораблей. Проектные отделы осуществляли военно-научное наблюдение за проектированием кораблей конструкторскими бюро судостроительной промышленности.

Сразу же остро встала проблема размещения ЦНИИВК в Ленинграде и создания его лабораторно-экспериментальной базы (ЛЭБ). К окончанию войны НТК ВМФ располагался в двух зданиях — доме № 3 по Филологическому переулку и доме № 7 по Сапёрному переулку. При этом оба здания НК ВМФ не принадлежали, и их владельцы требовали поскорее их освободить. Необходимо было не только найти помещение для возрождённого ЦНИИВК, но и объединить все его подразделения на одной территории. Первоначально руководством ЦНИИВК была поставлена задача: «Добиться возвращения от Наркомсудпрома здания бывшего НИИВК и передачи в распоряжение ЦНИИВК опытового бассейна ЦАГИ (Москва)»⁹. Разумеется, Народный комиссариат судостроительной промышленности (НКСП) ничего отдавать не собирался, т.к. новый гигантский лабораторно-эксперименталь-

ный комплекс ЦНИИ имени академика А.Н. Крылова (ныне Крыловский Государственный научный центр) на Московском шоссе, дом 44, был частично введен в строй только в 1952 году. Со своей стороны Центральный аэрогидродинамический институт был согласен вести совместные с ЦНИИВК договорные работы. Рассматривались различные варианты, пока в 1948 году для размещения ЦНИИВК не было выбрано здание солдатского корпуса¹⁰ бывших казарм лейб-гвардии Гренадерского полка по адресу ул. Большая Вульфо́ва, дом 22/24 (ныне ул. Чапаева, дом 30), построенное в 1803—1809 гг. под руководством архитектора итальянца Луиджи (в России — Алоизий Иванович) Руска.

После расформирования полка в 1918 году в солдатском корпусе казарм, принадлежавшем Петроградскому, затем Ленинградскому военному округу, располагались школа водителей, авторемонтные мастерские, склады и различные хо-

Н.В. Исаченков

ем Совета министров СССР от 30 сентября 1949 года № 19247РС он был передан институту под строительство лабораторно-экспериментальной базы (ЛЭБ)¹². Всё это позволяло планировать строительство ЛЭБ института и базирование на реках Большая Невка и Карповка плав-

Институт не имел своей полноценной лабораторно-экспериментальной базы, быстро её создать было нереально, а без лабораторного и натурного экспериментов невозможно было осуществить эффективный поиск оптимальных проектно-технических решений

зайственные службы округа. Здание использовалось также как общежитие, где проживали 98 семей военнослужащих¹¹. На его восстановление, проведение капитального ремонта с перепланировкой помещений ушло несколько лет.

К безусловным достоинствам территории Гренадерских казарм относился незастроенный плац полка площадью 9 га. Решени-

ем средств, обеспечивавших натурные испытания.

Основная забота по обустройству института на новом месте, а также по формированию его структуры и направленности научно-исследовательской деятельности легла на плечи назначенного в 1950 году начальником ЦНИИВК капитана 1 ранга Л.А. Коршунова, впоследствии вице-адмирала, доктора технических наук, профессора, заслужен-

ного деятеля науки и техники РСФСР. На посту начальника института он пробыл почти 19 лет.

К сожалению, красивое наименование ЦНИИВК просуществовало недолго. Вскоре институт получил новое. В циркуляре начальника Главного штаба ВМС¹³ от 29 июня 1949 года № 0080 значилось: «Объявляю нижеследующие номерные и условные наименования научно-исследовательских и испытательных институтов и полигонов ВМС: Существующее наименование: Центральный научно-исследовательский институт военного кораблестроения ВМС. Новое наименование: Институт №1 ВМС¹⁴, номер войсковой части: 27177»¹⁵.

Как уже отмечалось, институт не имел своей полноценной лабораторно-экспериментальной базы, быстро её создать было нереально, а без лабораторного и натурного экспериментов невозможно было осуществить эффективный поиск оптимальных проектно-технических решений.

Как следует из выступлений и докладов начальника ЦНИИВК Л.А. Коршунова, экспериментально-лабораторная база была нужна институту для того, чтобы иметь возможность:

- проведения поисковых научно-исследовательских работ для решения проблем, возникающих при создании новых кораблей;

- экспериментального подтверждения теоретических исследований и конструкторских проработок института, направленных на повышение боевых качеств новых кораблей, обоснование реализуемости новых разработок в промышленности;

- обоснования методик и программ натурных испытаний кораблей в море, сопоставления результатов натурных и модельных экспериментов для дальнейшего

совершенствования методов исследовательского проектирования;

— изучения эксплуатационных свойств и возможностей корабельных механизмов, электрооборудования и приборов по мощности, экономичности, ресурсу и другим показателям;

— создания макетных образцов приборов, необходимых институту для проведения всесторонних испытаний корабельной техники и корабля в целом.

Объём предполагавшегося строительства новой ЛЭБ института был значительным. Площадь только новых зданий для лабораторий и стендов составляла 30 тыс. м², в то время как площадь реконструированных Гренадерских казарм составляла 18 тыс. м². Архитектурной доминантой должен был стать пятиэтажный административный корпус, в котором располагались бы командование, обеспечивающие подразделения, конференц-зал и столовая. Всего на месте плаца Гренадерского полка предполагалось построить девять зданий, в т.ч. 100-квартирный дом для сотрудников института¹⁶.

Начало строительства ЛЭБ института постоянно откладывалось. Во многом это было связано с тем, что подобные сложные и очень дорогостоящие сооружения — опытовые бассейны для испытания моделей кораблей и подводных лодок, экспериментальные стенды и установки — уже имелись или строились на территории ЦНИИ имени академика А.Н. Крылова, проектных и машиностроительных предприятий Минсудпрома и других министерств.

Окончательно вопрос о новом капитальном строительстве для нужд института отпал сам собой, когда в январе 1960 года Верховный совет СССР принял Закон «О новом значительном сокращении Вооружённых Сил», в резуль-

Заместитель начальника
ЦНИИВК по научной
работе капитан 1 ранга
Л.А. Коршунов
1945 г.

тате чего личный состав института был сокращён на одну треть. Территория плаца Гренадерского полка постепенно отошла к городу и сегодня

ные исследования проводились на кораблях ВМФ с использованием высокоточной компактной измерительной аппаратуры, которая во многих случаях была создана или усовершенствована специалистами института. Эти работы явились важным фактором при научном обосновании требований к вновь проектировавшимся кораблям и их оборудованию. Примерами таких исследований могут служить всесторонние мореходные испытания в 1951 году эсминца проекта 30-бис «Отчётливый». Летом 1950 года специалистами института был осуществлён уникальный эксперимент с трофейным германским эминцем Z-14 (в ВМФ СССР «Прыткий»). Эсминец был поставлен в один из кронштадтских доков и испытывался до потери общей прочности корпуса путём налива воды в отсеки. Этот уникальный натурный эксперимент помог решить целый ряд проблем в области прочности корабельных конструкций.

«...Институт хранит отдельные механизмы и детали, снятые с авианосца “Граф Цеппелин”. Использовать для каких-либо целей это оборудование институт не в состоянии, ликвидировать же его по своему усмотрению не имеет права. Оборудование в течение 4-х лет лежит под открытым небом»

застроена жилыми домами и корпусами Медицинского университета имени академика И.П. Павлова.

Фактическое отсутствие у института полноценной лабораторно-экспериментальной базы привело к выводу, который кратко и ёмко сформулировал начальник института Л.А. Коршунов: «Лабораторная база Института — это корабли Военно-Морского Флота». В первое послевоенное десятилетие эксперименталь-

С целью исследования воздействия авиационного и артиллерийского оружия на корпусные конструкции крупных кораблей были использованы трофейный немецкий авианосец «Граф Цеппелин» и тяжёлый крейсер «Лютцов» (бывший броненосный корабль «Дойчланд»). Иногда в отечественной популярной технической литературе делаются заявления, что, затопив авианосец «Граф Цеппелин», мы лишились ценного прото-

Группа сотрудников у здания НТК ВМФ
(Ленинград, Филологический пер., д. 3). Крайний справа — капитан
1 ранга Л.А. Коршунов
Весна 1944 г.

Казармы и плац лейб-гвардии Гренадерского полка
Фрагмент карты Ленинграда, 1948 г.

Получив критические повреждения после совместной торпедной
атаки эсминцев и торпедных катеров, авианосец «Граф Цеппелин»
тонет в Балтийском море
17 августа 1947 г.

типа для своих будущих авианосцев. Это не совсем так. Не имея опыта создания и эксплуатации кораблей такого класса, германские кораблестроители совершили концептуальную ошибку¹⁷, создав гибрид авианосца и лёгкого крейсера-рейдера. Первые боевые столкновения на море в период Второй мировой войны со всей очевидностью показали, что авианосец, имевший на борту тонны авиационного бензина и боекомплекта, должен был всячески избегать артиллерийского боя. Вопрос о возможности достройки авианосца «Граф Цеппелин» прорабатывался, но поддержки Наркомата судостроительной промышленности не получил¹⁸. Нельзя сказать что «Граф Цеппелин» пошёл ко дну вместе со всем оборудованием. Всё же какие-то попытки его изучения были предприняты. Увы, этого было недостаточно. Согласно документам «...институт хранит отдельные механизмы и детали, снятые с авианосца «Граф Цеппелин». Использовать для каких-либо целей это оборудование институт не в состоянии, ликвидировать же его по своему усмотрению не имеет права. Оборудование в течение 4-х лет лежит под открытым небом на Филологическом переулке, ржавеет и загромождает территорию»¹⁹. Что это конкретно было за оборудование, нам пока выяснить не удалось, но то, что оно являлось частью авиационного вооружения корабля, не вызывает сомнений.

Что касается взаимоотношений ЦНИИВК с другими НИИ флота, то основное положение по данному вопросу было сформулировано следующим образом: «Руководя комплексным эскизным и техническим проектированием кораблей в целях установления тактико-технических заданий на них и осуществляя контроль выполнения утверждённых ТТЗ на корабли в процессе их

проектирования и постройки промышленности, ЦНИИВК является ведущим по отношению ко всем научно-исследовательским институтам ВМС, занимающимся вооружением и оборудованием кораблей»²⁰. Относительно Военно-морской академии кораблестроения и вооружения ВМФ (ВМАКВ) имени А.Н. Крылова и Высшего военно-морского инженерного училища имени Ф.Э. Дзержинского, то они должны были согласовывать с ЦНИИВК планы научных исследований, относившихся к области военного кораблестроения, и представлять в ЦНИИВК отчёты²¹.

Сразу надо сказать, что по своему положению и задачам ЦНИИВК непосредственно в формировании первой послевоенной кораблестроительной программы не участвовал. Его функция заключалась в исследовательском проектировании, выработке ТТЗ и научно-техническом консультировании специалистов ГУК. Так, отстаивая интересы Военно-морского флота при подготовке к реализации кораблестроительной программы, начальник ГУК вице-адмирал Н.В. Исаченков широко использовал материалы, разработанные НТК, а затем ЦНИИВК. В качестве примера можно привести мнение специалистов НТК по тяжёлым кораблям: «НТК на сегодняшний день не имеет достаточных материалов для развёртывания исследовательского проектирования тяжёлых боевых кораблей, предназначенных к скорой закладке. Причиной тому является почти полное отсутствие опыта войны по кораблям этих классов отечественного флота²² и крайне скудные сведения о подобных кораблях новейшей постройки иностранных флотов»²³.

Линейные корабли не были включены в программу кораблестроения, однако проектирование линейно-

Заместитель начальника
ЦНИИВК
по проектированию
контр-адмирал
А.К. Попов

го корабля проекта 24 было продолжено. «В 1949 г. проектным бюро Института № 1 ВМС были разработаны несколько вариантов предэскизного проекта 24, составлены ТТЗ и отосланы в ГУК ВМС и МСП. Согласование указанных ТТЗ с промышленностью не проводилось из-за неготовности промышленности²⁴»; «откорректированы и представлены в ГУК ВМС проекты ТТЗ по IV и VII вариантам проекта линейного корабля. Закончены разработкой дополнительные VIII и IX варианты проекта 24 по новым ОТЗ (оперативно-тактическим заданиям. — **Прим. авт.**) и инициативный X вариант сокращённого водоизмещения...»²⁵. Постепенно всем стало ясно, что работы по линейному кораблю проекта 24 зашли в тупик. Стремление превзойти все существовавшие на то время линейные корабли, в т.ч. заложенные, но так и недостроенные американские линкоры типа «Монтана», привело к росту полного водоизмещения линкора проекта 24 до

немыслимых 80 тыс. т. Его вооружение должно было состоять из девяти орудий калибра 460 мм, а толщина броневых пояса достигать 450 мм²⁶. Между тем опыт Второй мировой войны со всей очевидностью показал, что эпоха крупных бронированных кораблей прошла и самые мощные в истории мирового кораблестроения линейные корабли — японские «Мусаси» и «Ямато» — были потоплены американской авиацией с минимальными потерями самолётов и лётчиков. После смерти И.В. Сталина 5 марта 1953 года все работы по проекту 24 были остановлены.

Казалось, что счастливая судьба ожидает «любимца Сталина» — тяжёлый крейсер проекта 82. В архиве института бережно хранится экземпляр «Тактико-технического задания на проектирование тяжёлого крейсера с главным калибром 305-мм (проект № 82)». ТТЗ было утверждено постановлением Совета министров СССР от 31 августа 1948 года № 3292-1334сс. Его содержание уже давно опубликовано²⁷, поэтому приводить его в данной статье нет смысла. «Задание...» было отпечатано в четырёх экземплярах со следующим списком рассылки: экземпляр № 1 — т. Сталину, экз. № 2 — т. Юмашеву²⁸, экз. № 3 — т. Горегляд²⁹, экз. № 4 — ГУК ВМС, что ещё раз подчёркивает особую, государственную важность проекта. В хранящемся в архиве института экз. № 2 на полях синими чернилами сделаны правки, соответствовавшие частичным изменениям ТТЗ, утверждённым Совмином СССР постановлением от 23 марта 1950 года. Головной корабль проекта 82 «Сталинград» был заложен 31 декабря 1951 года на восстановленном заводе № 444 (до 2018 г. — Черноморский судостроительный завод) в г. Николаеве (Украина), пер-

Лёгкий крейсер проекта 68-бис «Дэзержинский»

Эскадренный миноносец проекта 56 «Спокойный»

Большая подводная лодка проекта 611 на момент вступления в состав флота. Артиллерийское вооружение впоследствии было демонтировано

Средняя подводная лодка проекта 613 на момент вступления в состав флота. Артиллерийское вооружение впоследствии было демонтировано

вый серийный — «Москва» 9 сентября 1952 года на заводе № 189 (Балтийский завод) в Ленинграде, второй и третий серийные корабли планировались к постройке на заводе № 402 (ныне Севмаш-предприятие) в г. Молотовске (ныне Северодвинск).

С позиции сегодняшнего дня можно утверждать, что, казалось бы, технически совершенный тяжёлый крейсер проекта 82 морально устарел ещё на этапе выдачи оперативно-тактического задания. Огромный, очень дорогой корабль строился под совершенно надуманные, оперативно-тактически не обоснованные задачи, например, для «уничтожения крейсеров противника, вооружённых 203-мм и 152-мм артиллерией в морском бою, и т.д.³⁰». Наличие у потенциального противника быстроходных линейных кораблей с 406-мм орудиями и, самое главное, мощнейшей корабельной авиации просто игнорировалось. По мнению автора и многих других историков кораблестроения, тяжёлый крейсер проекта 82 имел символическое, личностное значение для И.В. Сталина. При гигантском количественном и качественном росте экономики Советского Союза по сравнению с «Российской Империей в 1913 г.» «отсталая царская Россия» сумела построить и ввести в строй целых семь линейных кораблей типа «Севастополь» и «Императрица Мария», а могучий Советский Союз, несмотря на колоссальные усилия и материальные затраты, так и не сумел завершить строительство линкоров проекта 23 и тяжёлых крейсеров проекта 69. Теперь олицетворять собой военную и экономическую мощь СССР должен был красавец-крейсер проекта 82 водоизмещением 43 тыс. т³¹. После марта 1953 года все работы по проекту 82 были прекращены.

Как известно, сторонником развития авианесущих кораблей в отечественном флоте был Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов, который не побоялся отстаивать своё мнение по этому вопросу перед И.В. Сталиным и даже добился включения двух малых авианосцев для Северного флота в один из вариантов кораблестроительной программы.

К сожалению, опыт Второй мировой войны и, в частности, опыт японо-американских морских сражений на Тихом океане никак не повлиял на взгляды высшего военно-политического руководства СССР на роль и место авианосцев в войне на море. Неудивительно, что в январе 1947 года на одном из совещаний министр Вооружённых сил Маршал Советского Союза Н.А. Булганин заявил: «У нас в десятилетней программе нет авианосцев не потому, что мы о них забыли, а потому, что исключили их сознательно»³². Правда, в подготовленном в 1949—1951 гг. Наставлении по ведению морских операций (НМО-51) справедливо отмечалось, что «завоевание господства на море во всех случаях сочетается с завоеванием господства в воздухе»³³. Но сразу же встал вопрос: как можно достичь господства в воздухе, не имея в составе соединений авианесущих кораблей? Недооценка роли авианосцев, а проще говоря, попытка обойтись без них получила своё отражение и в направлении научных исследований ЦНИИВК. К сожалению, нам пока не удалось найти ни одной научно-исследовательской работы института за период 1946—1953 гг., посвящённой разработке тактико-технических заданий на перспективные авианесущие корабли. Справедливости ради надо отметить, что работы по авианосной тематике велись в НИИ №15 ВМС (На-

учно-испытательный институт авиации ВМС), где в 1953 году была выполнена НИР «Опытно-экспериментальная и учебная полётная палуба авианосца». В НИР обосновывались создание и основные характеристики наземного испытательного комплекса для отработки технических решений взлёта и посадки реактивного истребителя МиГ-17 на авианосец. Практическое воплощение эта идея нашла только в 1982 году, когда в Крыму на аэродроме Саки был введён в строй Наземный испытательный тренировочный комплекс авиационный (НИТКА).

Рассматривая общую картину отечественного кора-

При создании этих кораблей специалистам ЦНИИВК пришлось решать целый ряд научно-технических проблем. Так, в 1946—1949 гг. сотрудниками института был проанализирован опыт Второй мировой войны на море в части эффективности броневой защиты крупных кораблей от снарядов и авиабомб. Теоретические и экспериментальные исследования проводились под руководством начальника отдела прочности инженер-капитана 1 ранга Н.Н. Лесникова. Впервые в отечественной практике был выполнен расчёт, а затем проведён отстрел на полигоне сварных броневых конструкций лёгко-

В 1946—1948 гг. под руководством начальника отдела ЦНИИВК капитана 2 ранга И.И. Чуфрина были проведены всесторонние испытания трофейной подводной лодки Б-29 XXI серии

блестроения за первое послевоенное десятилетие (1946—1955 гг.), необходимо особо подчеркнуть, что подводные лодки, надводные корабли и катера, созданные в период при активном участии специалистов ЦНИИВК, в основном находились на должном уровне, а по некоторым характеристикам превосходили зарубежные аналоги.

В первое послевоенное десятилетие по тактико-техническим заданиям, разработанным в ЦНИИВК, велось проектирование кораблей основных классов: лёгких крейсеров проекта 68-бис, эсминцев проектов 30-бис, 41, 56, сторожевых кораблей проектов 42, 50, тральщиков, десантных кораблей и боевых катеров, больших подводных лодок проекта 611, средних ПЛ проектов 613, 617 и малых ПЛ проектов 615, А615.

го крейсера проекта 68-бис. Научно-исследовательские работы по надводной броневой защите кораблей дополнялись исследованиями в области подводной конструктивной защиты. К сожалению, в дальнейшем результаты этих исследований в большинстве своём не были востребованы³⁴.

По опыту войны были значительно усилены средства противовоздушной обороны кораблей. На крейсерах проектов 68К, 68-бис и эсминцах проектов 41 и 56 впервые в практике отечественного кораблестроения были установлены стабилизированные универсальные спаренные 100 и 130-мм артиллерийские установки, значительно увеличено количество зенитных автоматов малого калибра. Корабли получили более совершенные приборы управления артиллерий-

ской и торпедной стрельбой, радиолокаторы различного назначения, гидроакустические станции, современные средства связи.

На послевоенное развитие отечественного подводного кораблестроения значительное влияние оказал как собственный опыт, так и изучение трофейных немецких подводных лодок XXI серии, которые по праву можно назвать одним из самых революционных проектов в истории подводного неатомного кораблестроения. В 1946—1948 гг. под руководством начальника отдела ЦНИИВК капитана 2 ранга И.И. Чуфрина были проведены всесторонние испытания трофейной подводной лодки Б-29³⁵ XXI серии. В архиве института хранятся отчёты: «О натурных испытаниях мореходных качеств подводной лодки Б-29 проекта XXI», «Об испытаниях устройства “Шнорхель”³⁶, главных двигателей и дизель-компрессоров на подводной лодке Б-29 XXI проекта», «О совместных исследованиях с ЦАГИ движения жидкости в междукорпусном пространстве подводных лодок проекта XXI». Испытания также показали высокую эффективность установки главных и вспомогательных механизмов на амортизаторы, что делало немецкую ПЛ в подводном положении в три(!) раза менее шумной, чем отечественная ПЛ типа С серии IX-бис. Полученные материалы были использованы при создании большой подводной лодки проекта 611 и средней подводной лодки проекта 613, которые по своим тактико-техническим элементам на тот период были лучшими в мире и надолго определили тенденцию развития отечественного неатомного подводного кораблестроения. Отдельно надо отметить работы по созданию воздухонезависимых энергетических установок для подводных лодок. Так, на ос-

нове германского опыта была создана экспериментальная средняя подводная лодка проекта 617 с оригинальной парогазотурбинной установкой системы немецкого инженера доктора Гельмута Вальтера, однако в серийное производство пошла малая подводная лодка проекта А615 с дизелями, работавшими по замкнутому циклу. Подводная лодка оказалась малоудачной и получила на флоте неофициальное прозвище «зажигалка».

Подлинной революцией в подводном кораблестроении стало внедрение атомной энергетики. Так, постановлениями Совета министров СССР от 9 сентября и 25 ноября 1952 года Министерству судостроительной промышленности совместно с Министерством среднего машиностроения и с привлечением Академии наук СССР поручалось в кратчайшие сроки создать «объект 627»³⁷ — первую советскую атомную подводную лодку К-3, которая была принята в опытную эксплуатацию в 1958 году.

Что касается ошибок при определении перспективного корабельного состава и технического облика кораблей послевоенного ВМФ СССР, то они носили скорее оперативно-тактический, а не технический характер. Главной ошибкой был отказ от создания авианесущих кораблей, которые по опыту морских сражений Второй мировой войны стали основой, ядром корабельных ударных соединений в открытом океане. К сожалению, послевоенная недооценка роли авианосцев даёт знать о себе и сегодня, когда в составе ВМФ России находится всего один тяжёлый авианесущий крейсер «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов», в то время как Китайская Народная Республика, послевоенный флот которой состоял из переданных СССР устаревших кораблей довоенной постройки, строит уже

четвёртый авианесущий корабль. Совершенно неоправданным выглядит отвлечение огромных материальных и людских ресурсов на создание морально устаревшего тяжёлого крейсера проекта 82.

В целом в период реализации первой послевоенной программы кораблестроения 1946—1955 гг. улучшение тактико-технических элементов подводных лодок, надводных кораблей и их вооружения происходило на традиционной технической основе, сложившейся ещё накануне Второй мировой войны и значительно развившейся на базе её опыта.

Серийное строительство атомных подводных лодок, в т.ч. с баллистическими ракетами, и ракетных кораблей с зенитными и противокорабельными ракетами, обладавших качественно новыми боевыми и техническими свойствами, началось уже после 1955 года.

Что касается развития ЦНИИВК, то первое послевоенное десятилетие (1946—1955 гг.) характеризовалось становлением его как ведущего научного органа Военно-морского флота в области военного кораблестроения. Специалистами института были найдены ряд передовых научно-технических и инженерных решений, которые были внедрены на подводных лодках и надводных кораблях, вступивших в строй уже после 1955 года. Разрабатывались, но так и не были воплощены в жизнь, масштабные планы по строительству на территории Гренадерских казарм мощной лабораторно-экспериментальной базы института. Но самое главное, в институте сформировался крупный высокопрофессиональный научный коллектив, который был готов к выполнению новой задачи государственной важности — созданию океанского ракетно-ядерного Военно-морского флота СССР.

¹ *Коряковцев А.А., Ташлыков С.Л.* От флота прибрежного действия до океанского ракетно-ядерного: этапы строительства советского ВМФ (1945—1991 гг.) // *Военно-исторический журнал*. 2016. № 7. С. 3.

² *Васильев А.М., Морин А.Б.* Средний крейсер адмирала Н.Г. Кузнецова. СПб.: Гангут, 2013. С. 3.

³ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 марта 1946 г. СНК СССР был преобразован в Совет министров СССР.

⁴ *Васильев А.М., Логачев С.И., Майданов О.П. и др.* История отечественного судостроения в 5 т. Т. 5. Судостроение в послевоенный период (1946—1991 гг.). СПб.: Судостроение, 1996. С. 11.

⁵ К сожалению, в Российском Императорском флоте и в довоенном ВМФ СССР общие технические требования к проектированию кораблей так и не были разработаны, в то время как в США, Великобритании и Германии они существовали с начала XX в.

⁶ Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ — архив ВМФ г. Гатчина (Архив ВМФ г. Гатчина). Ф. 14. Оп. 47. Д. 227. Л. 61.

⁷ В настоящее время — Морской научный комитет (МНК).

⁸ *Коршунов Ю.Л.* Люди, корабли, оружие (к 70-летию 1-го ЦНИИ МО РФ). СПб.: НИЦ Моринтех, 2002. С. 55.

⁹ Конспективный отчёт о работе НТК НКВМФ за время Великой Отечественной войны (рукопись). С. 231.

¹⁰ Три (по числу батальонов полка) отдельно стоявших здания солдатских казарм в 1866—1867 гг. были объединены в одно здание.

¹¹ Архив Научно-исследовательского института кораблестроения и вооружения (НИИ КиВ) ВМФ. Доклад помощника начальника института инженер-капитана 1 ранга Бычкова (рукопись). 1950 г. Л. 4.

¹² Там же. Акт по приёму и сдаче хозяйства института № 1 ВМС. (Рукопись). 1950 г. Л. 6.

¹³ В 1946 г. Военно-морской флот переименован в Военно-морские силы СССР.

¹⁴ В дальнейшем по тексту автор использует аббревиатуру ЦНИИВК (кроме цитат).

¹⁵ Архив ВМФ г. Гатчина. Ф. 2. Оп. 028506. Д. 36. Л. 247, 249; С 1 сентября 2011 г. условное наименование «Войсковая часть

27177», ранее принадлежавшее 1 ЦНИИ МО РФ (филиалу) ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», аннулировано. Указание ГШ ВС РФ от 23 июля 2011 г. №314/10/2934.

¹⁶ Леонид Алексеевич Коршунов: к 100-летию со дня рождения: сборник статей. СПб.: НИЦ — Моринтех, 2004. С. 28.

¹⁷ Подобная концептуальная ошибка была допущена и в отечественном кораблестроении при создании авианесущих крейсеров проектов 1143—1143М, которые представляли собой своеобразный гибрид авианесущего, ракетного и противолодочного крейсеров. Повезло только четвёртому кораблю серии, который на Севмаше был перестроен в авианосец «Викрамадитья» для ВМС Индии.

¹⁸ *Коряковцев А.А., Ташлыков С.Л.* «В результате крупной... ошибки в послевоенной судостроительной программе у нас нет авианосцев»: на пути к созданию первого авианесущего корабля для советского ВМФ (1941—1969 гг.) // *Военно-исторический журнал*. 2024. № 7. С. 8.

¹⁹ Архив НИИ КиВ ВМФ. Акт по приёму и сдаче хозяйства института №1 ВМС. Л. 38.

²⁰ Архив ВМФ г. Гатчина. Ф. 14. Оп. 55. Д. 17. Л. 238.

²¹ Там же. Л. 253.

²² Крупные корабли ВМФ СССР, линкоры и крейсера активно участвовали в боевых действиях во время Великой Отечественной войны, но ни разу не вступали в артиллерийский бой с кораблями противника.

²³ Конспективный отчёт о работе НТК НК ВМФ за время Отечественной войны. (Рукопись). Л.: НТК НК ВМФ, 1945. С. 228.

²⁴ Архив НИИ КиВ ВМФ. Доклад о состоянии работ 2 отдела Института №1 ВМС в 1950 г. (Рукопись). С. 4.

²⁵ Там же. Доклад о состоянии дел проектного бюро Института № 1 ВМС в 1950 г. (Рукопись). С. 2.

²⁶ *Васильев А.М.* Линейные корабли типа «Советский Союз». СПб.: Галерея-Принт, 2006. С. 147.

²⁷ *Васильев А.В., Морин А.Б.* Суперлинкоры Сталина «Советский Союз», «Кронштадт», «Сталинград». М.: Коллекция; Яуза; Эксмо, 2008. С. 77.

²⁸ *Юмашев Иван Степанович* (1895—1972), адмирал (1943 г.), Герой Советского Союза (1945 г.). В 1947—1950 гг. главноко-

мандующий ВМФ — заместитель министра Вооружённых сил СССР. С 25 февраля 1950 по 20 июля 1951 г. — военно-морской министр СССР.

²⁹ *Горегляд Алексей Адамович* (1905—1986), генерал-лейтенант (1945 г.), Герой Социалистического Труда (1945 г.). В 1946—1950 гг. — министр судостроительной промышленности СССР.

³⁰ *Васильев А.В., Морин А.Б.* Суперлинкоры Сталина... С. 80.

³¹ На фактическое преодоление рубежа первоначального водоизмещения 23 тыс. т (до нескольких модернизаций) линкоров типа «Севастополь», вступивших в строй в 1914 г., Российской империи — СССР понадобилось 60 лет. Только в 1975 г. вступил в строй тяжёлый авианесущий крейсер «Киев» проекта 1143 водоизмещением 43 тыс. т.

³² *Коршунов Ю.Л.* Указ. соч. С. 106.

³³ *Коряковцев А.А., Ташлыков С.Л.* «Крутые повороты» в развитии отечественной морской стратегии // *Военно-исторический журнал*. 2020. № 7. С. 7.

³⁴ К идее надводной конструктивной защиты (локальной) вернулись только в 1970-е гг. при создании тяжёлых атомных ракетных крейсеров проектов 1144, 11442. Полноценную подводную конструктивную защиту получил только тяжёлый авианесущий крейсер проекта 11435 «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов». Актуальность надводной конструктивной защиты в современных условиях показала гибель ракетного крейсера проекта 1164 «Москва» 14 апреля 2022 г.

³⁵ Бывшая U-3035. Построена на верфи «Везер Актиеб. Гезельшафт» в Бремене. После раздела германского флота между союзниками 5 ноября 1945 г. зачислена в состав ВМФ СССР.

³⁶ «Шнорхель» (от нем. Schnorkel — завиток) — устройство для работы двигателя под водой (РДП). На перископной глубине через выдвижную шахту в ПЛ поступает воздух. РДП позволяет дизель-электрическим ПЛ производить зарядку батарей, пополнять запасы сжатого воздуха, вентилировать отсеки, не всплывая на поверхность.

³⁷ Советская военная мощь: от Сталина до Горбачёва / Руковод. авт. колл. А.В. Минаев. М.: Военный парад, 1999. С. 326.

V.B. Prasnikov

«THE INSTITUTE'S LABORATORY BASE IS THE SHIPS OF THE NAVY...»

Activities of the Central Research Institute of Military Shipbuilding during 1946—1955

Information about author. Vladislav Prasnikov — senior researcher, head of the group for the history of domestic shipbuilding and naval armaments at the Research Institute of Shipbuilding and Naval Armaments of the Naval Training Center «Naval Academy», Cand. Sc. (Hist.) (St. Petersburg. E-mail: vunc-vmf-3fil@mil.ru).

Summary. This paper examines the activities of the Central Scientific Research Institute of Naval Shipbuilding during the first post-war shipbuilding program (1946—1955). It presents facts that demonstrate the contribution of the staff of the Central Research Institute for Armament and Shipbuilding to the development of submarines and surface ships for the Soviet Navy after World War II. The ships of that period were built based on lessons learned from the war, but their development was still evolutionary. However, after 1955, a true revolution in shipbuilding occurred, leading to the creation of submarines with fundamentally new combat capabilities.

Keywords: World War II experience; captured ships; USSR Navy; Central Research Institute for Armament and Shipbuilding (TSNIIVK); Institute No. 1 of the Navy; Shipbuilding program; laboratory and experimental base; tactical and technical assignment; naval science; history of shipbuilding; Project 24 battleship; Project 82 heavy cruiser; aircraft carriers; K-3 submarine; J.V. Stalin; L.A. Korshunov.

«СВОЕВРЕМЕННЫЙ ВЫЗОВ АВИАЦИИ ОБЕСПЕЧИВАЕТСЯ ПО РАДИО, ЧЕРЕЗ СПЕЦИАЛЬНО ОРГАНИЗОВАННУЮ РАДИОСЕТЬ...»

Особенности системы оповещения и наведения на цель
советских истребителей в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

Сведения об авторе. Бескоровайный Максим Иванович — адъюнкт Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», майор (г. Воронеж. E-mail: bessogosu@yandex.ru).

Аннотация. Грамотное построение системы боевого управления войсками является залогом успешного выполнения боевых задач и достижения целей военных операций. В статье рассматриваются особенности организации и функционирования системы наведения советских истребителей на самолёты противника в годы Великой Отечественной войны. Целью исследования является получение целостной картины о развитии, особенностях и проблемных вопросах функционирования данной системы. Рассмотрены деятельность органов военного управления по регламентации работы системы оповещения и наведения, основные руководящие документы, определены факторы, оказавшие влияние на её становление и развитие.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941—1945 гг.; противовоздушная оборона; истребительная авиация; оповещение истребителей; наведение истребителей; радиосеть наведения; авианаводчик; радиостанция наведения; А.А. Новиков; С.И. Руденко; А.И. Покрышкин.

В первый период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 — 18 ноября 1942 г.), как и в довоенные годы, система оповещения и наведения истребителей РККА на самолёты противника опиралась на сеть постов воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС). В условиях отсутствия достаточного количества радиостанций, в первую очередь на борту истребителей, управление и наведение их в воздухе осуществлялись при помощи размещавшихся на земле полотнищ в виде стрел (их называли стрелами наведения, стрелами целеуказания или целеуказательными стрелами), снарядов, трассирующих пуль, прожекторов, фар и т.д. Стрелы наведения изготавливались из полотна белого, красного или синего цвета в зависимости от времени года (белые — для бесснежного периода, красные или синие — при наличии снежного покрова). Их размеры составляли около 20 м в длину, 4 м в ширину с размерами «усов» стрелы 4 на 3 м. Дополнительно предписыва-

лось иметь полотно размером 6 на 3 м и 40 фонарей типа «летучая мышь» либо стрелу наведения с электрическими лампочками для целеуказания в тёмное время суток¹.

В различных источниках встречаются два основных варианта целеуказания истребителям с помощью стрел наведения. В первом они указывали направление на самолёты противника, во втором — обозначали курс их полёта.

Днём сигналы наведения и целеуказания выкладывались с помощью стрел, в виде заранее установленных знаков. Например, стрела без дополнительного полотнища указывала направление на самолёты противника, летевшие на одной высоте с истребителями РККА, а стрела с размещённым позади неё прямоугольным полотнищем означала направление на самолёты противника, летевшие ниже шедших на их перехват истребителей. Данные сигналы устанавливались инструкциями постам ВНОС, указаниями по

наведению и иными руководящими документами.

В тёмное время суток сигналы наведения могли передаваться короткими сериями вспышек (в серии 4—5 вспышек по 4—5 сек каждая с интервалами 2—3 сек между ними) для привлечения внимания экипажей в воздухе².

Применение стрел наведения в сложных метеорологических условиях и условиях плохой видимости с воздуха (например, задымления) затрудняло или практически исключало успешное наведение своих истребителей с земли.

Немецкое командование учитывало особенности советской системы оповещения и наведения и применяло различные способы противодействия. Противник строил маршруты полёта так, чтобы ввести в заблуждение наблюдателей, например, значительно изменяя курс и (или) высоту после выхода из зоны видимости поста наблюдения, экипажи меняли режимы работы силовых установок самолётов для затруднения их звукового

обнаружения и некоторые другие приёмы.

Командование РККА понимало, что эффективное наведение истребителей без использования радиосвязи невозможно. Уже в апреле 1942 года «Указания по использованию радио, стрел целеуказания и световых сигналов при наведении ИА на противника в системе ПВО территории страны» определяли стрелы наведения и световые сигналы как вспомогательные, использовавшиеся только в сочетании с радио³. Однако с началом Великой Отечественной войны процесс оснащения истребителей РККА радиосвязью только начался⁴ и к концу 1942 года ещё не достиг достаточного уровня. Из отчёта начальника штаба 203-й истребительной авиационной дивизии (иад) в адрес начальника штаба 1-й Воздушной армии (ВА) следует, что в период с 15 ноября по 1 декабря 1942 года 20-й истребительный авиационный полк (иап), 272 и 516 иап, находившиеся в составе дивизии и укомплектованные в тот период самолётами типа ЛаГГ-3, Як-1, МиГ-3, «Томохок» и «Киттихок»⁵, из 222 боевых вылетов произвели только 45 с использованием радиоаппаратуры⁶, т.е. немногим более 20 проц.

Анализируя графики выпуска истребителей Як-1, Як-3, Як-7 и Як-9, составленные на основе справочника А.Т. Степанца⁷, можно отметить, что кривые производства Як-7 и Як-9 схожи по тенденциям изменений с кривыми эффективности действий истребительной авиации. Из 1333 выпущенных истребителей Як-1 только 30 проц. были оборудованы радиоаппаратурой⁸, в то время как с началом выпуска истребителей типа Як-3, Як-7 и Як-9 процент оборудования их радиоаппаратурой приближался к 100 проц. Стабильный рост эффективности выполнения перехватов по времени совпадает с ростом числа полностью радиофицированных истребителей и начинается с 1943 года, т.е. во втором периоде Великой

Отечественной войны (19 ноября 1942 — конец 1943 г.). Таким образом, можно заключить, что на эффективность действий истребителей повлияло не только улучшение тактико-технических характеристик истребителей, позволявших вести успешные манёвренные ближние бои, но и степень оснащения их радиоаппаратурой, что повышало вероятность встречи с противником и улучшало взаимодействие в составе группы.

Повсеместное применение радиостанций в системе оповещения и наведения истребителей сдерживалось не только ограниченным количеством производившихся и устанавливавшихся на истребителях радиостанций, но и их качеством. Например, одним из недостатков первых вариантов самолётной радиостанции РСИ было отсутствие фиксируемых частот. Станция настраивалась поворотной ручкой-барашком, и во время полёта вследствие вибрации настройка радиосвязи сбивалась⁹.

Объективные недостатки самолётных радиостанций формировали негативное отношение и недоверие к аппаратуре среди лётного состава. Некоторые экипажи на время полёта отключали радиостанции или давали распоряжение техникам их демонтировать с самолёта под предлогом снижения массы истребителя в целях улучшения его манёвренных характеристик.

Одним из способов стимулирования лётчиков к использованию радиосвязи было введение званий мастера радиосвязи 1-го и 2-го классов, за которые устанавливались денежные надбавки¹⁰.

Положительные отзывы о самолётных радиостанциях от лётчиков в основном звучали в адрес зарубежного оборудования. Так, на ленд-лизовских «харрикейнах» стояли многоканальные УКВ-радиостанции SCR-522, на Кертисс Р-40 «томохоках» и Bell Р-39 «аэрокобрах» была установлена мощная КВ-радиостанция SCR-274N с ларингофоном. Серьёзным преимуществом самолётной радиостанции «Аэрокобры»

была возможность настройки одного передатчика для межсамолётной связи, а другого — для связи с землёй¹¹. Однако и они не были лишены недостатков. Микрофон радиостанции «Харрикейна» был расположен в кислородной маске, которая была громоздкой и тяжёлой, неудобной в манёвренном бою. Вести радиообмен можно было в двух режимах: автоматическом (передатчик включался с началом разговора и прекращался с окончанием) и ручном (передача осуществлялась посредством нажатия кнопки). Впоследствии в некоторых авиационных частях автоматическую функцию заблокировали, т.к. в боевой обстановке лётчики нередко вслух выражали свои мысли и эмоции, тем самым занимая радиоэфир¹². Из-за разных рабочих частот радиостанций в смешанных истребительных авиационных полках на некоторых самолётах приходилось устанавливать оба их варианта: КВ и УКВ¹³.

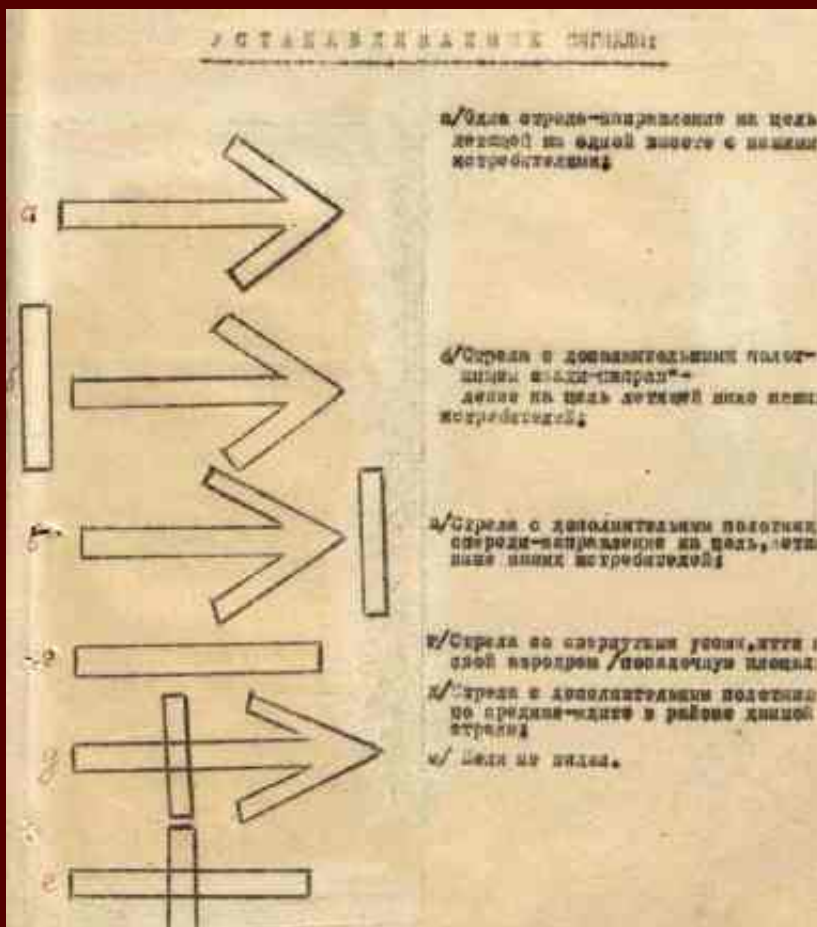
Первый пункт «Инструкции по управлению, оповещению и наведению по радио», утверждённой командующим ВВС КА генерал-лейтенантом авиации А.А. Новиковым и членом военного совета ВВС КА дивизионным комиссаром С.И. Руденко в сентябре 1942 года, гласил: «Как показал опыт войны, своевременный вызов истребительной авиации на поле боя для отражения налётов авиации противника на боевые порядки наших войск, подходящие резервы, аэродромы, тылы и специальные объекты и для её уничтожения обеспечивается только наиболее совершенным средством — по радио, через специально организованную радиосеть оповещения и наведения»¹⁴.

С началом активного оснащения советских истребителей приёмопередающей радиоаппаратурой в 1943 году основой эффективного наведения на самолёты противника стала радиосеть оповещения и наведения. Отдельные радиосети организовывались на каждом из операционных направлений фронта¹⁵.

Боевой расчёт поста ВНОС подаёт условный знак «Самолёты противника в указанном направлении выше вас» своим истребителям при помощи стрелы наведения
1941—1942 гг.

Государственный музей обороны Москвы

Сигналы стрел наведения из Инструкции по оповещению, целеуказанию и наведению истребителей РККА на цель постами ВНОС, зенитной артиллерией, зенитными прожекторами и пограничными частями НКВД
ЦАМО РФ. Ф. 20078. Оп. 1. Д. 3. Л. 85.

Радиосеть системы оповещения и наведения включала: радиостанции аэродромов, командных пунктов (КП) воздушных армий, авиационных дивизий и полков, радиостанции прикрывавшихся объектов, радиостанции, находившиеся на линии фронта, и радиостанции истребителей¹⁶. Станции наведения вблизи линии боевого соприкосновения располагались, как правило, на возвышенных, хорошо замаскированных местах, позволявших максимально обозревать поле боя¹⁷. Работа сети оповещения и наведения осуществлялась по единой кодированной сетке ПВО, секторам или системе ориентиров с использованием карт масштаба 1 : 1 000 000, 1 : 500 000, 1 : 200 000¹⁸. Картами снабжались экипажи самолётов, штабы, командные пункты и командные станции наведения¹⁹.

Радиостанции наведения на КП аэродромов, воздушных армий, авиационных дивизий и полков устанавливались силами ВВС фронта и авиационных частей.

Радиостанции наведения и целеуказания на линии фронта выделялись из состава общевойсковых радиосетей по решению начальника связи фронта. Они располагались на расстоянии 8—10 км друг от друга и на 2—6 км от переднего края в зависимости от особенностей местности по прямой или ломаной линии. В каждом случае расположение радиостанций наведения должно было обеспечивать наилучшее визуальное наблюдение за воздухом. Если на установленных удалениях не обеспечивалась устойчивая двусторонняя связь главной радиостанции наведения с радиостанциями наведения на линии фронта, между ними устанавливались промежуточные радиостанции (таковыми в том числе могли служить и радиостанции на аэродромах). Промежуточные радиостанции не только ретранслировали команды, но и являлись радиостанциями наведения в зоне своей видимости²⁰. В соответствии с инструкциями для промежуточных радиостанций

они осуществляли ретрансляцию команд оповещения, управления и наведения при отсутствии ответа (квитанции) на донесение от главной радиостанции наведения в адрес радиостанций наведения на линии фронта и наоборот. Доклад ретрансляции выглядел следующим образом: «Днепр, я Орех, Сова докладывает, что в квадрате № 2345 10 Ю-88 атакуют боевые порядки наших войск, я Орех, приём». Обо всех получаемых ответах (квитанциях) промежуточная радиостанция наведения докладывала ретранслируемым радиостанциям наведения. Все продублированные промежуточной радиостанцией донесения фиксировались в специальном журнале²¹.

Каждой радиостанции сети наведения на линии фронта присваивался порядковый номер (индекс), который указывался после позывного, например: «Стрела-1», «Стрела-2». Месторасположение, позывные радиостанций и их индексы лётный состав обязан был знать наизусть²². В целях недопущения вмешательства радиостанций противника в работу сети наведения на каждый день устанавливалось кодовое слово (пароль), которое использовалось для подтверждения работы своей радиостанции при вызове своей авиации, наведении и перенацеливании²³.

Командные радиостанции наделениялись правом как выдачи информации, так и подачи исполнительных команд экипажам в воздухе. К ним относились радиостанции командующего воздушной армией, командиров авиационных дивизий и полков (по отношению к подчинённым им соединениям, частям и экипажам), а также специально определённые командованием радиостанции наведения с опытными авиационными командирами не ниже командира эскадрильи. Командующие воздушными армиями, а также командиры авиационных соединений и частей имели право пользоваться позывным своей командной радиостанции, находясь на любой из радиостанций сети наведения.

А.А. Новиков

Командные радиостанции наведения осуществляли управление, наведение и перенацеливание посредством специально разработанной и периодически обновлявшейся в целях обеспечения скрытного управления войсками системы сигналов (таблицы наведения). Основными функциями командной радиостанции наведения являлись:

- 1) приём команд и сигналов с вышестоящего КП;
- 2) донесение на вышестоящий КП о приёме и выполнении сигналов;
- 3) непрерывная поддержка связи с истребителями, находившимися в готовности № 1 на аэродромах, и подача команд на вылет;
- 4) информирование о воздушном противнике ведущего группы и наведение его на цель;
- 5) передача команд управления боем своим истребителям, находившимся в воздухе;
- 6) перенацеливание своих истребителей;
- 7) выдача команд на посадку своим истребителям;
- 8) контроль выдачи команд управления и наведения при управлении через ретранслирующие информирующие радиостанции²⁴.

В качестве командных станций наведения также могли выступать радиостанции сухопутных войск. Так, по рассказу прославленного лётчика-аса А.И. Покрышкина, в период исполнения им обязанностей командира авиационного соединения маршал бронетанковых войск П.С. Рыбалко²⁵ предоставил ему свою радиостанцию, установленную на командирском танке, для наведения истребительной авиации. Смотровая щель танка не обеспечивала полноценный обзор воздушного пространства, а короткий шнур микрофона не позволял вести радиообмен за пределами боевой машины. В этой непростой ситуации Александр Иванович быстро нашёл решение. Наблюдая за воздушным пространством за пределами танка, он передавал команды через механика-водителя, который, находясь в танке, дословно повторял команды управления и наведения истребителям в радиоэфир²⁶.

Информирующие радиостанции предназначались для информирования экипажей о воздушной обстановке и не имели права подавать команды²⁷. Они располагались в местах, обеспечивавших наилучший обзор воздушного пространства с земли. Позывные и местоположение каждой информирующей радиостанции доводились до ведущих групп истребителей. В обязанности боевого расчёта информирующей радиостанции наведения вменялось:

- 1) информировать экипажи о положении, количестве и типе самолётов противника вблизи своих истребителей;
- 2) информировать экипажи о месте, высоте, количестве, типе и курсе самолётов противника, находившихся вне поля зрения своих истребителей²⁸.

Информирование о воздушном противнике всеми радиостанциями осуществлялось на единой волне наведения (волне истребителей) по установленной форме: позывной радиостанции, курс полёта противника, количественный состав, тип, высота и время. Например: «Я «Оникс-2»,

курс 80, один Ю-88, высота 3500, 10.00». Устанавливалась культура ведения радиообмена. Так, перед выдачей команды в эфир необходимо было убедиться, что никто не ведёт передачу с другой радиостанции наведения или радиостанции истребителя²⁹. Между собой наземные радиостанции осуществляли обмен информацией по проводной связи (телеграфом или телефоном) либо, в исключительных случаях, по радиосвязи³⁰. Смена волн и позывных в сети наведения, как правило, происходила каждые пять суток в 24.00. Переход на запасную волну осуществлялся по заранее установленному сигналу от главной радиостанции³¹.

На информирующую радиостанцию распоряжением командира авиационной части выделялся авиационный наводчик (АН), осуществлявший свою работу в соответствии с утверждённой инструкцией. Основной его задачей определялось информирование экипажей о воздушной обстановке. Давать команды экипажам он права не имел. При появлении в зоне визуальной видимости самолётов противника АН докладывал на волне наведения их тип, количество, приблизительную высоту и направление (курс) полёта. При одновременном появлении своих истребителей и самолётов противника АН информировал свои экипажи открытым текстом по радио на волне наведения о взаимном положении самолётов. Например: «Со стороны солнца, выше 500 метров, два Ю-88»³².

Кроме того, радиостанции сети наведения могли использоваться для наземного целеуказания штурмовикам по карте целеуказания на волне наведения истребителей³³. Для наведения на наземные цели в районе прикрывавшегося объекта использовались карты масштаба 1 : 100 000, разбитые на квадраты, пронумерованные двузначными числами по вертикали и трёхзначными по горизонтали. Каждый квадрат карты делился на девять меньших квадратов по спирали (в настоящее время бо-

лее распространено понятие «поулитке») по часовой стрелке — от левого верхнего угла (цифра «1») до центрального квадрата (цифра «9»). Картам присваивались условные названия, например «Карта наведения и перехвата «Кремень»», которые передавались в эфир в начале команды³⁴.

Экипажи самолётов, имевших на борту приёмо-передающую радиостанцию, после взлёта устанавливали и проверяли связь с радиостанцией наведения аэродрома вылета, а имевшие только приёмную радиостанцию проверяли её работу. Экипаж, определивший, что радиостанция наведения обращается к нему с указанием ошибочного позывного, немедленно сообщал ей свой корректный позывной. Это позволяло повысить качество управления в сложной воздушной обстановке. Если радиостанция наведения не имела данных о позывных истребителей, действовавших в её районе, в исключительных случаях ей разрешалось передавать информацию, обращаясь к экипажам по типам самолётов³⁵. На все команды, распоряжения и информацию, полученные от радиостанций сети наведения, лётчики немедленно отвечали словом «понял». Экипажи, имевшие на борту только приёмники, подтверждали принятую команду установленной эволюцией самолёта (например, покачиванием)³⁶.

Лётному составу вменялось в обязанность знать наизусть позывные своих аэродромных станций наведения, главной радиостанции наведения, радиостанций наведения на линии фронта и их местоположение. Позывные других радиостанций в виде таблицы размещались на приборной доске истребителя. В случае вынужденной посадки на территории противника они, как и карты, подлежали немедленному уничтожению³⁷.

В ходе войны в системе наведения истребителей периодически выявлялись проблемные вопросы. 3 июня 1944 года, уже в третий период Великой Отече-

ственной войны (январь 1944 — май 1945 г.), в своей директиве № 802250с командующий ВВС РККА главный маршал авиации А.А. Новиков приказывал устранить недочёты в действиях ВВС по 16 пунктам. Причины недостатков он обуславливал в том числе ощущением полного превосходства над противником, повлекшим расслабленность авиационных командиров. Среди серьёзных и наиболее распространённых недочётов системы оповещения и наведения ИА воздушных армий приводились факты возвращения к старым, менее совершенным средствам связи (имелась в виду телефонная и телеграфная связь) вместо широкого применения радиостанций. Развёрнутая сеть оповещения и наведения использовалась неэффективно, не были отработаны вопросы перемещения радиостанций совместно или следом за наступавшими войсками. Также указывалось, что командиры соединений снова перешли к практике удалённого управления авиацией с аэродромов и КП штабов, находившихся в 50 и более километрах от линии фронта. Снизилась требовательность командующих воздушными армиями к организации управления и наведения авиации по радио, должностные лица штабов лично управляли едва ли не каждым боевым вылетом групп истребителей вместо того, чтобы делегировать эти функции командирам соединений и частей, тем самым превращая их в своего рода «передатчиков» команд и приказов, что вело к снижению их заинтересованности, инициативности и личной ответственности. А.А. Новиков требовал от командующих воздушными армиями в срок до 20 июня 1944 года пересмотреть организацию управления ИА на земле и в воздухе, продолжать широко применять радиосредства (радиостанции и РЛС) в системе наведения, обеспечить командиров соединений необходимой материальной частью, в первую очередь ра-

диосредствами обнаружения, оповещения и управления. Также командующий потребовал в период оперативных пауз между войсковыми операциями проводить тренировки по управлению авиацией по радио с одновременным отключением на время тренировки всех проводных средств связи³⁸.

Требования по устранению недочётов были исполнены в кратчайшие сроки. Так, в инструкции по наведению истребителей 862 иап на самолёты противника от 7 августа 1944 года было указано, что организацией наведения истребителей должен руководить командир полка, наведение необходимо осуществлять с использованием радиосвязи и РЛС «Пегматит», работой которой обязан был руководить штурман полка. Таким образом, была определена личная ответственность руководящих должностных лиц ИАП, конкретизированы требования по применению радиосредств при осуществлении наведения³⁹.

С развитием советской радиолокационной техники и повсеместным оснащением войск РЛС повысились возможности по наведению истребителей на

самолёты противника за пределами зоны визуальной видимости. В этом случае наведение осуществлялось при помощи радио по данным наземного радиолокатора. Информация с экрана РЛС переносилась на планшет-карту наведения, после чего авиационный командир на станции наведения передавал команды своим истребителям до момента слияния их отметок с отметками самолётов противника на экране РЛС⁴⁰. Применение РЛС началось уже в первые годы войны, однако в тот период в основном они были задействованы в интересах Московской зоны ПВО. Масштабное же использование РЛС в системе оповещения и наведения началось с 1943 года.

Исходя из тактико-технических характеристик применявшихся в то время РЛС, можно определить, что даже при размещении станции на расстоянии в 30 км от линии фронта зона обнаружения авиации противника увеличивалась до 80 км вглубь его территории. Это позволяло обнаруживать вражескую авиацию на 10–20 мин раньше по сравнению с информацией от постов визуального наблюде-

ния, а также повысить уровень ситуационной осведомлённости органов управления.

Одним из слабых мест радиолокационной техники в период войны было ограниченное время её непрерывной работы. Оно составляло не более 3 ч, после чего РЛС необходимо было отключать на 20–30 мин в тёплое время года или на 15–20 мин в холодное для охлаждения компонентов станции, в первую очередь в целях сбережения «чрезвычайно дефицитных и дорогостоящих ламп генератора УКВ»⁴¹. В зависимости от обстановки допускалась работа станции по 30 мин с перерывами 5–7 мин. Эти особенности не позволяли непрерывно получать информацию о воздушной обстановке. РЛС в основном включались по команде с вышестоящего КП при получении информации о налёте авиации противника от постов визуального наблюдения или сухопутных войск на линии фронта.

В период проведения Берлинской операции с 16 апреля по 2 мая 1945 года система обнаружения воздушного противника и наведения на него истребителей 16 ВА состояла из одного

Карта наведения истребителей 7-й Воздушной армии РККА

Февраль 1943 г.

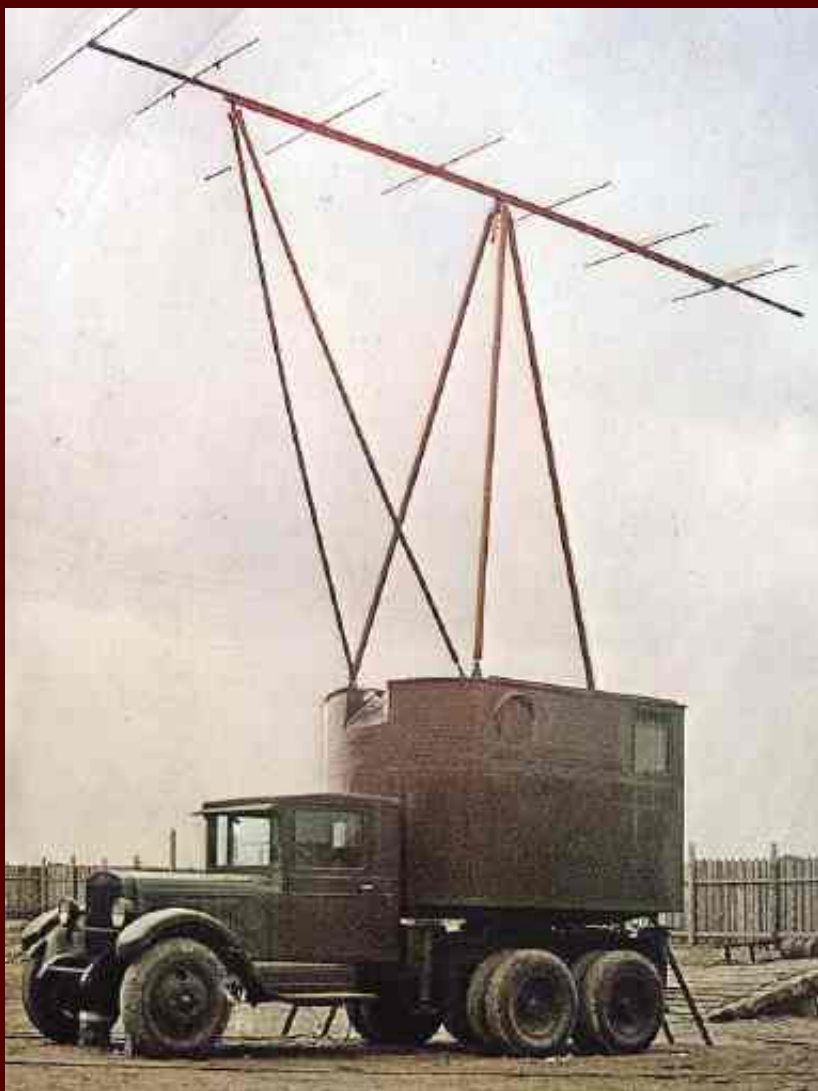
ЦАМО РФ. Ф. 1564. Оп. 1. Д. 18. Л. 31.

Дважды Герой Советского Союза А.И. Покрышкин на станции наведения

Фото Г.М. Хомзора (Хомутова)

Государственный центральный музей современной истории России

Передающая машина станции РУС-2 «Редут»

армейского и двух корпусных узлов наведения. Армейскому узлу были выделены три РЛС: по одной СЦР-527А (SCR-527А), «Редут» и «П-2М». Общая численность боевых расчётов составляла 44 человека (20 человек на СЦР-527А, 9 на «Редуте» и 15 на «П-2М»)⁴².

Руководящие документы по регламентации наведения истребительной авиации, вводившиеся в действие с начала 1943 года, в обязательном порядке содержали пункты или целые разделы (главы) по наведению истребителей с использованием радио и РЛС.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что система оповещения и наведения истребительной авиации РККА в 1941—1942 гг. была выстроена на базе сети постов ВНОС, опиравшихся в основном на данные визуального и звукового обнаружения самолётов противника. Команды наведения и целеуказания передавались экипажам при помощи конструкций, располагавшихся на земле и ориентированных по направлению полёта вражеской авиации. В тот период система была особенно подвержена влиянию метеорологических условий и факторов, ограничивавших визуальную видимость. Скорость обмена информацией между элементами системы наведения ввиду ограниченного количества радиосредств вынуждала командование применять регулярное патрулирование истребителей в воздухе, приводившее к увеличению боевого напряжения авиации, расхода топлива и износа авиационной техники.

С увеличением количества истребителей, оснащённых радиостанциями, система оповещения и наведения к началу 1943 года вышла на новый качественный уровень. Повысилась точность наведения, уменьшилось время прохождения команд и информации между боевыми расчётами и экипажами, а также было снижено влияние метеорологических условий на передачу команд на-

ведения и целеуказания. Конец 1943 года ознаменовался ростом количества РЛС в составе ВВС РККА⁴³, система оповещения и наведения совершенствовалась. Наведение истребителей с земли стало возможным за пределами зоны визуальной

видимости. Сократилось время обнаружения воздушного противника, увеличилась точность определения местоположения своих истребителей и самолётов противника, снизилось влияние метеорологических условий, а получение инфор-

мации о воздушной обстановке приобрело практически непрерывный характер. Это позволило отказаться от практики постоянного патрулирования истребителей в воздухе, перейдя к более рациональному способу дежурства на аэродромах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 20078. Оп. 1. Д. 3. Л. 83.

² Указания по использованию радио, стрел целеуказания и световых сигналов при наведении ИА на противника в системе ПВО территории страны. 30 апреля 1942 г. // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 7. М.: Воениздат, 1948. С. 101.

³ Там же. С. 97.

⁴ Великая Отечественная война 1941—1945 годов в 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М.: Кучково поле, 2013. С. 455.

⁵ Анохин В.А., Быков М.Ю. Все истребительные авиаполки Сталина. Первая полная энциклопедия. М.: Яуза-пресс, 2014. С. 59, 60, 256, 257, 520, 521.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 20056. Оп. 1. Д. 8. Л. 315.

⁷ Степанец А.Т. Истребители Як периода Великой Отечественной войны: справочник. М.: Машиностроение, 1992. С. 32, 60, 98, 146.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ Дробкин А.В. Мы дрались на истребителях. М.: Эксмо; Яуза, 2014. С. 357.

¹⁰ Там же. С. 282.

¹¹ Там же. С. 647.

¹² Там же. С. 186.

¹³ Там же. С. 201.

¹⁴ Инструкция штаба Военно-воздушных сил Красной армии от 22 сентября 1942 г. по управлению, оповещению и наведению по радио // Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг.: сборник документов. № 1 (22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г.). М.: Воениздат, 1957. С. 81.

¹⁵ Инструкция по управлению, наведению и оповещению авиации по радио. г. Москва, 14 апреля 1943 г. // Там же.

№ 3 (ноябрь 1942 г. — декабрь 1943 г.). М.: Воениздат, 1959. С. 130.

¹⁶ Инструкция штаба Военно-воздушных сил Красной армии от 22 сентября 1942 г. ... С. 74.

¹⁷ Покрышкин А.И. Небо войны. 6-е изд. М.: Воениздат, 1980. С. 356.

¹⁸ Инструкция по управлению, наведению и оповещению авиации по радио... С. 129.

¹⁹ Инструкция штаба Военно-воздушных сил Красной армии от 22 сентября 1942 г. ... С. 82.

²⁰ Там же. С. 84.

²¹ Там же. С. 87.

²² Инструкция по управлению, наведению и оповещению авиации по радио. С. 127—135.

²³ Там же. С. 130.

²⁴ Инструкция штаба 16-й воздушной армии от 15 сентября 1942 г. по наведению истребительной авиации на самолёты противника // Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг.: сборник документов. № 1. С. 75.

²⁵ Рыбалко Павел Семёнович (23 октября 1894 — 28 августа 1948) — советский военачальник, маршал бронетанковых войск. Участник Первой мировой, Гражданской, Советско-польской и Великой Отечественной войн. Дважды Герой Советского Союза. Командующий танковыми и общевойсковой армиями в Великой Отечественной войне, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Советской армии.

²⁶ Покрышкин А.И. Указ. соч. С. 410.

²⁷ Инструкция штаба 16-й воздушной армии от 15 сентября 1942 г. ... С. 84.

²⁸ Там же. С. 76.

²⁹ Инструкция по обнаружению самолётов противника, оповещению ИА и наведению истребителей на самолёты противника. 29 мая 1944 г. // Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 7. С. 68.

³⁰ Инструкция по управлению, наведению и оповещению авиации по радио... С. 130.

³¹ Инструкция штаба Военно-воздушных сил Красной Армии от 22 сентября 1942 г. ... С. 90.

³² Там же. С. 86.

³³ Там же. С. 85.

³⁴ Там же. С. 82.

³⁵ Там же. С. 86.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 83.

³⁸ Страна в огне в 3 т. Т. 3. Освобождение. 1944—1945 в 2 кн. Кн. 2. Документы и материалы. М.: Абрис, 2017. С. 25—30.

³⁹ ЦАМО РФ. Ф. 733 ЗенАП. Оп. 85597с. Д. 4. Л. 58.

⁴⁰ Инструкция по обнаружению самолётов противника, оповещению ИА и наведению истребителей на самолёты противника. 29 мая 1944 г. ... С. 71.

⁴¹ ЦАМО РФ. Ф. 311. Оп. 4495. Д. 114. Л. 126.

⁴² Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг.: сборник документов. № 5 (январь 1944 г. — май 1945 г.). М.: Воениздат, 1960. С. 62—67.

⁴³ Бескоровайный М.И. «Появление станций «РУС» на фронте явилось неожиданностью». Организация наведения советских истребителей с использованием радиолокационных станций в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 2025. № 6. С. 16.

M.I. Beskorovaynyi

«THE TIMELY CALL-UP OF AIRCRAFT IS ENSURED BY RADIO, THROUGH A SPECIALLY ORGANIZED RADIO NETWORK...»

The warning and targeting system features of Soviet fighters during the Great Patriotic War (1941—1945)

Information about author. Maksim Beskorovaynyi — postgraduate at the Military Educational and Scientific Center of the Air Force «Air Force Academy named after Professor N.Ye. Zhukovskiy and Yu.A. Gagarin», major (city of Voronezh. E-mail: bessogosu@yandex.ru).

Summary. A well-designed combat command-and-control system is essential for successfully completing combat missions and achieving the goals of military operations. This paper examines the organization and operation of the Soviet fighter targeting system during the Great Patriotic War. The aim of this research is to gain a thorough understanding of the development, characteristics, and operational difficulties of this system. We examine the activities of military commanders in managing the operation of the warning and guidance system, as well as the key regulatory documents and factors that have shaped its development.

Keywords: The Great Patriotic War of 1941—1945; air defense; fighter aviation; fighter guidance; fighter warning; radio guidance network; air controller; radio guidance station; A.A. Novikov; S.I. Rudenko; A.I. Pokryshkin.

«МЕДИКИ РАБОТАЛИ В НЕВЕРОЯТНЫХ, ПОРОЙ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИ ТРУДНЫХ УСЛОВИЯХ...»

Особенности медицинского обеспечения в войсках Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны

Сведения об авторе. Насонов Константин Александрович — доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военного университета имени князя Александра Невского МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: 3275500@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена исследованию деятельности органов военного управления по медицинскому обеспечению военнослужащих Ленинградского фронта, а также отдельных аспектов работы военных медиков на других фронтах Великой Отечественной войны. На основе анализа научной литературы, нормативно-правовых актов того времени, а также широкого охвата документов Центрального архива МО РФ, ряд которых введён в научный оборот впервые, раскрываются особенности этой работы в контексте крупномасштабных военных действий. В представленном материале отражены основные проблемы медицинского обеспечения военнослужащих рассматриваемого исторического периода: от подготовки специалистов и развёртывания госпиталей до погребения погибших, витаминизации пищи и поддержания санитарного состояния войск. Особое внимание уделяется анализу деятельности должностных лиц военного ведомства по поиску вариантов разрешения существовавших проблем. Принятые меры способствовали сохранению жизни и здоровья военнослужащих, позволили не допустить распространения опасных инфекционных заболеваний, что обеспечило снижение санитарных потерь советских войск и стало одним из ключевых факторов в достижении победы над фашистской Германией.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; блокада Ленинграда; Северный фронт; Ленинградский фронт; медицинское обеспечение; подготовка медперсонала; санитарные потери; дома отдыха; раненые; эвакуация раненых; погибшие; госпитали-санатории; обморожения; выявление членовредительства; опознание и захоронение погибших; витаминизация продуктов; витамин С; питьевые дрожжи; хвойный настой; сдерживание распространения инфекций; завшивленность; санитарные нормы и личная гигиена военнослужащих; медицинские трофеи; протезирование раненых; Е.И. Смирнов.

Первый период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. был наиболее сложным для всей системы медицинского обеспечения военнослужащих Красной армии. Вторжение противника в приграничные районы СССР затруднило и во многом нарушило организованное развёртывание медицинской службы советских войск. Например, 30 июня 1941 года начальник военно-санитарного управления Западного фронта М.М. Гурвич докладывал начальнику Санитарного управления Красной армии Е.И. Смирнову: «...В процессе боевых действий все санитарные учреждения, дислоцированные на территории западной и частично восточной Белоруссии, не развернулись. В результате фронт лишился 32 хирургических и 12 инфекционных госпиталей, эвакогоспиталей на 17 тыс. коек и 35 дру-

гих санитарных частей и учреждений...»¹. Аналогичное положение складывалось и на других фронтах.

Несколько иная картина вырисовывалась на Северном фронте. В период развёртывания воинских частей и фронтовых военно-медицинских учреждений, предусмотренных мобилизационными планами, их комплектование осуществлялось за счёт кадровых специалистов, а также приписного личного состава. Например, до конца июня 1941 года медицинская служба медсанбатов была полностью укомплектована, но армейские санитарные учреждения имели некомплект врачебного состава до 50 проц. Медицинский персонал Северного фронта в большинстве своём имел опыт работы в условиях Советско-финляндской войны 1939—1940 гг., что позволяло назначать

таких военнослужащих на самые ответственные должности². Кроме того, благодаря опыту медицинского обеспечения боевых действий в районе озера Хасан в 1938 году и у реки Халхин-Гол в 1939 году

были сделаны практические выводы и приняты меры по дальнейшему совершенствованию медицинского обеспечения войск Красной армии накануне и в годы Великой Отечественной войны³.

Начавшаяся война с первых её дней в сравнении с прошлыми военными конфликтами отличалась не только манёвренностью боевых действий, но и высокими санитарными потерями (табл. 1). За первые 40 дней санитарные потери войск достигли 223 489 человек. В течение 26 дней августа они увеличились ещё на 352 418 человек. Среднемесячные санитарные потери войск в течение первого полугодия войны, в основном ранеными, составляли 312 тыс. человек⁴.

В сложившихся условиях одной из важнейших задач медицинских органов стало обеспечение формирования медицинских частей и учреждений личным составом. Для этого помимо призыва на военную службу приписного состава, находившегося в запасе, были произведены досрочные выпуски двух последних курсов военно-медицинских академий.

По состоянию на 1941 год подготовка специалистов с высшим медицинским образованием в СССР осуществлялась в 74 мединститутах,

в которых обучались 115 тыс. студентов. В Советском Союзе к началу войны насчитывалось 141 700 врачей, что в 27 раз превышало этот показатель перед Первой мировой войной⁵. На июнь 1941 года в армии и флоте насчитывалось 12 418 кадровых военных врачей, которых было явно недостаточно. Для полноценного медицинского обеспечения военнослужащих Красной армии за период Великой Отечественной войны дополнительно из запаса были призваны ещё 80 тыс. врачей⁶.

В октябре 1941 года была организована подготовка младших военфельдшеров в 5 школах с 7-месячным сроком обучения. В округах и на фронтах были созданы школы санитарных инструкторов, а также курсы, где проходили краткосрочную подготовку врачи запаса и средний медицинский состав. Благодаря принятым мерам уже через год после начала войны укомплектованность медицинской службы Красной армии составляла (проц.): врачами — 91, фельдшерами — 98, операционными сёстрами — 89,

санитарными инструкторами — 92, фармацевтами — 90. Однако укомплектованность медучреждений узкими специалистами была ниже (проц.): хирургами — 50, токсикологами — 58, эпидемиологами — 84⁷.

Одной из особенностей медицинского обеспечения военнослужащих Ленинградского фронта с сентября 1941 года являлось фактическое отсутствие эвакуации раненых в глубокий тыл. Кроме того, появилась дополнительная категория больных — истощённые, которая гораздо реже встречалась на других фронтах Великой Отечественной войны⁸. Истощение было характерно не только для военнослужащих стрелковых частей и соединений Ленинградского фронта, больных и раненых, находившихся на излечении в госпиталях, но и для личного состава тех видов Вооружённых сил, который получал повышенные нормы продовольственного пайка. Например, в частях ВВС за время Великой Отечественной войны количество страдавших алиментарными истощениями, в т.ч. дистрофи-

Таблица 1

Санитарные потери фронтов за период с 22 июня по 31 июля 1941 года

Наименование фронта	Количество			Всего
	раненых	обожжённых	больных	
Северный	20 471	3575	51	24 097
Северо-Западный	22 417	2237	10	24 664
Западный	102 019	3271	173	105 463
Резервный	228	438	1	667
Юго-Западный	49 834	6956	17	56 807
Южный	10 835	956	—	11 791
Итого:	205 804	17 433	252	223 489

Составлена по: Гладких П.Ф., Перелыгин В.В., Хмыров А.Б., Шелепов А.М. Очерки истории военной медицины. Кн. IV. Мобилизационная готовность, развёртывание и работа медицинской службы Сухопутных войск Красной армии западных приграничных военных округов накануне и в начальном периоде Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. СПб., 2002. С. 89.

ей, насчитывало 3930 человек, из которых 103 умерли⁹.

Эти особенности потребовали максимального увеличения количества койко-мест в военно-лечебных учреждениях и призыва из запаса значительного контингента медицинского персонала в ущерб работе гражданских учреждений системы здравоохранения¹⁰. Так, на 1 сентября 1941 года в госпиталях Ленинграда находились на излечении порядка 65 тыс. раненых военнослужащих. В связи с началом блокады города решением военного совета Ленинградского фронта дополнительно были сформированы 32 госпиталя на 20 тыс. койко-мест¹¹. К февралю 1942 года число госпиталей увеличилось до 84. Для размещения такого количества раненых пришлось занять жилищный фонд города — школы, клубы, дома культуры, детские сады, больницы, гостиницы, общежития, казармы, помещения вузов и др.¹²

Из-за выхода из строя в зимний период 1941/42 года системы водоснабжения города были нарушены центральное отопление и канализация. Для ассенизации в госпиталях использовались выносные вёдра. Были предприняты всевозможные меры, способствовавшие минимальному загрязнению дворовых территорий: фекалии вывозились за город госпитальным транспортом. Например, за март и первую декаду апреля 1942 года по всем госпиталям города было вывезено порядка 10 тыс. т отходов¹³.

Взамен вышедшего из строя центрального отопления для теплоснабжения госпиталей использовались печи-временки. Основные проблемы были связаны с подвозом дров и угля, выделявшихся районными КЭЧ и КЭО Ленинградского фронта. До того как трамвайное движение было остановлено, грузовые трамваи служили основным средством доставки грузов. Прекращение их работы в декабре 1941 года привело к нарушению

С.А. Семека
1944 г.

подвоза топлива. Острый недостаток бензина и отсутствие лошадей создали угрожающее положение. В отдельных случаях дров и угля в госпиталях не было даже для приготовления пищи. В этих условиях в качестве топлива использовались деревянные неэксплуатировавшиеся постройки, находившиеся поблизости¹⁴.

Начальник Главного военно-санитарного управления Красной армии (ГВСУ КА) Е.И. Смирнов в своей книге «Советские военные врачи в Отечественную войну» вспоминал: «...В период обороны Ленинграда медики Ленинградского фронта работали в невероятных, порой нечеловечески трудных условиях, не было продуктов для питания раненых, госпитали не отапливались — не было топлива, не работали водопровод и канализация. Несмотря на это, вся лечебно-эвакуационная работа ленинградских военных врачей во время блокады была поставлена вполне удовлетворительно...»¹⁵.

Одной из функций медицинского обеспечения военнослужащих в годы войны являлось захоронение погибших и умерших. Она реализовывалась согласно приказу НКО № 138 от

15 марта 1941 года с объявлением «Положения о персональном учёте потерь и погребении погибшего личного состава Красной армии в военное время»¹⁶ и директиве Главного политического управления Красной армии (ГлавПУ КА) от 22 декабря 1941 года «Об организации погребения трупов погибших красноармейцев»¹⁷.

Например, на Ленинградском фронте в первые дни войны во время оборонительных боёв потери были незначительными. Погибшие в большинстве случаев захоранивались в индивидуальных могилах, иногда даже в гробах. В период отступления советских войск, как правило, организованных захоронений не производилось, из-за чего могилы были расположены хаотично, без должного учёта погибших. Погребение рядового состава осуществлялось в одних частях в гимнастёрках и брюках, в других — в нижнем белье. В ряде подразделений снималось только обмундирование, годное к носке, которое затем подвергалось дезинфекции. Начальствующий состав, как правило, захоранивался в индивидуальных могилах, военная форма одежды не снималась.

В войсках Ленинградского фронта всех погибших и умерших условно можно было разделить на три основные категории: умершие в результате ранений, от истощения и погибшие в боях. Смертность в период с декабря 1941 по март 1942 года была значительно выше, чем в первые месяцы войны, что обуславливалось существенным ростом числа случаев истощения военнослужащих. Отсутствие транспорта из-за недостатка топлива и рабочей силы затрудняло своевременную перевозку и погребение умерших. По этой причине в госпиталях скапливалось большое количество трупов. Решением военного совета фронта была создана специальная рота при фронтовом эвакуационном пункте (ФЭП-50), в обязанности которой вошли вопросы

транспортировки и захоронения умерших в госпиталях военнослужащих, для чего на Серафимовском и Пискаревском кладбищах были отведены отдельные участки. Из-за мёрзлой земли рытьё могил осуществлялось несвоевременно, что привело к накоплению непогребённых тел на кладбищах. В ряде случаев захоронения происходили без соблюдения санитарных требований: трупы в могилах складывались по 5—6 рядов. После того как военно-санитарное управление фронта взяло данный вопрос под свой контроль, ситуация была стабилизирована: с целью ускорения процесса погребения на кладбища для рытья могил были направлены дополнительные сапёрные подразделения. С этого момента захоронения стали проводиться в соответствии с установленными нормативными требованиями. В братских могилах одновременно хоронили от 30 до 40 человек, а в отдельных случаях — до 50.

Сложная оперативная обстановка нередко препятствовала своевременному захоронению погибших. Например, на территории Невской оперативной группы Ленинградского фронта из-за невозможности безопасного доступа к участку, простреливавшемуся пулёмётным огнём, скопилось до тысячи незахороненных тел. Риски были настолько велики, что при попытке эвакуировать всего 10 погибших 12 человек из команды, ответственной за захоронение, были убиты¹⁸.

Следует отметить, что во время активных боевых действий среди медицинского состава также наблюдалось большое количество погибших и раненых. Так, в частях и соединениях Ленинградского фронта в период с 1 июля 1942 по 1 июля 1943 года убыль военнослужащих-медиков составила 5218 человек, из них убиты — 1736, ранены — 3153. Погибали не только рядовые санитары, выносившие с поля боя раненых, но и врачи, и средний медицинский персо-

Е. И. Смирнов

нал, количество которых за этот период составило 25 и 67 человек соответственно¹⁹. За весь период Великой Отечественной войны боевые потери медицинской службы армии (врачи, фельдшера, медсёстры, санитары, санитары) составили 210 601 человек, из них безвозвратные — 84 793 (40,3 проц.). Общие боевые потери врачей составили 7903 человека, из которых 5319 (67,3 проц.) безвозвратные²⁰.

Учёт погибших из-за отсутствия в большинстве случаев у них медальонов вёлся с существенными недостатками. Так, проверки, проведённые в 189-й стрелковой дивизии в июле 1942 года, показали, что тела погибших были опознаны лишь в 25 проц. случаев. Вместо медальонов бойцы зачастую использовали простые стреляные гильзы, в которые вкладывались записки с личными данными. Военным советом интенданту фронта были даны соответствующие указания по обеспечению войск медальонами. Практика показала, что из-за суеверий военнослужащие неохотно их использовали, что затрудняло опознание погибших²¹.

Одной из задач медицинского обеспечения военнослужащих являлось выявление среди ра-

нелых и больных случаев членовредительства. Особенно тщательно производился осмотр воинов, получивших ранения кистей и стоп. При подозрении в совершении такого преступления врач был обязан вызвать судебно-медицинского эксперта для установления факта умышленного причинения вреда здоровью. В случае подтверждения оформленные медицинские материалы передавались в следственные органы²².

В госпиталях для раненых обычно отводились самые удобные и благоустроенные палаты. Остальным больным, как правило, приходилось размещаться в менее комфортных и хуже оборудованных помещениях. Например, начальником военно-санитарного управления Воронежского фронта бригадным врачом С. А. Семёкой 27 августа 1942 года подчинённым госпиталям было дано указание выделить раненым лучшие помещения, а для размещения больных венерическими заболеваниями отвести менее приспособленные палаты²³.

Кроме того, командование госпиталей старалось решать проблемы обеспечения раненых и больных военнослужащих продуктами питания (сахаром, манной крупой, чаем и др.), мылом, табаком и махоркой. Особо остро стоял вопрос обеспечения их вещевым имуществом, которое было изношено в ходе боёв и длительных переходов. Одной из мер по улучшению снабжения раненых, например в 37-й армии в период битвы за Кавказ 1942—1943 гг., стал контроль за соблюдением норм довольствия при выдаче продуктов и имущества со стороны медицинского персонала. Помимо этого госпитали испытывали нехватку «культурного» инвентаря — на всю санитарную службу армии были получены три комплекта домино и несколько патефонных пластинок. На 13 госпиталей и 7 санитарно-лечебных учреждений приходилось от 35 до 60 экз. газеты «Правда» и журналов. Для проведения пар-

тийно-политической и культурно-массовой работы на должном уровне этого было мало²⁴.

Недостаточное питание и дефицит витаминизированной пищи привели к росту заболеваний, в т.ч. цингой. Запасы витамина С в начале войны в войсках Ленинградского фронта составляли около 12 млн человеко-доз, которых хватило до середины ноября 1941 года. Блокада Ленинграда и отсутствие достаточного количества продовольствия не дали возможности широко развернуть витаминизацию продуктов. Со стороны врачей предлагались разные варианты решения этой проблемы. Например, предпринимались попытки добавления витамина С в водку, выдававшуюся военнослужащим на передовой. Апробация полученного средства показала его высокую эффективность. Однако из-за возражений интенданта фронта относительно представленного метода витаминизации пищевых продуктов предложенный вариант широкого распространения не получил²⁵.

Наиболее действенным решением обогащения пищи биологически активными добавками являлось добавление концентрата витамина С в таблетки в готовые первые блюда. Таблетки витамина С, количество которых соответствовало числу порций первого блюда, предварительно измельчались, затем перед раздачей полученная масса добавлялась в общий котёл и тщательно перемешивалась для равномерного распределения препарата. Кроме того, практиковалась выдача таблеток с витамином С индивидуально каждому военнослужащему перед приёмом пищи под контролем медицинского состава²⁶.

Эффективным способом извлечения витамина С из природного сырья, получившим широкое применение в войсках, стало использование хвойных настоев. К разработке этого метода борьбы с цингой были подключены сотрудники Всесоюзного научно-исследователь-

И.Д. Черняховский

ского витаминного института, после чего начальником ГВСУ КА Е.И. Смирновым 25 июня 1942 года была утверждена инструкция по изготовлению витаминных настоев из хвои²⁷. Так, согласно архивным документам в период с июля 1942 по июнь 1943 года в войсках Ленинградского фронта было приготовлено 19 679 300 л хвойного настоя, что составило 284 995 000 человеко-доз витамина С²⁸. Кроме того, с наступлением весны в рацион военнослужащих стали добавлять съедобные дикорастущие травы, богатые этим витамином, главным образом щавель и крапиву, что широко практиковалось в войсках²⁹.

Встречались ситуации, когда военнослужащие, не зная о ядовитых свойствах растений, употребляли их в пищу. Так, в мае 1942 года в ряде частей Московского военного округа были выявлены случаи отравления цикутой — ядовитым растением, зелёные побеги и корневище которого имеют приятный вкус, напоминающий брюкву или редьку. Для предотвращения подобных ситуаций ГВСУ КА направило в войска телеграммы с описанием свойств этого растения и способов оказания

медицинской помощи при отравлении³⁰.

Кроме дополнительной выдачи личному составу витамина С, практиковалось применение питьевых дрожжей как источника полноценного белка и витаминов группы В. Их приготавливали не только из муки, но и из сырья непищевого назначения, например, опилок или картофельных очисток³¹. Так, в войсках Ленинградского фронта в марте 1945 года было приготовлено 9916 л питьевых дрожжей. В обязательном порядке по 250 мл они ежедневно выдавались больным и раненым военнослужащим³².

На оккупированных территориях наблюдалось широкое распространение опасных инфекционных заболеваний, в частности сыпного тифа. После освобождения населённых пунктов первоочередное внимание уделялось оказанию помощи местным жителям и принятию мер по сдерживанию дальнейшего распространения инфекций³³. Например, в Ленинградской области, в районах, находившихся под контролем противника, санитарное состояние населения было угрожающим: завшивленность составляла до 100 проц., чесоткой были поражены до 50 проц. людей. Кроме того, среди граждан в 1941—1943 гг. отмечалась массовая заболеваемость сыпным тифом. Всё это дополняли полное отсутствие мыла, изношенность одежды и обуви, недостаток белья.

Медицинской службой 42-й армии, участвовавшей в Ленинградско-Новгородской стратегической наступательной операции 14 января — 1 марта 1944 года, после освобождения ряда районов Ленинградской области были осмотрены все жители, проживавшие на оккупированных территориях, отправлены на лечение в инфекционные госпитали армии до 200 гражданских больных. Населению оказывалась помощь медикаментами, дезинфекционными средствами и

мылом. Помимо этого большое внимание на освобождавшихся территориях уделялось обследованию водоисточников. Лабораториями медсанбатов были проверены 320 источников воды, случаев их отравления выявлено не было.

Отступая, немецко-фашистские захватчики придумали нетривиальный способ вывода из строя советских воинов. Так, в Гатчине перед оставлением города они выпустили из «изоляционного дома» 50 женщин, больных сифилисом и гонореей, с целью сознательного заражения красноармейцев венерическими заболеваниями. По найденным спискам часть заражённых женщин удалось найти и изолировать. Для выявления всех венерических больных был проведён осмотр всего населения Гатчины и Волосово³⁴.

В целях поддержания санитарно-эпидемиологического состояния на должном уровне в действующей армии регулярно проводилась санитарная обработка личного состава. Для этого в частях были оборудованы бани и дезкамеры. Как правило, рядовой, сержантский и офицерский состав мылись в бане 1 раз в 10 дней, после чего производились полная смена белья и дезинфекция обмундирования. По возможности подразделения переднего края для мытья в бане на целый день выводились во 2-й эшелон, после чего с личным составом проводилась культурно-массовая работа.

Сложные социально-бытовые условия фронтовой обстановки приводили к завышенности личного состава. Военные советы фронтов, политорганы, командиры всех степеней, представители санитарной службы принимали действенные меры по борьбе с этим явлением. Так, приказом военного совета Западного фронта № 0187 от 8 октября 1942 года «О мероприятиях по борьбе с вшивостью и сыпным тифом в частях и среди местного населения» команди-

А.С. Щербаков

рам, политработникам, должностным лицам санитарной службы частей и соединений фронта было указано, невзирая ни на какие условия, осуществлять контроль и проводить планомерную санитарную обработку личного состава не реже 2—3 раз в месяц с обязательной дезинсекцией обмундирования, обеспечить постройку полевых бань и дезинсекторов из расчёта по 1 на каждый батальон, исключить контакт личного состава с местным населением, не допускать совместного размещения в одних домах бойцов и местных жителей³⁵.

Не во всех воинских частях соблюдались санитарные нормы, особенно при ведении наступательных боёв. Например, в 1258-м стрелковом полку 378-й стрелковой дивизии помывка личного состава в бане не организовывалась, не было чистого белья, у ряда военнослужащих отсутствовала даже обувь, особенно у молодого пополнения³⁶.

Несоблюдение санитарных норм и личной гигиены зачастую приводило к вспышкам опасных инфекционных заболеваний. Например, в августе 1942 года в 107-й и 303-й стрелковых дивизиях 60-й армии Воронежского фронта были за-

регистрированы 112 случаев дизентерии. Командующим армией генерал-лейтенантом И.Д. Черняховским для борьбы с этим заболеванием были даны соответствующие указания подчинённым частям и подразделениям³⁷.

За годы войны в целом по Красной армии и флоту дизентерией переболели свыше 250 тыс. человек, сыпным тифом — около 136 тыс., брюшным — до 24 тыс. По данным Е.И. Смирнова, число инфекционных больных за то же время составило всего лишь 9 проц. к общему количеству больных воинов³⁸.

Для стирки обмундирования в войсках имелись специально выделенные силы и средства. Например, в войсках Ленинградского фронта было 17 полевых прачечных отрядов, 5 полевых прачечно-дезинфекционных отрядов и 1 полевая механическая прачечная. Общая их производительность обеспечивала лишь 40 проц. стирки белья от общей потребности войск. Остальное бельё выстирывалось во временных нештатных прачечных ручной стирки с привлечением военнослужащих тыловых подразделений и вольнонаёмных работников³⁹.

Для обеспечения высокого уровня политико-морального состояния войск директивой Ставки ВГК № 994236 от 9 октября 1942 года «О предоставлении личному составу частей и соединений действующей армии краткосрочного отдыха» было установлено предоставление один раз в году всему личному составу, прослужившему в боевых частях не менее 10 месяцев и непосредственно участвовавшему в боях, краткосрочного отпуска, а также отличившимся в боях военнослужащим в порядке поощрения независимо от срока службы и военнослужащим, нуждавшимся в отдыхе в результате переутомления. Сроки для отдыха были установлены из расчёта: рядовому и младшему начальствующему

В палате военного госпиталя
1944 г.

Операционная в госпитале 1-го Украинского фронта
1944 г.

Взятие крови у доноров. Передвижная станция переливания крови

составу — 6, среднему, старшему и высшему составу — 8 суток⁴⁰.

Кроме того, начальником ГлавПУ КА А.С. Щербаковым директивой № 019 от 30 октября 1942 года «О культурном обслуживании бойцов и командиров в домах отдыха» начальникам политуправлений фронтов ставилась задача повседневно следить за работой домов отдыха, создать в них такую обстановку, которая позволяла бы военнослужащим отдохнуть⁴¹.

В целях выполнения директивы Ставки ВГК военные советы фронтов приняли соответствующие меры. Например, на основании приказа военного совета Западного фронта № 190 от 11 октября 1942 года уже к 15 декабря 1942 года были развёрнуты: для рядового состава — дивизионные; для младшего, среднего и старшего начальствующего состава — армейские; для высшего начальствующего состава — фронтовые дома отдыха. Начальником политуправления фронта были даны указания по организации культурно-массового обслуживания личного состава, а начальником военно-санитарного управления было организовано проведение необходимых медицинских и санитарных мероприятий⁴².

Военнослужащие с благодарностью отзывались о работе созданных домов отдыха. Например, сержант Петухов, проходивший службу в одном из соединений 3-го Белорусского фронта, после того как отдохнул 10 дней в доме отдыха 39-й армии, сказал: «Солдатское спасибо вам за заботу и внимание. В организации домов отдыха мы видим заботу о человеке со стороны нашего государства»⁴³.

Аналогичная работа по развёртыванию домов отдыха для военнослужащих проводилась в ноябре—декабре 1942 года и в войсках Северо-Западного фронта. Так, к 30 декабря 1942 года там были развёрнуты 58 домов отдыха на 3130 коек (табл. 2). О ходе выполнения этой задачи начальник тыла фронта докладывал начальнику

Тыла Красной армии генерал-полковнику А.В. Хрулёву каждые 10 дней⁴⁴.

Даже в самые ожесточённые периоды боевых действий работа домов отдыха не останавливалась. Например, дома отдыха 7-й гвардейской армии, организованные на базе медицинских учреждений объединения, продолжали свою деятельность и во время Сталинградской битвы. За I квартал 1943 года в них смогли восстановить силы 994 военнослужащих, 337 из которых относились к среднему и старшему начальствующему составу⁴⁵.

Для совмещения излечения легкораненых военнослужащих с одновременным их отдыхом во фронтах были организованы госпитали-санатории. Так, на основании приказа военного совета Западного фронта № 200 от 26 октября 1942 года «Об организации госпиталей-санаториев для лечения легкораненых командиров и начальствующего состава» 5 ноября 1942 года в помещениях бывшего санатория Кремля в Барвихе на 300 мест и госпиталя № 4563 в Туле на 200 мест были организованы госпитали-санатории, где военнослужащие могли не только подлечиться вследствие заболевания или лёгкого ранения, но и отдохнуть⁴⁶.

Во время коренного перелома в Великой Отечественной войне система медицинского обеспечения войск продолжала совершенствоваться: эффективнее стали использоваться местные ресурсы, благодаря чему повысилась оснащённость действующей армии медицинским имуществом. В конце 1942 — начале 1943 года, в период Сталинградской битвы, в войсках стало появляться трофейное медицинское имущество, кроме того, начали оказывать помощь союзники. Это позволило почти на 40 проц. удовлетворить потребность Красной армии в сульфаниламидах, новокаине, глюкозе, а также широко внедрить в лечебную практику пенициллин⁴⁷.

Н.А. Булганин

Так, в период битвы за Кавказ одной из задач медицинского обеспечения военнослужащих являлся сбор трофейного медицинского имущества с передачей его на полевые армейские санитарные склады. В частности, в ходе начавшейся 1 января 1943 года Северо-Кавказской наступательной операции ценные медикаменты, в т.ч. вакцины, и перевязочные материалы были изъяты со складов противника после освобождения Ставрополя, Невинномыска,

Георгиевска, Минеральных Вод и Кропоткина. В целом перечень захваченного с 1 января по 1 июля 1943 года 6-й фронтовой трофейной бригадой имущества состоял из 69 наименований, многие из которых в количественном отношении были довольно внушительны. Так, вес трофеев составил (кг): лигнина — 2168, пирамидона — 169, аспирина — 23, эфира наркотического — 319, ваты компрессной — 1250 и др.⁴⁸

Органами военного управления были разработаны меры поощрения тех, кто занимался эвакуацией раненых военнослужащих с поля боя. Приказом НКО СССР № 281 от 23 августа 1941 года «О порядке представления к правительственной награде военных санитаров и носильщиков за хорошую боевую работу» командирам и комиссарам дивизий предписывалось представлять в НКО соответствующие списки. За вынос с поля боя 15 раненых с их табельным оружием военнослужащий представлялся к медали «За боевые заслуги» или «За отвагу», за 25 раненых — к ордену Красной Звезды, за 40 раненых — к ордену Красного Знамени, за 80 раненых — к ордену Ленина⁴⁹. Однако на практике командование не всех воинских частей выпол-

Таблица 2

**Справка о развёрнутых домах отдыха
в войсках Северо-Западного фронта по состоянию
на 30 декабря 1942 года**

№ п/п	Наименование объединений	Количество	
		домов отдыха	коек
1	1-я ударная армия	13	700
2	11-я армия	17	900
3	27-я армия	11	600
4	34-я армия	7	400
5	53-я армия	7	400
6	Соединения, подчинённые непосредственно СЗФ	2	100
7	Фронтовые учреждения	1	30
Всего:		58	3130

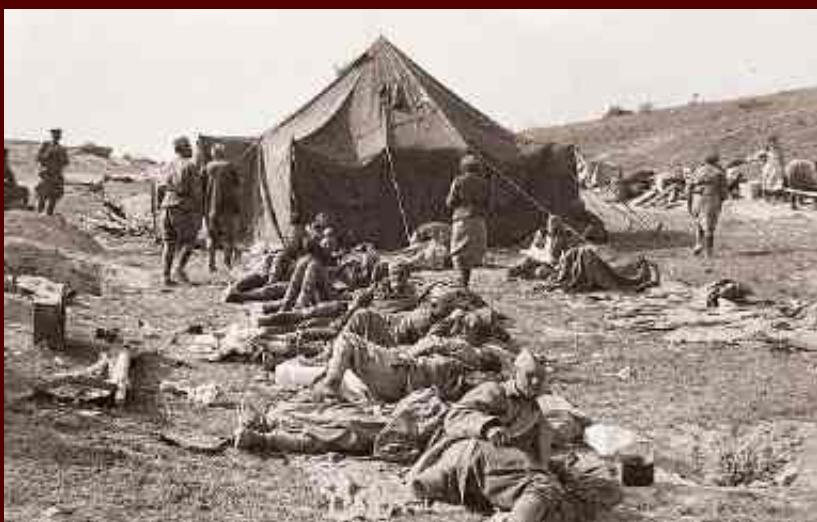
Составлена по: ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1419. Д. 43. Л. 55.

Старший военфельдшер М. Юнусов перевязывает раненого
Южный фронт, 1942 г.

Медсестра эвакуирует раненого с поля боя
1943 г.

Раненые в ожидании эвакуации у палатки медпункта
1944 г.

няло этот приказ. Так, в частях 5-й армии Западного фронта грубо нарушались требования вышеуказанного документа. Проверка военным советом фронта установила, что награжденные листы на личный состав, заслуживший награждения, по несколько месяцев лежали в штабах 50-й и 82-й стрелковых дивизий. Членом военного совета фронта генерал-майором Н.А. Булганиным были приняты меры к наказанию виновных лиц и награждению отличившихся военнослужащих⁵⁰.

Для облегчения работы санитаров по эвакуации раненых с поля боя широкое распространение в годы Великой Отечественной войны получили санитарные (нартовые) упряжки собак, которые впервые были применены в апреле—мае 1942 года на Карельском фронте в ходе Мурманской наступательной операции, во второй половине 1943 года на Калининском (Смоленская операция 7 августа — 2 октября 1943 г.), затем на 3-м Украинском (в Битве за Днепр 25 августа — 23 декабря 1943 г.) и других фронтах. На волокуши или носилки, приспособленные к лоткам или лыжам, помещались 1—2 тяжелораненых с их оружием и эвакуировались на значительные расстояния до батальонного или полкового медпункта (до 3—4 км). Этот способ эвакуации раненых на практике оказался довольно эффективным: например, за первое полугодие 1944 года на собачьих упряжках в 59-й стрелковой дивизии были вывезены 80 проц. всех носилочных раненых⁵¹.

26 мая 1942 года директивой Генерального штаба Красной армии № орг/6/134599 для боевых действий на Севере были созданы отдельные отряды собачьих санитарно-нартовых упряжек. 15 декабря 1942 года был введен штат взвода ездовых собак. Кроме командира взвода, в подразделение входили 8 командиров отделений, 16 вожатых собак, 96 ездовых животных, а также 24 лодочки-волокуши

или нарты (летом — колёсные тележки). К началу 1943 года в действующей армии выполняли задачи 32 таких взвода, которые подчинялись начальникам военно-санитарных управлений фронтов. Многие знали об использовании санитарных упряжек собак в зимнее время, но почему-то опыт использования собак для эвакуации раненых с поля боя в тёплый период с применением колёсно-носильных установок так широко распространён не был. Вожатый такой упряжки в большинстве случаев оставлял собак в укрытии, в 50—100 м от раненого, затем подтаскивал его к упряжке, грузил на тележку и вывозил в батальонный медицинский пункт. Упряжки могли использоваться в любое время суток по оврагам, вспаханному полю или лесистой местности⁵².

В зимнее время года в условиях фронта частыми были случаи обморожения личного состава, в связи с этим на всех уровнях военного управления постоянно проводилась работа по профилактике этого явления. Так, военный совет Западного фронта издал приказ № 0224 от 15 ноября 1942 года «О мерах борьбы с обморожениями», который предусматривал мероприятия по недопущению таких случаев в войсках. Командиры подразделений в этих целях проводили следующие действия: проверялись состояние и подгонка обуви, тесная и неисправная обувь подлежала замене; организовывалось систематическое смазывание обуви сапожной мазью; все подразделения были обеспечены сушилками; для замены сырых портянок были созданы обменные фонды; с личным составом систематически проводилась разъяснительная работа о мерах по предупреждению обморожений⁵³.

Кроме того, военно-санитарными службами фронтов проводилась работа по подготовке к выполнению задач в зимних условиях. Так, перед осенне-зимним периодом 1943/44 года на Воронежском фронте были

М.М. Гурвич

предприняты комплексные меры по медицинскому обеспечению войск. План работы включал в себя подготовку и утепление транспорта для эвакуации раненых и больных, закупку печей, создание запасов угля и дров для госпиталей. Для эвакуации с поля боя раненых были подготовлены лодочки-волокуши и лыжно-носильные установки. Помимо этого войска были обеспечены химическими грелками, а для каждой армии был создан резерв спирта (по 200 л) для проведения противошоковой терапии⁵⁴.

Необходимо отметить, что масштабные боевые действия в годы Великой Отечественной войны повлекли за собой резкое увеличение числа военнослужащих, лишившихся ног. Обеспечение этой категории граждан протезами стало серьёзной задачей для Наркомата социального обеспечения (НКСО). Архивные документы свидетельствуют, что до конца войны протезирование раненых с ампутированными конечностями не достигало должного уровня. Протезы, производившиеся предприятиями НКСО, отличались низким качеством: они были тяжёлыми, быстро изнашивались и затрудняли передвижение.

Выход из создавшейся ситуации был найден конструктором В.Ф. Ефремовым: предложенный им вариант протеза мог быть использован при любом уровне ампутации одной или обеих нижних конечностей. В марте 1945 года научным советом Московского НИИ протезирования и учёным советом НКСО РСФСР протез был рассмотрен и рекомендован к изготовлению опытной партии в количестве 9 единиц. Все изделия прошли успешную апробацию на раненых, потерявших конечности. К сожалению, запуск протеза в серийное производство не представлялся возможным, т.к. НКСО не имел достаточно квалифицированного конструкторского бюро, соответствующего оборудования и не мог разработать технологию его производства.

Понимая важность данной разработки и безотлагательную необходимость её внедрения в массовое производство, начальник Тыла Красной армии А.В. Хрулёв направил обращение в адрес заместителя наркома обороны СССР генерала армии Н.А. Булганина. В документе он ходатайствовал о создании при ГВСУ КА конструкторского бюро по протезированию и выпуску опытной партии протезов конструкции В.Ф. Ефремова в количестве 500—600 единиц для обеспечения в первую очередь генералов и офицеров с ампутированными нижними конечностями, которые продолжали служить в армии. Особое конструкторское бюро по протезированию при ГВСУ КА было создано, но уже после окончания Великой Отечественной войны, в сентябре 1945 года⁵⁵.

Подводя итоги, следует отметить, что масштаб военных действий потребовал от военных медиков мобилизации всех своих ресурсов, проявления высокого профессионализма и выполнения работы, полной самоотверженности и героизма, что подтверждается следующими фактами:

Переливание крови донора раненому солдату
1944 г.

Выступление скрипачки Галины Бариновой в военном госпитале
блокадного Ленинграда
1943 г.

Доноры Ленинградского института переливания крови
в годы блокады

из 22 млн санитарных потерь 14 млн пришлось на раненых, 8 млн — больных; из 14 млн раненых около 10 млн человек (72,3 проц.) были возвращены в строй, из 8 млн больных более 7 млн человек (90,6 проц.) продолжили воевать после выздоровления. Сопоставление этих данных с численностью советских Вооружённых сил того времени позволяет сделать вывод о том, что война была выиграна в значительной степени солдатами и офицерами, возвращёнными в строй медицинской службой⁵⁶.

Правительство Советского Союза высоко оценило вклад военных медиков в Победу. Более 116 тыс. врачей, фельдшеров, медицинских сестёр, санинструкторов и санитаров были удостоены правительственных наград, в т.ч. 47 из них было присвоено звание Героя Советского Союза⁵⁷.

Принимавшиеся меры позволили не допустить распространения опасных инфекций, сохранить жизнь и здоровье военнослужащих, обеспечить высокий уровень возвращения личного состава в строй после полученных ранений и заболеваний, что способствовало поддержанию боеспособности войск. Таким образом, выстроенная система военно-медицинского обеспечения в рассматриваемый исторический период стала одним из ключевых факторов Победы, продемонстрировав высокий уровень организации, адаптивности и научно-практического подхода в сложившихся экстремальных условиях.

Проведённое историческое исследование свидетельствует, что эффективность мер по сохранению жизни и здоровья военнослужащих в период войны была напрямую связана с анализом, обобщением и внедрением на практике полученных знаний и навыков, накопленных военно-медицинской службой в условиях боевых действий, что становится особенно актуальным в ходе проведения Специальной военной операции.

¹ Янушевич О.О., Пашков К.А. Роль медиков в Великой Отечественной войне: учебно-методическое пособие. М.: Росунимед, 2025. С. 29.

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 217. Оп. 1278. Д. 3. Л. 18—19.

³ Гладких П.Ф., Перелыгин В.В., Хмыров А.Б., Шелепов А.М. Очерки истории военной медицины. Кн. IV. Мобилизационная готовность, развёртывание и работа медицинской службы Сухопутных войск Красной армии западных приграничных военных округов накануне и в начальном периоде Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. СПб., 2002. С. 6, 7.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Там же. С. 6, 7.

⁶ Кнопов М.Ш. Вклад медицинской службы в восполнение боевых потерь в личном составе в годы Великой Отечественной войны // Клиническая медицина. 2022. № 2—3. С. 149—153.

⁷ Белевигин А.Б., Шелепов А.М., Веселов Е.И. Военная медицина: становление, развитие. СПб.: Ъ, 2007. С. 257, 258.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1278. Д. 3. Л. 206.

⁹ Пригодиц Н.Д. Тыловое обеспечение действий авиации Ленинградского фронта в период блокады Ленинграда // Новейшая история России. 2017. № 4. С. 32—44.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1278. Д. 3. Л. 206.

¹¹ Там же. Д. 6. Л. 15.

¹² Там же. Л. 109—111.

¹³ Там же. Л. 141.

¹⁴ Там же. Л. 150—151.

¹⁵ Белевигин А.Б., Шелепов А.М., Веселов Е.И. Указ. соч. С. 248.

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1278. Д. 3. Л. 206.

¹⁷ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17(6). Главные политические органы Вооружённых сил СССР в Великой

Отечественной войне, 1941—1945 гг.: документы и материалы. М.: Терра, 1996. С. 97, 98.

¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1278. Д. 3. Л. 206—207.

¹⁹ Там же. Д. 10. Л. 86.

²⁰ Кнопов М.Ш. Указ. соч.

²¹ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1278. Д. 3. Л. 206—207.

²² Там же. Ф. 203. Оп. 2853. Д. 2. Л. 351.

²³ Там же. Л. 54.

²⁴ Карташев И.В., Карташев А.В. Работа в прифронтовой полосе санитарной службы 37-й армии в битве за Кавказ (1942—1943 гг.) // Военно-исторический журнал. 2025. № 1. С. 56—64.

²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2853. Д. 1. Л. 4—6.

²⁶ Там же. Ф. 217. Оп. 1278. Д. 2. Л. 113.

²⁷ Там же. Ф. 203. Оп. 2853. Д. 1. Л. 4—6.

²⁸ Там же. Ф. 217. Оп. 1278. Д. 10. Л. 69.

²⁹ Там же. Д. 3. Л. 212—213.

³⁰ Там же. Ф. 203. Оп. 2853. Д. 1. Л. 12—13.

³¹ Алексанян И.В., Кнопов М.Ш. Санитарно-гигиеническое обеспечение войск и населения в годы Великой Отечественной войны (к 50-летию Великой Победы). М.: Российская медицинская академия последипломного образования. С. 47—49.

³² ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1278. Д. 19. Л. 22.

³³ Там же. Ф. 203. Оп. 2853. Д. 1. Л. 71—72.

³⁴ Будко А.А., Бринюк Н.Ю. Лечебно-эвакуационное обеспечение 42-й армии Ленинградского фронта в январе 1944 г. // Военно-исторический журнал. 2024. № 1. С. 44—57.

³⁵ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 78. Л. 47.

³⁶ Там же. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 195. Л. 202—203.

³⁷ Там же. Д. 9. Л. 6.

³⁸ Гладких П.Ф. Медицинская служба Красной армии в Великой Отечествен-

ной войне // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2015. № 4. С. 5—20.

³⁹ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1250. Д. 340. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 78. Л. 58—59.

⁴¹ Там же. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 6. Л. 174—175.

⁴² Там же. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 78. Л. 56—57.

⁴³ Там же. Ф. 217. Оп. 1250. Д. 340. Л. 12.

⁴⁴ Там же. Ф. 221. Оп. 1419. Д. 43. Л. 55.

⁴⁵ Там же. Ф. 236. Оп. 2713. Д. 56. Л. 41.

⁴⁶ Там же. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 78. Л. 100.

⁴⁷ Ворсин В.Ф., Изонов В.В. Организация тылового обеспечения Красной армии в контрнаступлении в Сталинградской битве (19 ноября 1942 — 2 февраля 1943 г.) // Военно-исторический журнал. 2023. № 10. С. 34—47.

⁴⁸ Карташев И.В. Основные направления деятельности и организация медицинского обеспечения 6-й фронтовой трофейной бригады в ходе наступательного этапа битвы за Кавказ // Новое прошлое / The New Past. 2025. № 2. С. 89—99.

⁴⁹ Забота о раненых // Правда. 1941. 29 августа.

⁵⁰ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 7. Л. 14.

⁵¹ Тыл Красной армии в Отечественной войне: сборник материалов. № 6. Воениздат НКО, 1945. С. 120.

⁵² Гладких П.Ф. Медицинская служба Красной армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Перелом. 19 ноября 1942 г. — 31 декабря 1943 г. СПб.: Наука, 1995. С. 14.

⁵³ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 78. Л. 193—194.

⁵⁴ Там же. Ф. 236. Оп. 2713. Д. 56. Л. 35—38.

⁵⁵ Там же. Д. 186. Л. 6—29, 32—33.

⁵⁶ Кнопов М.Ш. Указ. соч.

⁵⁷ Там же.

K.A. Nasonov

«THE MEDICS WORKED IN INCREDIBLY DIFFICULT CONDITIONS, SOMETIMES EVEN INHUMANELY SO...»

Medical support features in the troops of the Leningrad front during the Great Patriotic War

Information about author. Konstantin Nasonov — assistant professor at the department of military-political work in the troops (forces) of the Prince Alexander Nevskiy Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, colonel, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: 3275500@mail.ru).

Summary. This paper examines the activities of military command bodies in providing medical support to servicemen on the Leningrad Front during the Great Patriotic War, as well as the specific aspects of the work of military medics on other fronts. Based on an analysis of scientific literature, regulatory and legal acts from that time, and a wide range of documents from the Central Archive of the Russian Ministry of Defense, which have been published for the first time in scholarly circles, the specifics of this work during large-scale military operations are revealed. This paper explores the main challenges of providing medical care for military personnel during a certain historical period. It discusses training specialists, deploying hospitals, dealing with the death of soldiers, ensuring food supplies, and maintaining the health of the troops. Special attention is given to analyzing the efforts made by military officials to solve these problems. The measures taken helped save the lives and health of soldiers, prevent the spread of diseases, reduce sanitary losses among Soviet troops, and play a crucial role in securing victory over Nazi Germany.

Keywords: Great Patriotic War; Siege of Leningrad; Northern Front; Leningrad Front; medical support; training of medical personnel; sanitary losses; rest homes; wounded; evacuation of the wounded; the dead; hospitals and sanatoriums; frostbite; detection of self-mutilation; identification and burial of the dead; fortification of food; vitamin C; yeast; pine infusion; containing the spread of infection; lice infestation; sanitary standards and personal hygiene of military personnel; medical trophies; prosthetics for the wounded; Ye.I. Smirnov.

«...ИМЕТЬ ВЕРНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ВСЕХ НАМЕРЕНИЯХ И ПЛАНАХ ПОРТЫ»

Османь на русской службе в Царьграде в конце XVIII века

Сведения об авторе. Якушев Михаил Михайлович — советник Историко-документального департамента МИД России, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: mtyakushev456@gmail.com).

Аннотация. Статья посвящена истории развития русского дипломатического присутствия и функционированию русской военной разведки и резидентуры в Константинополе в рамках российско-османских дипломатических отношений от подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 года до заключения Ясского мирного договора 1791—1792 гг., по которым Российская империя укрепила свои дипломатические позиции в Османской империи и политическое влияние на международной арене. Подчеркивается роль российской дипломатии и разведки в рекрутировании османских подданных на русскую службу, комплектовании из них сети тайных агентов и создании каналов связи. В научный оборот вводятся документы из Архива внешней политики Российской империи. Отмечается, что добытые разведсведения помогали выстраивать эффективную политику в отношении Османской империи.

Ключевые слова: внешняя политика России; российская дипломатия; российско-турецкие отношения; Константинопольская миссия; тайные агенты России; разведывательная деятельность; агентурная разведка; резиденты; посланники; послы; М.И. Голенищев-Кутузов; Н.В. Репнин; А.С. Стахивев; Я.И. Булгаков; В.П. Кочубей; В.С. Томара; А.С. Хвостов.

В XVIII веке дипломатия и разведка, тесно связанные между собой, имели особенно важное значение во внешне-политической деятельности России в Османской империи, а также взаимоотношениях российских дипломатов с султанскими сановниками. Это вза-

имодействие делало их синергичными инструментами внешней политики, так как сильная дипломатия слепа без качественной разведки, а мощная разведка неэффективна без компетентной дипломатии, которая способна правильно использовать добытую информацию.

Константинопольская миссия успешными совместными усилиями становилась не только центром дипломатической активности, но и центром разведывательной деятельности. «В обязанности постоянного дипломатического представителя в Константинополе входило налаживание связей и знакомств в различных слоях османского общества, создание сети тайных агентов и друзей-информаторов», которых в дипломатической переписке называли «корреспондентами» и «конфидентами»¹, а также «наблюдение и изучение всех сфер жизни страны своего аккредитования»².

Руководители Константинопольской миссии проводили тщательный подбор кадров как штатного дипло-

матического персонала, так и внештатных или на месте принятых сотрудников. «Выбор хорошего секретаря и дворецкого нужнее всех других служителей. Для посла в секретаре надобны — разум и уверенность, дабы неизменны были инструкции, цифирные азбуки, письма и дела посольства. Сие известно, что больше стараются подкупить секретаря, нежели посла»³.

В XVIII веке секретные релиции в отличие от обычных, или «публичных», были зашифрованы цифрами. Это прежде всего относилось к важной военно-политической информации, получавшейся от секретных агентов в Константинополе. Там также указывались расходы на подкуп информаторов и издержки на проведение разведыватель-

ной деятельности в целом⁴. Для тайной переписки существовали цифирные азбуки, в частности секретные шифры российских резидентов при Высокой Порте И.И. Неплюева и А.А. Вешнякова⁵, шифры А. Марини, К. Кангиони и др.

Что касается дипломатической корреспонденции, то здесь были свои сложности, связанные не с работой Константинопольской миссии, а с особенностями передачи конфиденциальной информации. Пересылка осуществлялась специальными курьерами, а дорога от Константинополя до Санкт-Петербурга занимала больше месяца. Это также повышало финансовую нагрузку на Константинопольскую миссию, т.к. денежные средства на путевые расходы должны были поступать вовремя и

в полном объеме. Дополнительные трудности возникали при ухудшении двусторонних межгосударственных отношений. Помимо личных рисков дипломатов усложнялась работа с курьерами, т.к. османы начинали препятствовать их отправке, блокируя тем самым передачу возможной стратегически важной информации потенциальному или реальному противнику. Также усложнялась возможность занять деньги на формальную и неформальную деятельность дипломатического представительства.

В первой четверти XVIII века российский резидент в Константинополе И.И. Неплюев (1721—1734 гг.) отмечал, что «не токмо греки денег и другие нации и послы ныне и практиковать с нами опасаются и приходит до того, ежели нужный случай позовет, что дневной пищи лишится»⁶, однако в более позднее время сложностей с поиском денежных средств на осуществление агентурной деятельности в османской столице, в т.ч. и на подарки для султанских сановников или их подкуп, не возникало⁷.

Одним из самых известных военных дипломатов Российской империи XVIII века был чрезвычайный и полномочный посол князь Н.В. Репнин (1775—1776 гг.), прибывший в Константинополь для обмена ратификационными грамотами на Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 года. Для повышения эффективности дипломатической работы он создал сеть тайных каналов. Среди его агентов были и султанский фаворит, через которого, по информации Н.В. Репнина, «ратификацию на трактат получили», и придворный врач Гобис, «который лечит Султана и всех его жен, почему вход вольной в Сераль и связи там имеет». Хотя Гобис действовал добровольно, Н.В. Репнин считал, что его деятельность

**Чрезвычайный
и полномочный посол
в Константинополе
Н.В. Репнин**

*Художник Д.Г. Левицкий, 1792 г.
Национальный
художественный музей
Украины*

«еще можно усилить деньгами», а целесообразнее всего использовать его в султанском дворе, чтобы «там распускать новости», которые Россия решит «туда допустить». О своём сотрудничестве с доктором Гобисом в своих реляциях сообщают чрезвычайные посланники и полномочные министры А.С. Стахийев (1776—1781 гг.), Я.И. Булгаков (1781—1787 гг.), В.П. Кочубей (1794—1798 гг.) и В.С. Томара (1798—1802 гг.), а также пове-

ренный в делах России в Константинополе А.С. Хвостов (1793—1794 гг.). В переписке конца XVIII века упоминаются доктор Беневени, Лоренцо, Милон и Тревис, по словам посланника Я.И. Булгакова, «человек хитрый и пронырливый», служившие при османском дворе. Некоторые из них по поручению Константинопольской миссии выполняли разведывательные и посыльные функции.

По доброй воле сотрудничал с Н.В. Репниным богатый армянин Кулели — один из доверенных друзей реис-эфенди. Он не делал никаких внушений реис-эфенди, а только извещал «о всем том, что до его сведений доходило», «стараясь разведывать» о нужных России «вещах»⁸. Кулели «был человеком весьма расторопным и вхожим в разные турецкие дома». Взаимодействовали с послом и высокопоставленные чиновники из канцелярии реис-эфенди. Один из них, бейликчи-эфенди, составлял все указы правительства, а второй, Ахмед-эфенди, составлял доклады внешнеполитического ведомства султану. Н.В. Репнин сообщал, что он начал их «помаленьку прикармливать», и по возможности следует «продолжать и умножать» связь с ними, а через них могли бы «иметь верные сведения о всех намерениях и планах Порты». Были и другие добровольные и платные секретные агенты среди сановников Пор-

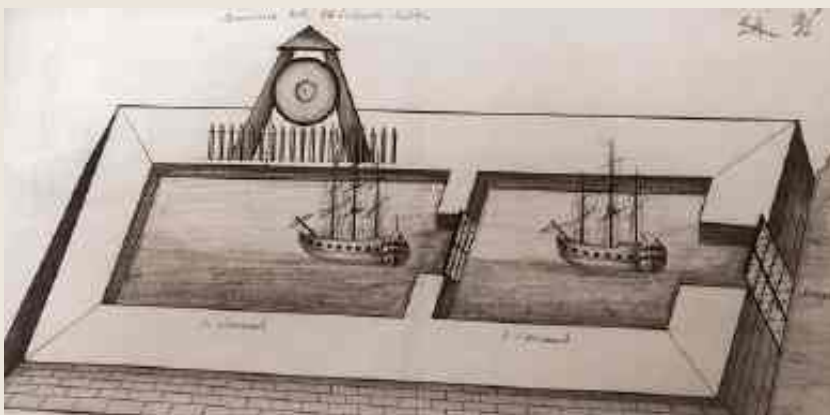

Рисунок турецкой машины для выкачивания воды
Последняя четверть XVIII в.

ты, руководителей османской таможни, комендантов крепостей и пр., а также драгомань османского правительства и адмиралтейства, в частности братья Константин и Александр Хангерли (Ханджерли), братья Костак и Алеке Сутсос (Сучах) и др.

В дипломатической переписке конца XVIII века встречаются имена «особых осведомителей» и «тайных приятелей» России: полковник Джованни Бароцци (1790—1796 гг.) под псевдонимом (за подписью) «известный при дворе»; Жарнак (1787—1788 гг.) под псевдонимом Жарнак-эфенди; Паоло Константино (1790—1792 гг.); Пьетро Александро (1788—1794 гг.); Винченцо Пианни (1790—1793 гг.); доктор Джумтани⁹ (1790—1793 г.)¹⁰, а также «тайный корреспондент» из Галаты¹¹, «особый осведомитель» из Константинополя¹² и др.¹³ В одной из дипломатических записок содержится информация о том, что капитан-паша, разговаривая со своим поверенным в делах, в присутствии своего врача, который был приятелем российских агентов, спросил, «для какой причины не освобождают господина Булгакова из Семибашенного замка, что самое визирем обещано было, и как говорят по представительству капитана-паши, поверенный ему ответствовал, что он того не знает, но что в рассуждении

сего ожидает от визиря поведения»¹⁴.

В дипломатической переписке встречаются имена и других османских агентов: Миралем-эфенди, Саид-эфенди, Авни-эфенди, Али-ходжа («приятель муллы»), Якуб-ага («приятель Якуб»), Ахмед-ага («Григори Капони»), Софьян-ага, Яхья-паша и пр.

Российский посланник в Константинополе А.С. Стахийев сообщал о некоторых тайных агентах без упоминания их имён. По его словам, информацию ему передавал «знатный, довольно надежный, усердный и за делами со вниманием сведущий человек из живущих в самом Цареграде греков»¹⁵, часть секретных сведений он получал «от одного из присутствующего в совете улема», часть — «от разных хотя довольно надежных партикулярных греков и турков»¹⁶.

Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Константинополе В.П. Кочубей подробно рассказывал о ряде секретных агентов. По его сведениям, информацию ему предоставляли «сотрудники польской миссии: драгоман Александр, который по родству своему с разными лучшими армянскими банкирскими домами и по знакомству с разными французами, часто многое знал» как о внутренних делах Высокой Порты, так и о происходившем

в посольстве Французской Республики; грек из Наксии Франгопуло, который имел доступ к информации, «будучи вхож в дом Мурузи и в другие фанарские дома» и к Осман-эфенди (бывшему дефтердару Порты), а также Минот, служивший при польской миссии, «человек хорошие сведения имевший, также употреблялся для разведывания и сбора информации о поляках сюда приезжавших»¹⁷.

В дипломатической переписке содержится информация о награждении или поощрении православных жителей Османской империи, например, Фомы Испира, «за секретную и опасную по делам турецким переписку с российскими резидентами»¹⁸, выписка о писаре «Буджакского султана Иване Степанове, усердствовавшему российскому двору»¹⁹ и другие информативные документы.

Отдельного внимания заслуживают выписки по политическим вопросам, в частности «о делах при Оттоманской Порте со вступления в правительство нового султана Османа и последовавшей в министерстве перемене»²⁰, реляции резидента в Константинополе А.М. Обрескова «о кончине султана и вступлении на престол султана Мустафы, старшего сына султана Ахмеда»²¹, циркулярный указ «о воследовавшей в турецком правлении перемене»²², реляции А.М. Обрескова «о детях и братьях владетельного турецкого салтана Мустафы»²³.

Переписка цареградских агентов с российским двором велась в основном на итальянском и французском языках, некоторые письма были переведены на русский язык, ряд писем были зашифрованы.

Также секретную информацию российскому двору представляли: поверенный в делах Пруссии в Константинополе Гофрон (1776—1778 гг.), поверенный в делах Дании в Константинополе Гемфрис

Рисунок турецкой галеры
Последняя четверть XVIII в.

(1787—1790 гг.), австрийский интернунций (посланник) в Константинополе барон Герберт (1782—1794 гг.), банкиры Киршбаум (1781—1783 гг.), Тимони (1782—1792 гг.), барон Гюбш (1782—1792 гг.) и Сутерланд (1790—1791 гг.), агент по поручениям при торговой канцелярии Константинопольской миссии Рассино (1790—1792 гг.), а также австрийские агенты в Молдавии и Валахии барон Мецбург (1786—1787 гг.) и Райкевич (1782—1783 гг.). Отмечается, что барон Гюбш (Гипш) был хорошо знаком с Ахмед-беем, «одним из любимцев султанских», и «лекарем Лоренцо, который в дружбе с ним находился».

Следует заметить, что главным секретным агентом России в Константинополе в 1790-е годы был Джованни Бароцци — грек из Наксоса, происшедший из рода венецианских патрициев Бароцци — одной из знатнейших дворянских фамилий католической партии Греческого архипелага²⁴. В 1789 году он поступил на русскую службу и стал называться Иваном Степановичем. В том же году он был определён в Коллегию иностранных дел (КИД) и направлен в армию к князю Г.А. Потёмкину для дипломатических переговоров с Османской империей. После смерти Потёмкина Бароцци состоял на службе в Яссах при князе А.А. Безбородко, который высоко ценил его способности. В письме к графу А.Р. Воронцову он писал, что Бароцци был «на всех конференциях и все переводил», отметил его смелость «против турок самых именитых и драгомана их» и то, что «связь у него великая с кегаем-беем, фаворитом султанским, ненавидимым от визиря, но который, по мнению всех, при падении сего первого министра заступит на его место. Премножество знакомых, также и по разным департаментам, и так все, что он говорил или что писал, есть верное». Одно из поручений Бароцци исполнил

**Чрезвычайный
и полномочный посол
в Константинополе
М.И. Голенищев-Кутузов**
*Художник Р.М. Волков, между
1812 и 1830 гг.*
Государственный
художественно-архитектурный
дворцово-парковый музей-
заповедник «Гатчина»

чрезвычайно успешно, повлияв на великого визиря смелостью своих речей, воспользовавшись знакомством с влиятельными лицами при султанском дворе. За такое содействие «мирной негоциации с Оттоманской Портой» Бароцци был пожалован пожизненной пенсией, чином полковника и вскоре причислен к Константинопольской миссии²⁵. Также сохранилось письмо осведомителя Гюбша о передаче особому осведомителю Бароцци часов с бриллиантами²⁶.

Отдельно следует отметить доктора Джумтани, который имел хорошие связи в османском кабинете министров, действуя по поручению поверенного в делах России в Константинополе А.С. Хвостова (1792—1794 гг.). Ранее секретные задания выполняли другие агенты-врачи, сотрудничавшие с Константинопольской миссией. Так, чрезвычайный и полномочный посланник П.А. Толстой

(1702—1714 гг.) общался с доктором Мушюдукком — лечащим врачом великого визиря Нуман-паши Кёпрюлю (16 июня — 17 августа 1710 г.)²⁷, а чрезвычайный и полномочный посол Н.В. Репнин — с вышеупомянутым доктором Гобисом — лечащим врачом султана Абдул-Хамида I (1774—1789 гг.), а также личными докторами других высокопоставленных османских сановников.

Были случаи, когда османские подданные подозревались в разведывательной деятельности в пользу России. Например, в 1788 году граф А.А. Безбородко получил из Константинопольской миссии от особого осведомителя письмо «о помиловании чауса Мечемета (Магамета. — **Прим. авт.**), осужденного на казнь по подозрению в шпионаже» в пользу России²⁸.

Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Константинополе А.С. Стахийев продолжил работу с особыми осведомителями в османской столице, прилагая собранную ими секретную информацию, в т.ч. сведения военного характера, к имперским реляциям и депешам в КИД. В 1776 году в Санкт-Петербург были направлены копии «билетов» (записок) от константинопольских осведомителей и письмо от агента Гофрона²⁹. Секретные записки с зашифрованной информацией направлялись с курьерами.

Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Константинополе Я.И. Булгаков также вёл переписку с особыми осведомителями в османской столице, прилагая полученную от них секретную информацию к своим имперским реляциям в Санкт-Петербург³⁰. Остальные письма направлялись в столицу Российской империи самими секретными осведомителями. Так, в 1787 году вице-канцлеру И.А. Остерману были направлены депеша датского агента

Гемфриса, подготовленные по поручению Я.И. Булгакова³¹, т.к. в связи с арестом российского посланника связь с Константинополем была налажена через дипломатического представителя Дании при Высокой Порте³², с приложением записок от особых осведомителей. В 1788 году Я.И. Булгаков поручил сотруднику Константинопольской миссии Фродингу³³ и датскому агенту Гюбшу³⁴ направить в КИД депеши с приложением записок особых осведомителей.

Чрезвычайные посланники и полномочные министры в Константинополе В.П. Кочубей и В.С. Томара также вели активную работу с особыми осведомителями в османской столице, прилагая добытые ими секретные сведения, оформленные в виде записок и рапортов, к имперским реляциям и депешам в КИД.

Первым направлением деятельности военной дипломатии и разведки был сбор информации о состоянии флота Османской империи. В канун Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. военные приготовления Порты к войне с Россией вызывали особые опасения.

В 1776 году российский посланник в Константинополе А.С. Стахив составил «ведомость количества турецких судов» и представил сведения о «состоянии турецкого флота»³⁵, а также «статистические сведения о состоянии турецкого флота»³⁶. В дальнейшем данные о состоянии османского флота по дипломатическим каналам регулярно направлялись в Санкт-Петербург. В преддверии Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. особый интерес вызывала информация о «снаряжении Турцией военных кораблей», «военных приготовлениях Турции», «вооружениях Турции», «количестве турецких войск, кораблей и вооружений»³⁷, «численности турецкого флота», «составе турецкого флота», а также размерах строившихся кораблей.

Чрезвычайный посланник
и полномочный министр
в Константинополе
А.С. Стахив. 1818 г.
Художник Д.Г. Левицкий
Государственный Эрмитаж

Интерес к тематике состояния флота и вооружений Османской империи сохранялся и после заключения Ясского мирного договора 1791—1792 гг. Например, в 1798 году к депешам в КИД были приложены сведения не только о состоянии турецких военных припасов с указанием размеров ядер и бомб, но и о финансовом состоянии Турции³⁸.

К некоторым документам даже прилагались графические изображения судов, например, «рисунок турецкой галеры»³⁹. Интерес представляют документы о «тайной конференции турок под предлогом появления линейного корабля, построенного на французских верфях»⁴⁰, о покупке Османской империей «военного снаряжения во Франции»⁴¹.

Вторым направлением военно-дипломатической и разведывательной деятельности было состояние османских фортификационных сооружений, в основном информация о «постройке турецких крепостей с приложением их

планов»⁴² и о «приведении в порядок турецких крепостей»⁴³, укреплении Портой Бендерской и Измаильской крепостей⁴⁴, а также ведомости турецкой артиллерии, взятой русской армией при сдаче османскими войсками Бендерской и Хотинской крепостей⁴⁵.

Во время Русско-турецкой войны 1735—1739 гг. тайный советник А.И. Неплюев, временно находившийся в Киеве, «имел тайную переписку»: письма «от разных приятелей корреспондентов и о неприятельских турецких обращениях»⁴⁶.

Интерес представляют следующие документы: «О посылке инженерного корпуса адъютанта Синяпина в Бендеры для тайного осведомления о военных турецких обращениях»⁴⁷, «О препровождении до Ясс поручика Семена Норова для разведания о турецких обращениях»⁴⁸, «Об отправлении из Киева в Бендеры грека Юрья Иванова (приехавшего в Константинополь) с письмами от тайного советника Неплюева для разведания о военных турецкого двора приготовлениях»⁴⁹, «Об отправлении из Киева от тайного советника Неплюева в Немиров поручика (вскоре пожалованного капитаном) Плюскова для тайного разведания о турецких и татарских неприятельских обращениях»⁵⁰, «Об отправлении из Киева от тайного советника Неплюева во Львов для разведания об обращениях турецких неприятельских действий»⁵¹, рапорты Неплюеву поручика Левицкого и Петра Веселовского из Львова «О неприятельских движениях»⁵², а также рескрипты и указы Неплюеву «для заграничной тайной по делам турецким переписке и для проведения о неприятельских татарских и турецких движениях»⁵³, переписка А.И. Неплюева «с пограничными польскими обывателями о поведении турецкой армии»⁵⁴, «с пограничными молдавскими и греческими

обывателями о действиях турецкой армии»⁵⁵.

Третьим направлением деятельности военной дипломатии и разведки были сведения о расквартировании османской армии и флота и расположении сухопутных и военно-морских сил, в частности, представляли интерес карты с расположением войск в Дарданеллах⁵⁶, сведения об укреплении Босфора и вооружённых силах⁵⁷, план Черноморского канала⁵⁸, планы «турецких военных операций»⁵⁹, информация о состоянии «турецких пороховых заводов»⁶⁰, «об устройстве бассейна для судов в Турции»⁶¹, «о состоянии укреплений на турецкой границе»⁶², содержание планов и карт инженера на службе Порты Кауфера⁶³.

Отдельный корпус документов составляли сведения о дестабилизации внутривосточной ситуации и эскалации социально-политических событий, например, информация о восстаниях в разных провинциях Османской империи, а также на островах Греческого архипелага. Отдельно следует отметить информацию о янычарских мятежах в османской столице: бунте янычар и «спагов» (сипахи) в Константинополе в 1777 году⁶⁴ и бунте янычар в Константинополе в 1791 году⁶⁵. Российский резидент И.И. Неплюев также подробно сообщал о янычарских восстаниях против османских падишахов: «Описание бунта в Константинополе против султана Ахмеда»⁶⁶ и «Описание бунта в Константинополе против султана Махмуда»⁶⁷.

К дипломатическим документам прилагалась информация об османских инженерно-технических и гидротехнических разработках. Так, российский посланник в Константинополе А.С. Стахив сообщал сведения о «секретной турецкой машине для тканья турецких тканей» («золотой турецкой парчи»)»⁶⁸. Российский посланник в Кон-

**Чрезвычайный посланник
и полномочный министр
в Константинополе
В.П. Кочубей. 1809 г.
Художник Ф.П.С. Жерар
Государственный Эрмитаж**

стантинополе Я.И. Булгаков к своему рапорту приложил графическое изображение «турецкой машины для выкачивания воды»⁶⁹.

Иногда среди дипломатических документов были донесения с информацией, касавшейся оборота драгоценных камней в османской столице. Так, в 1754 году резидент А.М. Обресков пишет о бежавшем из Константинополя в Россию иноземце Меере, «бывшем у голландского купца фактором, с алмазными многими вещами»⁷⁰, а в 1792 году поверенный в делах России в Константинополе А.С. Хвостов — об аресте неаполитанского скупщика бриллиантов Пеоппа, «скрывавшегося на русском судне из Константинополя»⁷¹.

Самым известным военным дипломатом Российской империи на Босфоре был чрезвычайный и полномочный посол князь М.И. Голенищев-Кутузов (1793—1794 гг.), прибывший в Константинополь для обмена ратификационными грамотами на Ясский мирный

договор 1791—1792 гг., продолживший работу своих предшественников по развитию сети секретных каналов в османской столице, в частности в султанском дворце Топкапы. Будучи искусным дипломатом, он умело использовал сведения агентурной разведки. М.И. Голенищев-Кутузов усердно изучал староосманский язык, постигая «грамоту турецкую», чтобы «в переговорах с крымцами и турками по охране побережья Крыма все наивозможнейшие пользы извлечь». В ходе Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. его талант заметил светлейший князь Г.А. Потёмкин, по распоряжению которого М.И. Голенищев-Кутузов организовал наблюдение за тылами османов у реки Дунай, «применяя способы и средства негласные, но полезные для службы», наладил агентурную и оперативную разведывательные службы, а также «летучую» почту, что внесло важную лепту в успех при штурме и взятии Измаила.

М.И. Голенищев-Кутузов получил негласное поручение от императрицы Екатерины II «склонить диван турецкий и кого придется из особ, к султану приближенных, дабы соединиться с европейскими дворами против Франции, и особ таких искать повсеместно». Главной задачей Голенищева-Кутузова было определено: «сохранить мир и доброе согласие с Портою, нужные для отдохновения... в трудах и беспокойствах, империей нашей понесенных». В многочисленной посольской свите было несколько представителей военно-топографического бюро — «людей неприметных, но смысленых и к дознанию полезных вещей способных», всегда появлявшихся в необходимый момент и приносивших бесценные сведения⁷².

По дороге в Константинополь офицеры картографического бюро при посольстве собирали информацию, ка-

савшуюся положения дел в Османской империи, её экономического и политического состояния, местоположения и вооружения османских крепостей и гарнизонов, наличия провианта, о настроениях местных жителей. Офицеры тайно снимали планы местности, зарисовывая топографические особенности, оценивали места возможных стоянок войск, наличие колодцев с питьевой водой, фиксируя всё, что могло иметь важное значение в случае войны с Портой.

Через завербованных секретных агентов и подкупленных шпионов в ближайшем окружении султана и великого визиря, а также других членов османского правительства и чиновников различных департаментов Высокой Порты М.И. Голенищев-Кутузов добывал сведения о поведении, привычках и пристрастиях членов османского кабинета министров, с которыми ему предстояло встретиться. Русский посол также получил словесные портреты придворных сановников и «характеристические черты» султана Селима III, который показался ему «добрым и умным человеком». Некоторые конфиденциальные данные он использовал в ходе встреч с ними. Например, посол был осведомлён, что великий визирь Ахмед-паша «немного знает по-французски, чем очень гордится, терпеть не может щербету и не сидит на мягком». В итоге встреча с садразамом прошла в тёплой обстановке, «с сердечностью и взаимным политесом», причём они провели всю беседу на турецком, лишь изредка переходя на французский⁷³.

Некоторым высокопоставленным сановникам М.И. Голенищев-Кутузов давал характеристики. Так, реис-эфенди Мустафа Рашид-эфенди заслужил нелестную характеристику: «желчный и подозрительный старик, которого никто не видел улыбающимся, даже

смеялся». Посол установил контакты с приближёнными султана, в том числе приверженцами преобразований — Рамиз-эфенди и Манук-беем, несмотря на то, что у посла были противники в окружении падишаха — вице-адмирал Шеремет-бей, в ведении которого находились проливы Босфор и Дарданеллы, встретивший М.И. Голенищева-Кутузова настороженно и учредивший негласное наблюдение за всеми передвижениями посольства. Однако посол заметил, что вопреки османским протокольным обычаям несколько дервишей⁷⁴ занимались наружным наблюдением, постоянно бродили в квартале Пера, вблизи особняка, в котором располагалась посольская резиденция. Тем же занимались янычарский патруль, следивший за безопасностью в городе и выполнявший полицейские функции, и янычарский караул, охранявший посольский дом, нередко ограничивавший доступ лиц на внутреннюю территорию. Вместе с тем российские дипломатические представители в османской столице отмечали, что янычары, получив от них деньги или подарки, более лояльно допускали людей в посольский дом, менее внимательно отслеживали перемещения рядом с ним, не препятствуя входу и выходу разных лиц⁷⁵.

Российские дипломаты, аккредитованные в Константинополе, внесли весомый вклад в формирование и функционирование разветвлённой разведывательной сети с секретными каналами и тайными агентами, своевременно представлявшими в Константинопольскую миссию и Коллегию иностранных дел конфиденциальные сведения стратегической важности, вносившие свою лепту в выстраивание внешнеполитического курса и усиление позиций Российской империи как в Высокой Порте, так и на международной арене.

С учётом небольшого числа разведчиков значительный объём задач разведывательного характера выполняли дипломаты Цареградской миссии, их штатные и внештатные агенты. Даже отсутствие профессиональной подготовки не мешало резидентам, посланникам и послам России в Константинополе создавать эффективную агентурную сеть, обеспечивавшую кадровых дипломатов ценной информацией. Российские дипломаты и разведчики напрямую либо через своих помощников добывали и доставляли в Россию топографические карты местности, характеристики фортификационных сооружений, технические образцы вооружений, инженерную документацию и др. Секретные агенты получали конфиденциальные сведения стратегического характера, за предоставление которых им предназначалось значительное денежное вознаграждение, а иногда поощрение в виде ценных подарков и высоких наград.

Российская миссия в Константинополе завербовала большое число драгоманов и секретарей иностранных дипломатических представительств в османской столице, константинопольских купцов и ремесленников, дворцовых лекарей и поваров, а также видных сановников султанского двора. Российские дипломатические представители нанимали на службу султанских подданных со знанием иностранных языков и пониманием османских реалий, главным образом рекрутируя переводчиков, знавших восточные языки и имевших хорошие связи в городе, в особенности при дворах великого визиря и падишаха.

Таким образом, в конце XVIII века продолжилось поступательное и устойчивое развитие разведывательной службы в рамках дипломатической деятельности Российской империи на Босфоре.

¹ Якушев М.М. Становление русской дипломатии и разведки на Босфоре в 1700—1720 гг. // Исторический вестник. 2023. № 46. С. 46—65.

² Государева М.Ю. Русская дипломатическая миссия в Стамбуле в 20—30-е годы XVIII века // Вестник Рязанского университета имени С.А. Есенина. 2011. № 1(30). С. 96.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. «Сношения России с Турцией» (Ф. 89). Оп. 89/1. 1733. Д. 9. Л. 120—121.

⁴ Якушев М.М. «...Прятели ево работают великому государю в чем могут усердно». Иностранцы на русской службе в Царьграде в первой четверти XVIII века // Военно-исторический журнал. 2025. № 8. С. 20—31.

⁵ АВП РИ. Ф. «Константинопольская миссия» (Ф. 90). Оп. 90/1. 1735—1745. Д. 96.

⁶ Там же. Ф. 89. Оп. 89/1. 1722. Д. 6. Ч. 2. Л. 422—423.

⁷ Якушев М.М. «В противность миру... ничего не чинится». От Царьграда до Белграда: российско-османские военно-политические отношения (1700—1739 гг.) // Военно-исторический журнал. 2024. № 1. С. 76—87.

⁸ АВП РИ. Ф. 89. Оп. 89/8. 1775. Д. 451. Л. 12, 12 об.

⁹ В переписке упоминает своего сына Александра.

¹⁰ АВП РИ. Ф. 89. Оп. 89/8. 1792. Д. 756. Л. 1—96.

¹¹ Там же. Ф. 90. Оп. 90/1. 1793—1794. Д. 1121.

¹² Там же. Ф. 89. Оп. 89/8. 1774. Д. 440.

¹³ Там же. Оп. 89/8. 1788. Д. 717; 1790. Д. 734, 736; 1791. Д. 741; 1794. Д. 802; Ф. 90. Оп. 90/1. 1795. Д. 1232.

¹⁴ Там же. Ф. 89. Оп. 89/1. 1788. Д. 716. Л. 24.

¹⁵ Там же. 1776. Д. 476. Л. 57 об.

¹⁶ Там же. Л. 58 об.

¹⁷ Там же. 1798. 89/8. Д. 865. Л. 108—112.

¹⁸ Там же. 1751. Д. 12.

¹⁹ Там же. 1754. Д. 14.

²⁰ Там же. Д. 13.

²¹ Там же. 1757. Д. 16.

²² Там же. Д. 15.

²³ Там же. 1768. Д. 1.

²⁴ Иванов Е., Коронелли Дж. Книга Коронелло: исторические исследования и мемуары. М., 2011. С. 53.

²⁵ Бароцци И.С. // Русский биографический словарь в 25 т. СПб.; М., 1896—1918.

²⁶ АВП РИ. Ф. 89. Оп. 89/8. 1795. Д. 827.

²⁷ Якушев М.М. «...Прятели ево работают великому государю в чем могут усердно»... С. 25.

²⁸ АВП РИ. Ф. 89. Оп. 89/8. 1788. Д. 180.

²⁹ Там же. 1776. Д. 483; 1776. Д. 487.

³⁰ Там же. 1786. Д. 674, 675, 676, 677; 1787. Д. 697.

³¹ Там же. 1787. Д. 698.

³² Там же. Д. 699.

³³ Там же. 1788. Д. 708.

³⁴ Там же. Д. 712.

³⁵ Там же. 1776. Д. 463.

³⁶ Там же. Д. 474.

³⁷ Там же. 1787. Д. 698; 1788. Д. 708, 709, 710, 711.

³⁸ Там же. 1798. Д. 880.

³⁹ Там же. 1788. Д. 716. Л. 12.

⁴⁰ Там же. 1793. Д. 774.

⁴¹ Там же. Ф. 90. Оп. 90/1. 1796. Д. 1248.

⁴² Там же. Ф. 89. Оп. 89/8. 1786. Д. 659, 677, 687.

⁴³ Там же. 1781. Д. 589.

⁴⁴ Там же. Ф. 90. Оп. 90/1. 1794. Д. 1178.

⁴⁵ Там же. 1775. Д. 666.

⁴⁶ Там же. Ф. 89. Оп. 89/1. 1737. Д. 3.

⁴⁷ Там же. Д. 28.

⁴⁸ Там же. Д. 33.

⁴⁹ Там же. Д. 34.

⁵⁰ Там же. Д. 39.

⁵¹ Там же. 1738. Д. 24.

⁵² Там же. Д. 29.

⁵³ Там же. Д. 5.

⁵⁴ Там же. Д. 18.

⁵⁵ Там же. Д. 19, 20.

⁵⁶ Там же. 1788. Д. 718.

⁵⁷ Там же. 1794. Д. 789.

⁵⁸ Там же. 1783. Д. 618.

⁵⁹ Там же. 1788. Д. 722.

⁶⁰ Там же. 1794. Д. 790.

⁶¹ Там же. 1796. Д. 838.

⁶² Там же. Д. 803.

⁶³ Там же. 1800. Д. 924.

⁶⁴ Там же. 1777. Д. 498.

⁶⁵ Там же. 1791. Д. 737.

⁶⁶ Там же. 1730. Д. 19.

⁶⁷ Там же. 1731. Д. 23.

⁶⁸ Там же. Ф. 90. Оп. 90/1. 1776—1781. Д. 684. Л. 95.

⁶⁹ Там же. Ф. 89. Оп. 89/8. 1784. Д. 641. Л. 26, Л. 29.

⁷⁰ Там же. Оп. 89/1. 1754. Д. 852.

⁷¹ Там же. Ф. 90. Оп. 90/1. 1792. Д. 1049.

⁷² Якушев М.И. «Генерал Кутузов был принят с большими почестями и большой любезностью...». Посещение послом М.И. Кутузовым Святой Софии в 1793 году (в описании Г.К. фон Реймерса и Г.С. Сергеева) // Военно-исторический журнал. 2024. № 7. С. 54—69.

⁷³ М.И. Кутузов: сборник документов и материалов. Т. 1. М., 1950. С. 141—190.

⁷⁴ Дервиш, или суфий — мистико-аскетическое направление (тарикат) в исламе. В Константинополе основными суфийскими течениями (орденами) были братства мевлеви и бекташи, имевшие непосредственное отношение к янычарскому корпусу.

⁷⁵ Шеремет В.И. Сафьяновы портфель М.И. Кутузова // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С. 75—78.

М.М. Yakushev

«...TO HAVE RELIABLE INFORMATION ABOUT ALL THE INTENTIONS AND PLANS OF THE PORTE»

Ottomans in Russian service in Constantinople at the end of the 18th century

Information about author. Mikhail Yakushev — advisor to the historical and documentary department of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, senior researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow). E-mail: mmyakushev456@gmail.com).

Summary. The paper delves into the development of Russian diplomatic presence and the activities of the Russian military intelligence office in Constantinople during the era of Russian-Ottoman diplomatic ties, from the signing of the Küçük Kaynarca Peace Treaty in 1774 to the conclusion of the Treaty of Yaşi in 1791—1792. This treaty significantly enhanced the Russian Empire's diplomatic standing and political influence within the Ottoman Empire on the global stage. The role of Russian diplomacy and intelligence in the recruitment of Ottoman subjects for service in Russia, the formation of a network of secret agents, and the establishment of communication channels is highlighted. Documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire have been introduced into scholarly discourse. It is noted that the intelligence obtained helped to shape an effective policy towards the Ottoman Empire.

Keywords: Russian foreign policy; Russian diplomacy; Russian-Turkish relations; Constantinople mission; secret agents of Russia; intelligence activities; human-source intelligence; station chiefs; envoys; ambassadors; M.I. Golenishchev-Kutuzov; N.V. Repnin; A.S. Stakhiev; Ya.I. Bulgakov; V.P. Kochubey; V.S. Tomara; A.S. Khvostov.

«ЭТО ПОЧЁТНАЯ ЗАДАЧА — ПИСАТЬ О ЛЮДЯХ, КОТОРЫЕ ВОЕВАЛИ»

Тема Великой Отечественной войны в песенном творчестве советских поэтов, композиторов и исполнителей (1960—1980-е гг.)

Сведения об авторе. Власов Сергей Александрович — старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, кандидат исторических наук (г. Владивосток. E-mail: vlasov54@bk.ru).

Аннотация. В статье исследован вклад советских поэтов, композиторов и исполнителей в антологию песен о Великой Отечественной войне, созданных в период 1960—1980-х годов, ставших важной частью патриотического воспитания граждан нашей страны. Установлено, что появление большого количества песен о войне в то время было неслучайным, поскольку с 1960-х годов и в последующие годы тема Великой Отечественной войны, памяти о ней становилась всё более востребованной в советском обществе. Поэты, композиторы, исполнители не могли не учитывать это и обращались в своём творчестве к военной тематике. В ходе работы над статьёй решались следующие задачи: исследовалась роль поэтов-бардов Б.Ш. Окуджавы и В.С. Высоцкого, рассматривался вклад вокально-инструментальных ансамблей, изучалась творческая деятельность поэтов-фронтовиков в создании песен о Великой Отечественной войне, выяснялась роль исполнителей песен в их продвижении в массовую аудиторию. В заключение сделан вывод, что песни 1960—1980-х годов прошли проверку временем, они по-прежнему любимы, популярны, востребованы и по праву заняли своё достойное место среди лучших советских песен о Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; песенный текст; патриотическое воспитание; поэты-фронтовики; композиторы и исполнители; память о войне.

Актуальность статьи обусловлена тем, что песни о Великой Отечественной войне являются важным аспектом патриотического воспитания граждан Российской Федерации. Причём не только песни, созданные в военные и первые послевоенные годы, но и те, которые появились позднее, в 1960—1980-е годы, и которые, пройдя проверку временем, до сих пор востребованы и любимы широкой аудиторией.

Песня является наиболее простой формой вокальной музыки, адресованной самому широкому кругу слушателей, в которой соединились слово (по-

этический текст) и музыка (мелодия). Её можно сравнить с равнобедренным треугольником, где все три составляющие — текст, музыка, исполнение — важны, и если они имеют высокий профессиональный уровень, композиция становится популярной, у неё будет долгая жизнь.

Для музыкальных произведений гражданского, патриотического направления, к каковым относятся песни о Великой Отечественной войне, текст особенно важен, поскольку его поэтический глубинный смысл передаётся слушателю через пение¹.

О Великой Отечественной войне написаны сотни музыкальных композиций, причём многие из них появились в военные годы. Создавались они и в послевоенное время. Являясь духовным оружием фронта и тыла, произведения этого жанра помогали преодолевать трудности военного лихолетья, звали в бой, вселяли надежду на преодо-

ние послевоенной разрухи. Их неизменными достоинствами были оперативность, доходчивость, социальный оптимизм. «В содержании песен передавалась душевная страстность, героический порыв, связь с жизнью родной страны и её народом, а также гражданская устремлённость и острый социальный заряд»². По мнению автора вышеупомянутой цита-

ты В.И. Лях, песни о Великой Отечественной войне стали действенным средством формирования мировоззрения советского человека, его духовно-нравственных качеств.

«Священная война» (А.В. Александров, В.И. Лебедев-Кумач), «Шумел сурово брянский лес» (С.А. Кац, А.В. Софронов), «На солнечной поляночке» (В.П. Соло-

вьёв-Седой, А.И. Фатьянов), «Тёмная ночь» (Н.В. Богословский, В.М. Агапов), «Синий платочек» (Е. Петербургский, Я.М. Галицкий, М.А. Максимов), «Соловьи» (В.П. Соловьёв-Седой, А.И. Фатьянов), «Враги сожгли родную хату» (М.И. Блантер, М.В. Исаковский), «Где же вы теперь, друзья-однополчане?» (В.П. Соловьёв-Седой, А.И. Фатьянов) — все эти произведения стали своеобразным образцом для поэтов, композиторов и исполнителей в последующие 1960—1980-е годы, когда песенная культура получила новый импульс к развитию. «Вбирая в себя результаты предыдущих лет существования советской песни, она аккумулировала лучшие традиции, отобранные исторически, и вместе с тем чутко реагировала на вызовы современности»³. Эти тенденции ярко проявились в эстрадном искусстве советских артистов, и практически у всех популярных исполнителей в репертуаре были песни о Великой Отечественной войне, что было связано с изменением в 1960-е и последующие годы отношения к войне и памяти о ней. С 1965 года 9 мая — День Победы — стал выходным днём; официально появилось почётное звание «город-герой»; в городах, посёлках, сёлах открывались мемориальные комплексы, посвящённые событиям войны; больше внимания уделялось ветеранам фронта и тыла.

В целом тема Великой Отечественной войны, памяти о ней становилась всё более востребованной в жизни советского общества. Поэты, композиторы, исполнители не могли не учитывать это обстоятельство и своим творчеством пополняли копилку песен о войне.

Этой теме уделяли внимание известные и популярные в 1960—1980-е годы поэты и композиторы — Ю.В. Друнина, М.Л. Матусовский, С.Г. Островой, Г.М. Поженян, Р.И. Рождественский, В.Г. Харитонов,

В.Е. Баснер, А.Н. Пахмутова, О.Б. Фельцман, М.Г. Фрадкин. Практически все они были либо участниками войны, либо детьми, жившими в те суровые годы, поэтому хорошо знали эту тему и смогли глубоко, правдиво и вдохновенно отразить её в текстах и музыке.

Среди авторов песен о войне в первую очередь следует выделить фронтовика Б.Ш. Окуджаву, который был един в трёх лицах — поэт, композитор, исполнитель. Он написал несколько песен, самая известная и популярная среди них прозвучала в кинофильме «Белорусский вокзал» (1971 г.). Она стала фактически народной, её текст знаком практически всем жителям России. «Здесь птицы не поют, // Деревья не растут, // И только мы плечо к плечу // Врастаем в землю тут, // Горит и кружится планета, // Над нашей Родиной дым, // И значит нам нужна одна победа, // Одна на всех — мы за cenой не постоим»⁴.

Песня была очень высоко оценена как простыми слушателями (она одна из самых

шинель, пошли домой» (здесь музыку сочинил композитор В.С. Левашов).

Помимо Б.Ш. Окуджавы ещё одним автором-исполнителем был В.С. Высоцкий, который написал около 50 песен, где напрямую или косвенно затрагивается тема войны. Когда Высоцкого спрашивали, почему тема войны занимает значительное место в его творчестве, Владимир Семёнович отвечал, что он из семьи фронтовиков (воевали его отец и дяди), у него было военное детство и эта тема ему очень близка. В одном из интервью он сказал: «Мы люди, которые сейчас пишут о войне, которые никогда не воевали, как бы довоёвываем, как бы комплекс вины восполняем. У всех у нас совесть болит из-за того, что мы не приняли в этом участия. Я вот отдаю дань этому времени своими песнями. Это почётная задача — писать о людях, которые воевали»⁵.

Первые песни о войне были написаны Высоцким в начале 1960-х годов. С этого времени и все последующие годы военная тема стала занимать

«Мы люди, которые сейчас пишут о войне, которые никогда не воевали, как бы довоёвываем, как бы комплекс вины восполняем. У всех у нас совесть болит из-за того, что мы не приняли в этом участия»

любимых, исполняемых в День Победы), так и профессионалами (поэтами, литературными критиками), многие из которых восторженно отзывались о тексте Окуджавы и отметили, что каждое слово в ней как меткий выстрел, в точку, а отдельные фразы стали афоризмами.

Кроме песни из кинофильма «Белорусский вокзал», Окуджавой были написаны: «До свидания, мальчики», «Песенка о пехоте», «Ах, война, что ж ты сделала, подлая» и «Бери

одно из центральных мест в поэтическом творчестве поэта-песенника. Причём, как отмечали исследователи творчества Высоцкого, его стихи отличались от традиционной патриотической пафосной поэзии большинства советских авторов»⁶.

В первой половине 1960-х годов были написаны «Ленинградская блокада», «Штрафные батальоны», «Братские могилы». Много песен о войне Высоцкий сочинил, когда пришёл в Театр на Таганке. Глав-

ный режиссёр театра Ю.П. Любимов поставил к 20-летию Победы спектакль «Павшие и живые», для которого Высоцкий написал песни «Высота», «Солдаты группы “Центр”». Чуть позднее, во второй половине 1960-х годов, появились «Это наши горы», «Смерть истребителя», «Он не вернулся из боя», в 1970-е годы — «Мы возвращаем землю».

В творчестве В.С. Высоцкого отражены многие события войны — от фронтовых будней и героизма солдат до жизни в тылу и памяти о войне. Он создал своеобразную песенную «энциклопедию войны», в которой показал многие эпизоды Великой Отечественной, в т.ч. и такие, которые не приветствовались советским официозом, — «участие в боевых действиях штрафников, заключённых, судьбы беспризорников в войну, спившихся ветеранов, трагические судьбы героев войны инвалидов»⁷.

В середине 1960-х годов на советской эстраде появляется новый формат исполнения песен — вокально-инструментальные ансамбли (ВИА). Одним из первых ВИА, появившихся на концертной эстраде в 1966 году, стал ленинградский ансамбль «Поющие гитары». Музыканты первыми из ВИА обратились к теме Великой Отечественной войны.

Художественный руководитель ансамбля А.Н. Васильев в годы войны был ребёнком, и для него обращение к теме войны было не случайным. В репертуаре ансамбля были две песни о войне — «Дороги» и «Саласпилс».

Композиция «Дороги» на музыку А.Г. Новикова и стихи Л.И. Ошанина была написана осенью 1945 года, она не пользовалась особой популярностью, но благодаря ансамблю «Поющие гитары» была фактически возрождена, вернулась к слушателям и стала снова востребованной и, что очень важно, популярной среди молодёжи. В её исполнении участниками ансамбля гармонично воплотились способ музыкального высказывания, соответствовавший запросам молодёжной аудитории, и лучшие традиции отечественной песни — лиризм, задушевность. Эта песня о ратных буднях рядового солдата-пехотинца. «Эх, дороги...// Пыль да туман,// Холода, тревоги// Да степной бурьян.// Знать не можешь// Доли своей,// Может, крылья сложишь// Посреди степей»⁸.

В 1969 году Ленинградская студия телевидения сняла 30-минутный фильм-концерт «Поющие гитары», и среди музыкальных произведений, включённых в этот телефильм,

была песня «Дороги». Она была записана на первую пластинку ансамбля формата «гранд» и впоследствии переиздавалась на компакт-дисках, у неё много просмотров в Интернете на различных сайтах — всё это свидетельствует о её неувядающей популярности.

В пронзительно трагичной песне «Саласпилс» (текст ленинградского поэта Я.А. Голякова, музыка А. Тимошенко, Э. Кузинер) (Саласпилс — небольшой город в Латвии в 18 км от Риги. Рядом с ним существовал (с октября 1941 до конца лета 1944 г.) нацистский концентрационный лагерь, в котором уничтожены помимо свыше 100 тыс. взрослых, не менее 6000 детей, ставших принудительными донорами крови для немецко-фашистских оккупантов) отражена мрачная сторона войны — концентрационные лагеря, геноцид советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны. «Не несут сюда цветов,// Здесь не слышен стон набатный;// Только ветер много лет,// Заметая страшный след,// Кружит фантики конфет...// Детский лагерь Саласпилс —// Кто увидел, не забудет.// В мире нет страшней могил,// Здесь когда-то лагерь был —// Лагерь смерти Саласпилс. ...// На гранитную плиту// Положи свою конфету.// Он, как ты, ребёнком был,// Как и ты, он их любил,// Саласпилс его убил...»⁹.

Эта песня, исполненная в мощной роковой аранжировке с включением джазовых интонаций, стала востребованной широкой молодёжной аудиторией во многом из-за увлечения молодёжью рок-музыкой. Таким образом музыканты ансамбля донесли до слушателей тему Великой Отечественной войны в одном из трагичных её аспектов — гибели малолетних узников концлагерей. «Поющие гитары» никогда не исполняли её на концертах, поскольку тема памяти жертв концентрацион-

Б.Ш. Окуджава

ных лагерей контрастировала с живой, жизнерадостной, яркой атмосферой, которая была на выступлениях ансамбля. Песня была записана на пластинку формата «миньон» фирмы «Мелодия» в 1973 году и позднее включалась в компакт-диски ансамбля, которые выходили уже в наше время. Как и песня «Дороги», «Саласпилс» наличествует в Интернете на музыкальных сайтах, где отражено творчество «Поющих гитар».

Увлечение советской молодёжью ВИА в конце 1960-х — начале 1970-х годов буквально захлестнуло страну. В 1974 году количество зарегистрированных ВИА, как профессиональных, так и самодеятельных, достигло 160 тыс.¹⁰ Среди профессиональных ВИА к самым популярным, пользовавшимся любовью молодёжи, наряду с «Поющими гитарами» относился московский ансамбль «Самоцветы»¹¹. В его творчестве тема Великой Отечественной войны также нашла отражение. В 1973 году «Самоцветы» исполнили «За того парня» (музыка М.Г. Фрадкина, стихи Р.И. Рождественского), где отражена тема памяти и долга перед павшими в годы войны. В 1974 году они исполнили песню «У деревни Крюково» (стихи С.Г. Острового, музыка М.Г. Фрадкина), в которой поведали о реальных событиях Великой Отечественной войны — сражении под Москвой осенью — зимой 1941 года: «Шёл в атаку яростный сорок первый год.// У деревни Крюково погибает взвод.// Все патроны кончились, больше нет гранат.// Их в живых осталось только семеро молодых солдат»¹².

Создание «У деревни Крюково» — пример сотрудничества людей разных поколений — поэта-фронтовика, композитора, пережившего войну, и молодых исполнителей, прочувствовавших тему войны, прекрасно исполнивших песню и донёсших её до молодёжной аудитории. Все три

составляющие произведения — текст, музыка, исполнение — были на высоком уровне, и результат получился прекрасным — песня стала популярной и любимой у слушателей.

Ещё один ВИА, который отдал дань памяти о Великой Отечественной войне, — это белорусский ансамбль «Песняры». В их репертуаре было несколько песен о войне. Самая известная и популярная — «Белоруссия» (стихи Н.Н. Добронравова, музыка А.Н. Пахмутовой). Она посвящена белорусскому народу, пострадавшему от фашистов в

немецко-фашистским захватчикам¹³.

Благодаря деятельности ВИА песенные тексты, отражавшие тему Великой Отечественной войны, воспринимались не только ветеранами, людьми старшего поколения, но и молодёжью, т.е. приобретали более широкую аудиторию в отличие от песен традиционного советского формата, которые молодёжь слушала меньше, чем близкие им по социокультурным и возрастным запросам песни советских «рокеров».

Часто композиции о Великой Отечественной войне

Создание «У деревни Крюково» — пример сотрудничества людей разных поколений — поэта-фронтовика, композитора, пережившего войну, и молодых исполнителей, прочувствовавших тему войны, прекрасно исполнивших песню и донёсших её до молодёжной аудитории

годы войны, в ней упоминаются погибшие в Хатыни мирные жители, дети, оставшиеся без родителей, партизаны, боровшиеся с оккупантами. Песня стала своеобразным символом, свидетельствующим о сопротивлении Белоруссии

писались специально к театральным спектаклям, кинофильмам, некоторые из них становились популярными и после выхода кинокартин жили своей долгой жизнью. Песня «На безымянной высоте» (текст М.Л. Матусовский,

В.С. Высоцкий

Л.В. Лещенко

музыка В.Е. Баснер) из кинофильма «Тишина» (1963 г.) отражала реальные события войны — штурм высоты у деревни Рубежанка Калужской области в ночь на 14 сентября 1943 года. Лирическая баллада «Туман» из кинофильма «Хроника пикирующего бомбардировщика» (1967 г.) композитора А.Н. Колкера, поэта К.И. Рыжова посвящена буд-

свидетельствовало о востребованности этой темы. Самая яркая звезда советской эстрады 1960-х годов М.М. Магомаев исполнял «Бухенвальдский набат» — своего рода антифашистский гимн. В его репертуаре также были «Баллада о красках», «За того парня».

Песня «За того парня» была в репертуаре многих певцов. Одним из тех, кто прекрасно

Самая яркая звезда советской эстрады 1960-х годов М.М. Магомаев исполнял «Бухенвальдский набат» — своего рода антифашистский гимн. В его репертуаре также были «Баллада о красках», «За того парня»

ням фронтовой авиации. Композиция М.И. Ножкина «Последний бой» из кинофильма «Освобождение» (1968 г.) рассказывала о последних боях 1945 года: «Мы так давно, мы так давно не отдыхали.// Нам было просто не до отдыха с тобой.// Мы пол-Европы по-пластунски пропахали.// И завтра, завтра, наконец, последний бой!»¹⁴.

Произведения о Великой Отечественной войне в те годы были в репертуаре практически всех известных советских эстрадных исполнителей, что

её исполнял, был Л.В. Лещенко, за что и получил Гран-при на Международном фестивале в польском г. Сопот в августе 1972 года¹⁵.

«Балладу о красках» помимо Магомаева пел И.Д. Кобзон. Она была написана в 1972 году поэтом Р.И. Рождественским и композитором О.Б. Фельцманом и рассказывала о судьбе многих участников Великой Отечественной войны, прошедших фронт и оставшихся в живых: «Был он рыжим, как из рыжиков рагу.// Рыжим, словно апельсины на снегу.// Мать

шутила, мать весёлою была:// “Я от солнышка сыночка родила...”// А другой был чёрным-чёрным у неё.// Чёрным, будто обгоревшее смольё.// Хохотала над расспросами она,// Говорила: “Слишком ночь была черна!”...». Далее поэт повествует о том, что братья в 1941 году ушли на фронт, где им в боях довелось почуять «рыжий бешеный огонь и чёрный дым»; они выжили, вернулись домой к матери: «Сыновья сидят рядом — к плечу плечо.// Ноги целы, руки целы — что ещё?// Пьют зелёное вино как повелось...// У обоих изменился цвет волос.// Стали волосы — смертельной белизны!// Видно, много белой краски у войны»¹⁶.

Рождественский в небольшом стихотворном тексте изложил драматическую историю обычной советской семьи, в которой сыновьям, участвовавшим в войне, удалось выжить и вернуться домой.

Много песен, посвящённых войне и написанных в 1960—1970-е годы, было в репертуаре популярной в те годы певицы М.В. Кристалинской: «На кургане», «Неизвестный солдат» (А.Н. Пахмутова, Е.А. Евтушенко), «Судьба» (Я.А. Френкель, Э.И. Пузырёв), «Сидят в обнимку ветераны» (А.Н. Пахмутова, Э.И. Пузырёв), «Если отец герой» (А.Н. Пахмутова, Н.Н. Добронравов).

«На кургане» исполняли и другие — Л.Р. Клемент, Г.М. Великанова, уже в 1980-е годы её пела Л.П. Сенчина. Песня была создана на стихи поэтессы Ю.В. Друниной — участницы войны. В 1964 году была выпущена пластинка с этой композицией, её часто передавали по радио, она стала широко известной, любимой и оставалась таковой долгие годы, что было связано как с текстом, так и с лирической, душевной музыкой А.П. Петрова, соответствовавшей драматической теме войны¹⁷.

Ю.В. Друнина через стихи рассказала об обычае, который родился в послевоенные годы

в Сталинграде (Волгограде). Молодые люди, любящие друг друга, дают клятву верности на месте исторических боёв и гибели тысяч защитников города — на Мамаевом кургане. «Над курганом ураганом, // Всё сметая, война пронеслась. // Здесь солдаты умирали, // Заслоняя сердцем нас. // У подножья обелиска // В карауле молодые деревца. // Сядем рядом, сядем близко, // Так, чтоб слышать друг друга сердца. // Мне милее и дороже // Человека нигде не сыскать. // Разве может, нет, не может // Сердце здесь, на кургане, солгать»¹⁸.

Здесь любовная лирика рядом с темой войны, но именно военные годы научили автора видеть ценность жизни, чувствовать радости каждого мгновения, ценить искренность, дружбу, прямоту и нравственную чистоту отношений. В этом и других стихотворениях Друниной осмыслен нравственный, исторический опыт войны¹⁹.

В 1975 году родилась одна из самых замечательных песен, посвящённых Великой Отечественной войне, — «День Победы». Её авторы — поэт-фронтовик В.Г. Харитонов и композитор Д.Ф. Тухманов — участвовали в конкурсе Союза композиторов СССР по случаю 30-летия Победы в Великой Отечественной войне. Первые песню в апреле 1975 года исполнила Т.А. Сашко, жена Тухманова, но отбор песни не прошла, призёром не стала и, более того, подверглась острой критике со стороны авторитетных членов Союза композиторов СССР, которые рассмотрели в ней элементы западной музыки, что было недопустимо в Советском Союзе.

Первый эфир «Дня Победы» состоялся в праздничном выпуске телепередачи «Голубой огонёк» 9 мая 1975 года. Её исполнил Л.А. Сметанников, что также особого впечатления теперь уже на рядовых слушателей не произвело. В ноябре 1975 года на концерте в честь

И.Д. Кобзон выступает перед воинами-интернационалистами в Афганистане

Дня милиции её спел Л.В. Лещенко, концерт был показан по Центральному телевидению, после чего она получила широкую известность и по-

Позже «День Победы» пели и другие певцы, но именно исполнение Лещенко, как считают многие, остаётся до сих пор самым лучшим. Песня

Именно военные годы научили автора видеть ценность жизни, чувствовать радости каждого мгновения, ценить искренность, дружбу, прямоту и нравственную чистоту отношений

пулярность. Тем самым подтвердилось значение исполнительского мастерства для продвижения песни в массы, без которого она даже при наличии хорошего текста и прекрасной музыки не станет популярной.

стала неофициальным гимном праздника, который мы ежегодно отмечаем 9 мая. Праздничное настроение в ней соединяется с пронзительными нотами скорби. Она наполнена чувством бескрайнего уважения ко всем, кто ценой своей

А.Н. Пахмутова

жизни защищал Отечество, повествует о тяжёлых трудовых буднях труженников тыла, в ней отражена тема всеобъемлющей любви к Родине: «День Победы, как он был от нас далёк, // Как в костре потухшем таял уголёк. // Были вёрсты, обгорелые в пыли, — // Этот день мы приближали, как могли. // Этот День Победы пороховом пропах. // Это праздник с сединою на висках. // Это радость со слезами на глазах. // День Победы, День Победы, День Победы!»²⁰.

В 1980-е годы (последнее советское десятилетие) было написано намного меньше песен, ставших популярными, любимыми. Прежде всего следует отметить творчество композитора и исполнителя Ю.М. Антонова. Он родился в последний год войны, рос в семье фронтовика, его детство и юность прошли в Белоруссии, на территории которой шли ожесточённые бои. Всё это, возможно, стало своеобразной подпиткой, которая вошла в сердце и душу Антонова. В определённый момент детские и юношеские впечатления раскрылись, и композитором были созданы две прекрасные песни — «Маки» и «Снегири».

Как вспоминал Антонов, для первой — «Маки» — толчком послужило стихотворение поэта-фронтовика Г.М. Поженина, написанное в 1974 году, в дальнейшем немного переработанное и ставшее песней в 1982 году. Она стала популярной благодаря как стихам Поженина, так и музыке Антонова — лаконичной, торжественной, но одновременно простой, искренней и доверительной, что нашло отклик у слушателей.

Песня «Снегири» была создана на стихи поэта-фронтовика М.А. Дудина. Стихотворение, посвящённое защитникам Ленинграда, было написано Дудиным сразу после войны, в 1945 году. В 1984 году Антонову показали текст, он ему понравился, так появилось

Р.И. Рождественский

ещё одно произведение о войне: «Эта память опять от зари до зари // Беспокойно листает страницы // И мне снятся всю ночь // На снегу снегири, // В белом инее красные птицы. // Белый полдень стоит // Над Вороньей горой (Воронья гора — стратегическая высота во время обороны Ленинграда в 1941—1944 гг. — **Прим. авт.**), // Где оглохла зима от обстрела, // Где на рваную землю, // На снег голубой // Снегирина стая слетела»²¹.

По итогам 1984 года песня «Снегири» была признана одной из лучших в стране и вошла в программу телевизионного фестиваля «Песня 1984», который транслировался по Центральному телевидению.

В первой половине 1980-х годов было создано ещё несколько произведений о Великой Отечественной войне: «Если б не было войны» (М.А. Минков, И.Д. Шаферан, 1981 г.) «Довоенный вальс» (П.К. Аедоницкий, Ф.Я. Лаубе, 1984 г.), «Майский вальс» (И.М. Лученок, М.А. Ясень, 1985 г.). Их исполняли В.В. Толкунова, И.Д. Кобзон, Я.А. Евдокимов.

Не всем песням о Великой Отечественной войне было суждено стать популярными и

любимыми у широкой аудитории. Секрет их удачного создания неизвестен, по крайней мере трудно заранее предсказать, что будет востребовано, а что нет. Решающее слово остаётся за публикой, прежние успехи и заслуги авторов здесь не помогают, чему примером может служить творчество ВИА «Песняры». К 40-летию юбилею Победы в 1985 году ансамбль записал на фирме «Мелодия» двойной диск-гигант «Через войну», на котором представлены 17 песен на стихи поэтов-фронтовиков А.Т. Твардовского, В.Е. Тараса, С.П. Гудзенко, М.В. Кульчицкого. Автором музыки был художественный руководитель ансамбля В.Г. Мулявин. Несмотря на положительные отзывы некоторых музыкальных критиков, популярности у широкой аудитории как весь альбом, так и отдельные песни не получили.

Примечательно, что в годы перестройки, когда стали меняться оценки и взгляды на историю нашей страны советского времени, включая период Великой Отечественной войны, каких-либо заметных и популярных песен о войне не появилось.

1960—1980-е годы — последний период в новейшей истории нашей страны, в течение которого антология песен о Великой Отечественной войне пополнилась произведениями, ставшими популярными, любимыми у широкой аудитории — от ветеранов до молодёжи. Восприятие войны, её отражение в коллективной памяти советских людей во многом было обусловлено созданными в те годы песнями. В дальнейшем каких-либо ярких, запоминающихся композиций не появилось, что во многом было связано с изменениями в отношении к советскому прошлому, включая годы войны, уходом фронтовых поэтов-песенников, коммерциализацией песенного творчества.

Опыт последнего советского двадцатипятилетия и после-

дующих лет показал, что создать подлинное произведение о войне по заказу, по расчёту, не прочувствовав эту святую для народов России тему, невозможно. Неслучайно практически все авторы песенных текстов за редким исключением (В.С. Высоцкий, Р.И. Рождественский) были участниками

войны. Содружество людей разных поколений — поэтов-фронтовиков, авторов музыки, переживших войну в детские годы, и молодых исполнителей, их высокий профессиональный уровень дали прекрасные результаты: были созданы замечательные песни, которые остаются востре-

бованными и в наши дни. Они и сегодня являются средством патриотического воспитания, служат напоминанием о ратном и трудовом подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны, помогают нынешнему поколению российских граждан выполнять свой долг перед Родиной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гавриков В.А. Феномен пения и песенная поэзия: функциональный аспект // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2010. Т. 16. № 3. С. 127.

² Лях В.И. Советская массовая песня в структуре культурного наследия России // Культура в фокусе научных парадигм. 2023. № 17. С. 87.

³ Макарская Л.В., Элькан О.Б. Роль вокально-инструментальных ансамблей в эволюции песенного жанра в советской музыке 1960—1980-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2024. Т. 30. № 1. С. 137, 138.

⁴ Черников А.П. «...Нам нужна одна победа»: тема Великой Отечественной войны в поэзии Булата Окуджавы // Литература в школе. 2014. № 1. С. 21.

⁵ Таиров В. Песни о войне Владимира Высоцкого. URL: <https://proza.ru/2020/05/31/1432>.

⁶ Гасанова М.А. Своеобразие военных песен Владимира Высоцкого // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: гуманитарные науки. 2016. Т. 31. № 2. С. 33.

⁷ Гавриков В.А. Песни Высоцкого о Великой Отечественной войне в контексте советской кинематогра-

фической историографии // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1. С. 101.

⁸ Васильев М. Лев Ошанин. Эх, дороги. URL <https://stihi.ru/2015/12/17/1691>.

⁹ Кикнадзе В.Г., Саенко А.С., Склерова Н.Ю. Проведение памятного дня «Без срока давности»: методическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: МПГУ, 2025. С. 320; Поющие гитары. Текст песни «Саласпилс». URL: <http://www.lyricshare.net/ru/poyuschie-gitaryi/salaspils.html>.

¹⁰ Дегтярёв Е.Е. Вокально-инструментальные ансамбли в музыкальной культуре Астрахани 60—80-х гг. XX в. // Гуманитарные исследования. 2008. № 4. С. 195.

¹¹ Празднова О.С. Специфика проникновения рок-культуры в СССР // Ценности и смыслы. 2017. № 3. С. 117.

¹² Баскин Л. Имя на поэтической поверке. Сергей Островой. URL: <https://stihi.ru/2019/05/07/3980>.

¹³ Чернова О.В. Историко-философские символы в песнях о Великой Отечественной войне // Великая Отечественная война 1941—1945 гг. в судьбах народов и регионов: сб. статей / Под ред. А.Ш. Кабирова. Казань: Изд-во Института истории имени Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2015. С. 564.

¹⁴ Ножкин М. Последний бой. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/4034909>.

¹⁵ Лещенко Л.В. Апология памяти. М.: Центрполиграф, 2001. С. 138.

¹⁶ Рождественский Р.И. Огромное небо: стихотворения, поэмы, песни. СПб.: Амфора; М.: Комсомольская правда, 2012. С. 107—110.

¹⁷ Алексеева А.А. Песенное творчество (60—80-е годы) // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2015. № 2. С. 131.

¹⁸ Друнина Ю.В. Избранное в 2 т. Т. 1. Стихотворения 1942—1978. М.: Художественная литература, 1989. С. 243.

¹⁹ Некрасова А.А. Великая Отечественная война в поэтическом творчестве Ю.В. Друниной // «Эхо русского народа»: отражение истории России XX века в поэтическом и песенном творчестве. Материалы III Международной молодёжной научно-практической конференции (Омск, 28 апреля 2015 г.). Омск: Изд-во Омского гос. тех. ун-та, 2015. С. 87.

²⁰ Харитонов В. День Победы. URL: <https://stihi.ru/2024/03/15/2650>.

²¹ Цветаев В. Через память мою. О военных песнях Юрия Антонова. URL: <https://russian.rt.com/opinion/1458810-cvetaev-voennaya-pesnya-yurii-antonov>.

S.A. Vlasov

«IT'S A GREAT HONOR TO WRITE ABOUT THE PEOPLE WHO FOUGHT»

The theme of the Great Patriotic War in songs by Soviet poets, composers, and performers (1960s to 1980s)

Information about author. Sergey Vlasov — senior researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sc. (Hist.) (city of Vladivostok. E-mail: vlasov54@bk.ru).

Summary. This paper explores the contributions of Soviet poets, composers, and artists to the collection of songs about the Great Patriotic War that was created between the 1960s and 1980s. These songs have become an important part of patriotic education for citizens of our country. It is not surprising that a large number of songs on the theme of war emerged during this period, as the topic of the Great Patriotic War and its legacy became more significant in Soviet society starting in the 1960s. Poets, composers, and artists addressed military themes in their work. The following objectives were addressed during the research for this paper: the roles of poet-bards Bulat Sh. Okudzhava and Vladimir S. Vysotsky examined; the contributions of vocal and instrumental ensembles considered; the creative work of front-line poets in creating songs about the Great Patriotic War studied; and the role of performers in bringing these songs to the public explored. The conclusion is that the songs from the 1960s and 1980s have withstood the test of time. They remain beloved and popular, and rightfully occupy a place among the finest Soviet songs about the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War; song lyrics; patriotic education; front-line poets; composers and performers; memory of the war.

«ЗАНИМАЕМОЙ ДОЛЖНОСТИ СООТВЕТСТВУЕТ. ДОСТОИН ПРОДВИЖЕНИЯ НА ДОЛЖНОСТЬ КОМАНДИРА АВИАЭСКАДРИЛЬИ»

Тайны миссии подполковника А.И. Апанасенко в ходе визита лидеров СССР
в Великобританию в 1956 году

Сведения об авторе. Карташев Андрей Владимирович — начальник центра изучения истории медицины Ставропольского государственного медицинского университета, доктор исторических наук, доцент (г. Ставрополь. E-mail: andreyu_kartashev@rambler.ru).

Аннотация. В ходе лондонского визита в 1956 году в состав советской делегации во главе с лидерами страны Н.А. Булганиным и Н.С. Хрущёвым был включён заместитель командира тяжёлого бомбардировочного авиационного полка подполковник Алексей Иванович Апанасенко. В домашнем архиве его потомков сохранились редкие фотоматериалы о пребывании строевого лётчика на Британской земле. Согласно семейной истории он входил в состав экипажа одного из первых реактивных авиалайнеров Ту-104, летавших в Лондон в апреле 1956 года. Однако возникает вопрос: мог ли офицер Военно-воздушных сил, пилотировавший оснащённые ядерным оружием бомбардировщики Ту-16, быть допущен к управлению пассажирским самолётом в таком ответственном перелёте. В процессе дальнейшего исследования документов из личного дела А.И. Апанасенко и материалов английской прессы того периода автором рассмотрены альтернативные версии зарубежной командировки военного лётчика.

Ключевые слова: официальный визит советской делегации в Лондон в 1956 году; Ту-104; Ту-16; аэропорт Хитроу; атомный центр в Харуэлле; лётные испытания; Королевские ВВС; авиабаза тяжёлых бомбардировщиков в Мархэме; Н.А. Булганин; Н.С. Хрущёв; А.И. Апанасенко; И.В. Курчатова; А.Н. Туполев; И.А. Серов; А.К. Стариков; В.А. Иванов; Э. Иден.

В домашнем фотоальбоме потомков участника Великой Отечественной войны военного лётчика Алексея Ивановича Апанасенко (1915—1995) хранятся уникальные фотографии, неопровержимо свидетельствующие о том, что их отец, дед и прадед в апреле 1956 года побывал в Англии. Семейная история гласит, что во время визита Н.С. Хрущёва в Лондон по его распоряжению туда были присланы три новых самолёта Ту-104. За штурвалом одного из них находился Алексей Иванович. В то время в гражданской авиации лётчиков, подготовленных для полётов на реактивных пассажирских лайнерах, ещё не было, поэтому вести одну из машин поручили военному экипажу.

18 апреля 1956 года первые официальные лица СССР — председатель Совета министров Н.А. Булганин и Генеральный секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущёв — по приглашению правительства Её Королевского Величества прибыли в Лондон для переговоров с премьер-министром Англии Энтони Иденом.

Как отмечала газета «Правда», переговоры проводились обеими сторонами в духе откровенности и реализма. На них были затронуты многие актуальные вопросы международной политики. В частности, переговорщики высказали твёрдое намерение сделать всё возможное для поддержания мира и безопасности

На первой из фотографий — три человека на фоне авиалайнера Ту-104 с бортовым номером Л5400. Надпись под ней гласит: «Лондон, аэродром Хитроу, апрель 1956 года». Второй снимок не менее красноречив: три человека у могилы Карла Маркса на Хайгейтском кладбище. На обоих снимках среди неизвестных лиц фигурирует строевой лётчик А.И. Апанасенко, занимавший в то время должность заместителя командира бомбардировочного авиационного полка. Как получилось, что этот офицер в разгар «холодной войны» оказался в Великобритании, и мог ли он находиться за штурвалом новейшего пассажирского авиалайнера?

на Ближнем и Среднем Востоке. Обе стороны достигли согласия в том, что окончательное запрещение ядерного оружия является их общей целью и они приложат все усилия для её достижения. Представители Советского Союза и Соединённого Королевства признали, что укрепление советско-английских отношений

в политической сфере, в области торговли, науки, культуры и в других отраслях отвечает интересам народов обеих стран¹.

Но даже при такой миролюбивой миссии Н.А. Булганин и Н.С. Хрущёв решили продемонстрировать англичанам и всему миру силу и мощь советской науки и техники. Поэтому неслучайно в составе делегации находились академики И.В. Курчатов и А.Н. Туполев². Наряду с переговорами, которые шли почти ежедневно, советская делегация 21 апреля посетила научно-исследовательский атомный центр в Харуэлле. Лекция, прочитанная здесь И.В. Курчатовым английским учёным, вызвала большой интерес. Газета «Daily Express» писала, что он произвёл сенсацию, показав, что Россия намного опередила Англию и, вероятно, Америку в стремлении поставить термоядерную энергию на службу промышленности. Курчатов поразил аудиторию, «во-первых, сообщив, что русские закончили эксперименты, которые в Харуэлле находятся только в стадии планирования; во-вторых, тем, что он привёл все подробности используемых методов, иллюстрируя это цифрами и формулами, которые считаются совершенно секретными в Англии и Соединённых Штатах... Он отвечал на все вопросы очень подробно, не пытаясь уклониться от ответа... Учёные Харуэлла устроили ему овацию»³. У А.Н. Туполева была своя миссия. Он представлял ОКБ «Туполев», которому удалось создать первый в СССР реактивный пассажирский самолёт, превзошедший английский аналог.

Ещё накануне визита советских лидеров в лондонском аэропорту Хитроу стали поочерёдно приземляться новые реактивные пассажирские самолёты Ту-104. 22 марта 1956 года сюда прибыл председатель Комитета Государственной безопасности СССР генерал армии И.А. Серов. Он занимался подготовкой визита В. & К. (так обозначала английская пресса Булганина и Хрущёва) и вёл по этому поводу переговоры с руководством Скотланд-Ярда.

А.И. Апанасенко (справа) у самолёта Ту-104 с бортовым номером Л5400 в аэропорту Хитроу
Лондон, апрель 1956 г.

А.И. Апанасенко (справа) у могилы Карла Маркса на Хайгейтском кладбище
Лондон, апрель 1956 г.

Н.А. Булганин, Н.С. Хрущёв, И.В. Курчатов и А.Н. Туполев
(справа налево) на борту крейсера «Орджоникидзе»
Апрель 1956 г.

Визит министра энергетики СССР Г.М. Маленкова в Лондон
Апрель 1956 г.

Н.А. Булганин, Н.С. Хрущёв и сопровождающие их лица перед
полётом из Лондона в Бирмингем
23 апреля 1956 г.
Фонд ГЦМСИР

«Иван едет в Ярд», — сообщила 23 марта газета «Lincolnshire Echo». На первой странице были помещены фотографии генерала Серова и советского самолёта с бортовым номером Л5400. Здесь же была приведена выдержка из газеты «Daily News», которая отозвалась на приезд руководителя КГБ статьёй с таким заголовком: «Главный Красный полицейский — пройдоха (или негодяй. — **Прим. авт.**), но самолёт очень хороший» («Top Red Cop a Bounder, but Plane is Jolly Good»)⁴.

27 марта английские газеты сообщили об отлёте генерала: «Серов уезжает, но он вернётся». Кроме этой новости, в прессе звучали опасения по поводу того, что Советский Союз создал хороший самолёт, который по техническим характеристикам лучше английской «Кометы», и что в авиастроении начинается жёсткая конкуренция: авиалайнеры Ту-104 могут быть предложены таким странам, как Индия, где будут рады получить их по дешёвой цене⁵.

Таким образом, первый прилёт Ту-104 произвёл в Великобритании настоящий фурор. Ведь англичане первыми создали реактивный пассажирский самолёт под названием «Комета» («Comet»), но после катастрофы в 1954 году работы по сборке нового авиалайнера были остановлены. И появление у Советского Союза подобной серийной машины выводило Гражданский воздушный флот СССР на первое место в мире.

В марте—апреле 1956 года в Лондоне побывала группа под руководством министра энергетики СССР Г.М. Маленкова. Как писала английская пресса, в своём трёхнедельном туре по Великобритании советские специалисты посетили ряд электростанций, атомных исследовательских центров и заводов. «Маленков показывает британцам свой самолёт, а затем летит домой в Москву», — писала газета «The Evening News» 7 апреля 1956 года, в день отбытия советского министра в Москву⁶.

Готовясь заранее к встрече высоких гостей, уже 3 апреля англичане знали о прибытии в Лондон 15 апреля десяти советских артистов балета, певцов и музыкантов. Доставить их в Англию должен был всё тот же новый пассажирский реактивный самолёт Ту-104⁷. 17 апреля газета «Daily Mirror» сообщила о прилёте днём ранее одного экипажа Ту-104 «с партией шампанского и багажа для вечеринки Булганина и Хрущёва»⁸. Как видно, первые советские авиалайнеры Ту-104 регулярно появлялись в аэропорту Хитроу. Таким образом, интерес к их создателю, авиаконструктору А.Н. Туполеву, был подготовлен советской стороной заблаговременно. Сам же Туполев прибыл в Великобританию вместе с Булганиным и Хрущёвым утром 18 апреля на крейсере «Орджоникидзе»⁹.

В четверг 19 апреля начались официальные мероприятия. На завтраке у посла СССР в Великобритании Якова Малика присутствовали Булганин, Хрущёв, академики Курчатов, Туполев и ряд других товарищей, а с британской стороны — группа гостей во главе с Иденом. В своём приветственном слове Н.С. Хрущёв упомянул авиаконструктора А.Н. Туполева: самолёт его конструкции покрывает расстояние от Москвы до Лондона за три с половиной часа, а военные самолёты летают с ещё большей скоростью. «А возьмите баллистические межконтинентальные управляемые снаряды, которые покрывают такие расстояния за несколько минут»¹⁰, — добавил Никита Сергеевич.

В ответ на подобные заявления советского лидера английские газеты распространили слух о том, что реактивный авиалайнер Ту-104 является лишь прототипом машины, находящейся в стадии опытно-конструкторских полётов. Было высказано предположение, что русские просто перекрашивали бортовые номера одного и того же лайнера каждый раз, когда он возвращался в Москву. Издание «Western Mail & Mouth Wales News» в четверг 26 апре-

**А.И. Апанасенко —
курсант лётного училища
г. Сталинград, 1936 г.**

ля сообщило: чтобы опровергнуть слухи, русские 25 апреля намеренно выставили напоказ в лондонском аэропорту сразу три Ту-104. Как отмечалось в статье, «никто больше не может сомневаться в серьёзности планирования российской авиакомпании». Помимо полётов до прибытия Булганина и Хрущёва эти авиалайнеры несли регулярную ежедневную курьерскую службу в течение всего времени пребывания российских лидеров в Великобритании. Таким образом, как утверждали британские газетчики, русские налетали около 100 часов, получив бесценные эксплуатационные данные для будущего обслуживания реактивных машин. Нет сомнений, писало издание, что они использовали возможности «доброй воли», предоставленные им, с большой выгодой для себя. В этой же статье говорилось, что один Ту-104 прибыл во вторник, т.е. 24 апреля, оставшись в аэропорту на ночь, а 25 апреля к нему присоединились два других самолёта. Один из лайнеров планировался к вылету обратно в Москву в полдень 26 апреля, два других — 27 и 28 числа, в пятницу и субботу соответственно¹¹.

25 апреля, после того как все три самолёта оказались в Хитроу, сотрудники советского посольства пригласили группу высокопоставленных лиц английской стороны посетить один из них. Два других были ненадолго открыты для публики на следующий день¹². И, судя по сохранившейся кинохронике, осмотр самолётов состоялся. На кадрах отчётливо видны их бортовые номера: Л5400, Л5412, Л5413¹³, а также толпа людей на лётном поле. Н.С. Хрущёв жмёт руку членам экипажа, вокруг операторы с кинокамерами. К обоим входам самолётов поданы трапы, люки открыты, люди поднимаются в салон.

Возвращаясь к вопросу о том, что делал подполковник Апанасенко в Англии в апреле 1956 года, семейную легенду можно назвать лишь одной из версий, которой нет прямых подтверждений. Действительно, новый авиалайнер тогда ещё не был передан в ГВФ, испытывали его военные авиаторы. Одним из лётчиков-испытателей Ту-104 был Анатолий Константинович Стариков (1920—1980). С 1951 по 1966 год он служил в Государственном Краснознамённом научно-испытательном институте Военно-воздушных сил (ГК НИИ ВВС), проводя госиспытания самолётов Ту-16, Ту-104, Ту-124 и участвуя в испытаниях Ил-18 и Ан-10А. Именно Стариков со своим экипажем 22 марта 1956 года на Ту-104 выполнил первый международный перелёт отечественного реактивного пассажирского лайнера по маршруту Москва — Лондон. В 1957 году подполковник А.К. Стариков был удостоен звания Героя Советского Союза. В 1960 году ему было присвоено воинское звание полковника, а в 1961-м — почётное звание заслуженного лётчика-испытателя СССР¹⁴. Ещё одним первым пилотом экипажа Ту-104, летавшего в Лондон в апреле 1956 года, был лётчик-испытатель того же ГК НИИ ВВС полковник Виктор Алексеевич Иванов (1916—1969). Его фотографию в кабине этого самолёта опубликовала газета

Лётный состав 210-го гвардейского бомбардировочного
авиационного полка
1945 г.

А.И. Апанасенко с курсантами в учебной аудитории авиационного
оборудования
г. Ставрополь, 1980 г.

А.И. Апанасенко на территории авиаучилища
г. Ставрополь, 1980 г.

«Daily Express» 27 апреля 1956 года. Так же как и А.К. Стариков, в 1957 году он был удостоен звания Героя Советского Союза. Виктор Алексеевич принимал участие в испытаниях самолётов Ту-4, Ту-85, Ту-70, Ил-28, Ту-16, Ил-40, Ту-104, Ту-95 и других машин¹⁵. В государственных испытаниях Ту-104, кроме А.К. Старикова и В.А. Иванова, участвовали экипажи ГК НИИ ВВС под руководством Ю.А. Антипова и В.Д. Хромова, а также лётчики Лётно-исследовательского института имени М.М. Громова (ЛИИ) и Харьковского авиационного завода С.Ф. Машковский, Ф.Ф. Доценко и др.

В случае необходимости к выполнению задачи по перегонке Ту-104 можно было привлечь и других пилотов. Первым, кто поднял в воздух Ту-104 с бортовым номером Л5400 на заводских испытаниях 17 июня 1955 года, был экипаж в составе лётчиков Ю.Т. Алашеева и Б.М. Тимошока, штурмана П.Н. Руднева, механика И.Д. Иванова и радиста Н. Майорова. В ноябре 1955 года самолёт с бортовым номером Л5412 поднял в небо экипаж под командованием лётчика-испытателя ОКБ «Туполева» под руководством командира В.Ф. Ковалёва. Как видно, лётного состава во всех организациях было достаточно, чтобы пригнать три реактивных лайнера в Лондон. И для этого вряд ли могла понадобиться помощь военного лётчика бомбардировочного полка.

Есть ещё одна версия пребывания А.И. Апанасенко в Великобритании. На интернет-форуме профессиональных пилотов PPRuNe.org (штаб-квартира в Калифорнии) была опубликована интересная запись: «Также было по крайней мере два Ил-14 советских ВВС. Они прибыли вместе с СССР-Л5400 16 апреля 1956 года, и мне посчастливилось увидеть их всех из дома моих родителей»¹⁶. Если верить данному свидетельству, А.И. Апанасенко мог находиться в группе самолётов, сопровождавших Ту-104. Но были ли

способны тихоходные Ил-14 с дальностью полёта 1250 километров сопровождать на расстояние 2000 км лайнеры, летевшие со скоростью 850 км/ч? Конечно, нет. Даже если предположить, что Ил-14 вылетели из-под Калининграда и пристроились к Ту-104 уже на трассе. За время службы А.И. Апанасенко согласно материалам из его личного дела летал на многих типах самолётов — По-2, Р-5, Ил-4, Б-25, Ту-4. В 1956 году он освоил Ту-16¹⁷. Ил-14 среди них не было, а потому прилететь в Лондон на этой машине он просто не мог.

Третья версия строится на том, что в ожидании визита Н.А. Булганина и Н.С. Хрущёва английская сторона через прессу сообщила о запланированных мероприятиях, среди которых была демонстрация советским лидерам новейших самолётов Королевских ВВС на авиабазе тяжёлых бомбардировщиков в Мархэме (Норфолк). И даже называлась дата этого показа — 23 апреля. Британцы знали, что в составе советской группы из 13 VIP-персон будет присутствовать А.Н. Туполев, создавший российский реактивный самолет Ту-104¹⁸. Разумеется, знала о планах посещения авиабазы и советская сторона.

Андрей Николаевич Туполев был в первую очередь создателем советских бомбардировщиков. Это его Ту-16 стал прототипом для

первого реактивного авиалайнера Ту-104. И вполне логично предположить, что для посещения английской авиабазы в группу советских специалистов, сопровождавших Булганина и Хрущёва в поездке по Англии, кроме Туполева, были включены военные лётчики, летавшие на тяжёлых бомбардировщиках Ту-16, в т.ч. и заместитель командира 685-го тяжёлого авиационного полка по лётной подготовке подполковник А.И. Апанасенко.

Алексей Иванович Апанасенко — выходец из крестьянской семьи — родился 16 марта 1915 года в селе Безопасное Ставропольского края, где окончил четыре класса начальной школы, после чего переехал в Ставрополь. Отучившись здесь в семилетней школе, он в 1932 году уехал в Ленинград, где поступил на курсы рабфака и одновременно работал электромонтёром в инженерно-строительном отделе городского управления НКВД. С 1935 по 1936 год Апанасенко трудился в той же должности на заводе «Светлана», а в августе 1936 года по спецнабору поступил в Сталинградское военное авиационное училище лётчиков. Будучи старшиной учебной группы, он успешно справлялся со своими обязанностями и как командир пользовался авторитетом среди однокашников. Тем более что учился старшина на «хорошо» и «отлично». На последнем году

обучения Алексей Иванович стал кандидатом в члены ВКП(б), был хорошо политически развит, идеологически устойчив, добросовестно выполнял партийные поручения. По выпуску из училища он получил звание лейтенанта и в декабре 1939 года стал лётчиком-инструктором в Краснодарском авиационном училище. С октября 1941 по ноябрь 1944 года А.И. Апанасенко служил в воздушно-десантных войсках в качестве командира корабля, сначала в 9-й и 10-й отдельных авиационных эскадрильях ВДВ, затем в 1-м учебном авиационно-планерном полку ВДВ и отдельном авиационно-планерном полку двухмоторных самолётов ВДВ. Авиационные части ВДВ располагались на значительном расстоянии от линии фронта, их экипажи летали в тыл противника, перебрасывая парашютным способом партизан и доставляя им тем же путём оружие и боеприпасы. Самолёты часто использовались в качестве буксировщиков планеров, которые направлялись для разведки или иных целей за линию фронта. Этим объясняется запись в личном деле А.И. Апанасенко: «В Великой Отечественной войне участия не принимал». Позже он всё же получил статус участника Великой Отечественной войны и в 1985 году был награждён орденом Отечественной войны 2-й степени.

Тяжёлый реактивный многоцелевой самолёт Ту-16

Три авиалайнера Ту-104 в аэропорту Хитроу
25 апреля 1956 г.

А.Н. Туполев и лётчик-испытатель А.К. Стариков после возвращения
Ту-104 из Лондона в Москву
Март 1956 г.

Экипаж Ту-104 перед полётом в Англию (второй слева А.К. Стариков)
1956 г.
Фонд НГИАМЗ

А в ноябре 1944 года планерный полк, в котором служил Алексей Иванович, был преобразован в 210-й гвардейский бомбардировочный авиационный полк. В нём старший лейтенант Апанасенко вырос до майора, стал заместителем командира авиационной эскадрильи. В январе 1952 года А.И. Апанасенко занял должность командира авиационной эскадрильи 200-го гвардейского тяжёлобомбардировочного авиационного Брестского полка дальней авиации, входившего в состав 22-й гвардейской тяжёлобомбардировочной авиационной Донбасской Краснознамённой дивизии, а с августа 1955 года — заместителя командира по лётной подготовке 685-го тяжёлого авиационного полка 116-й тяжёлой авиационной дивизии дальней авиации, получившего на вооружение бомбардировщики Ту-16¹⁹.

Служебный рост А.И. Апанасенко сопровождался положительными характеристиками и аттестациями по специальности как лётчика, как командира и как коммуниста. Отдельные замечания и недостатки в работе не были принципиальными при рассмотрении его кандидатуры для назначения на вышестоящую должность. «С обязанностями зам. командира АЭ справляется отлично. Физически развит. Строгая подготовка хорошая. Здоров. Вывод: занимаемой должности соответствует. Достоин продвижения на должность командира авиаэскадрильи», — отмечалось в одной из его характеристик²⁰.

Как видно, подполковник (с 1953 г.) А.И. Апанасенко оказался достойной кандидатурой для отправки в зарубежную командировку в Англию — страну из недружественного СССР капиталистического лагеря. Можно предположить, что, будучи направленным для ознакомления с тяжёлой бомбардировочной авиацией Королевских ВВС Великобритании, подполковник А.И. Апанасенко, освоивший военный аналог пассажирского авиалайнера — бомбардировщик Ту-16, всё же мог находиться на

борту Ту-104 или как второй пилот, или как член дублирующего экипажа.

Командировка в Великобританию для Алексея Ивановича стала достойным венцом его служебной карьеры. Он был уволен в запас из рядов Вооружённых сил СССР 21 февраля 1957 года, меньше чем через год после этой поездки, отдав армейской службе более 20 календарных лет (в льготном исчислении — 37 лет 4 месяца). За период лётной работы он налетал на различных типах самолётов 2380 часов, из них 430 ночью, а на Ту-16 — 58 часов.

После увольнения А.И. Апанасенко работал начальником АХО в Ставропольском авиаотряде ГВФ, заместителем директора по АХЧ в кооперативном техникуме, управляющим домами домоуправления № 1 Ленинского района г. Ставрополя. Автор статьи в первой половине

1980-х годов он запомнился сотрудником учебного отдела Ставропольского высшего военного авиационного училища лётчиков и штурманов имени маршала авиации В.А. Судца. Встретить его можно было и на авиационном тренажёре, и в учебной аудитории, где курсанты осваивали азы авиационного оборудования и самолётовождения. Одновременно он выполнял обязанности садовника: на территории училища выращивал цветы и ухаживал за клумбами. В праздничные дни грудь А.И. Апанасенко украшали орден Красного Знамени и два ордена Красной Звезды. Из его личного дела стало известно, что одним орденом Красной Звезды он был награждён в 1951 году за выслугу лет, вторым орденом Красной Звезды и орденом Красного Знамени — в соответствии с приказом 0015-50 за овладение

полётами ночью и в сложных метеоусловиях днём и ночью, соответственно в 1954 и 1955 гг.

В начале 1990-х годов бывший военный лётчик работал сапожником в небольшой мастерской на углу улиц Ленина и Краснофлотской города Ставрополя. Об этом периоде его жизни свидетельствует одна из фотографий семейного альбома. Алексей Иванович не раз доказывал своим трудом, что у него золотые руки и многое в этой жизни ему по плечу.

Алексей Иванович Апанасенко ушёл из жизни 20 мая 1995 года, прожив ровно 80 лет. В первые постсоветские годы он уже, наверное, мог бы точно сказать своим близким, как оказался в Лондоне и какую миссию там выполнял. Но он этого не сделал, как и положено воину, давшему однажды клятву: строго хранить военную и государственную тайну.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Заявление о переговорах Председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина и Члена Президиума Верховного Совета СССР Н.С. Хрущёва с Премьер-министром Соединённого Королевства сэром Антони Иденом // Правда. 1956. 27 апреля. С. 1.

² Там же. 20 апреля.

³ Отклики в Англии на лекцию академика И.В. Курчатова // Там же. 27 апреля.

⁴ Lincolnshire Echo. 1956. March 23. P. 1.

⁵ Daily Post. 1956. March 27.

⁶ Huddersfield Daily Examiner. 1956. April 7.

⁷ The Scotsman. 1956. 3 April.

⁸ Daily Mirror. 1956. 17 April.

⁹ Правда. 1956. 19 апреля.

¹⁰ Там же. 20 апреля.

¹¹ Harry C. Drake. Russians parade 3 new jets // Western Mail & Mouth Wales News. 1956. April 26.

¹² M.P.s Will See Russian jet // Evening News (London). 1956. April 25.

¹³ Это были машины так называемой нулевой серии самолёта Ту-104. Их испытания ещё не были завершены на момент полёта в Лондон.

¹⁴ Герои Советского Союза: краткий биографический словарь. Т. 2. М.: Воениздат, 1988. С. 514.

¹⁵ Там же. Т. 1. М.: Воениздат, 1987. С. 567.

¹⁶ Tu-104 movements, LHR, March—April 1956 [Archive] // Professional Pilots Rumour Network (PPRuNe.org). URL: <https://www.pprune.org/archive/index.php/t-507692.html>.

¹⁷ Архив военного комиссариата города Ставрополя. Личное дело А.И. Апанасенко.

¹⁸ Evening News (London). 1956. April 13.

¹⁹ Архив военного комиссариата города Ставрополя. Личное дело А.И. Апанасенко.

²⁰ Там же.

A.V. Kartashev

«HE IS WELL-SUITED FOR THE POSITION HE CURRENTLY HOLDS AND DESERVES TO BE PROMOTED TO SQUADRON COMMANDER»

The secrets of Lieutenant Colonel A.I. Apanasenko's mission during the USSR leaders' visit to Great Britain in 1956

Information about author. Andrey Kartashev — head of the Center for the Study of the History of Medicine, Stavropol State Medical University, D. Sc. (Hist.), associate professor (city of Stavropol. E-mail: andrey_kartashev@rambler.ru).

Summary. During a trip to London in 1956, Lieutenant Colonel Alexey I. Apanasenko, a deputy commander of a heavy bomber aviation regiment, was a member of the Soviet delegation led by Nikolay A. Bulganin and Nikita S. Khrushchov. The family of his descendants has preserved rare photographs from his time in Britain. According to their family history, Apanasenko was part of the crew that flew one of the first Tu-104 jets to London in April 1956. However, the question arises: would an Air Force officer who had piloted nuclear-armed Tu-16 bombers be allowed to fly a passenger aircraft on a critical flight? Through further research into the documents from A.I. Apanasenko's personal file and British press materials from that time period, the author explored alternative scenarios for the military pilot's overseas assignment.

Keywords: official visit of the Soviet delegation to London in 1956; Tu-104; Tu-16; Heathrow Airport; nuclear center in Harwell; flight tests; Royal Air Force; heavy bomber airbase at Marham; N.A. Bulganin; N.S. Khrushchov; A.I. Apanasenko; I.V. Kurchatov; A.N. Tupolev; I.A. Serov; A.K. Starikov; V.A. Ivanov; Anthony Eden.

«УБЕЖДЁННЫЙ В СВОЁМ ПРЕВОСХОДСТВЕ НАД ДРУГИМИ»

Судьба инженер-флагмана 3 ранга А.Д. Посаженикова

Сведения об авторе. Близниченко Сергей Сергеевич — доцент кафедры транспортных сооружений Кубанского государственного технологического университета, кандидат технических наук (г. Краснодар. E-mail: Flagman.Flota@yandex.ru).

Аннотация. В статье описывается судьба флотского специалиста-кораблестроителя инженер-флагмана 3 ранга А.Д. Посаженикова, внёсшего большой вклад в становление и развитие отечественного военного кораблестроения, но, несмотря на это, ставшего жертвой политических репрессий в 1937 году. Приводятся яркие эпизоды противостояния молодой советской республики с интервентами и белогвардейцами на севере страны, становления Морских сил Северного моря, укрепления системы управлений по обеспечению безопасности кораблевождения Севера, технического перевооружения Дальневосточной военной флотилии.

Ключевые слова: Рабоче-крестьянский Красный флот; Техническое управление ВМС РККА; кораблестроение; Морское инженерное училище; инженер-флагман 3 ранга А.Д. Посажеников; Гражданская война; интервенты; Морские силы Северного моря; Котласский военный порт; Архангельский военный порт; магнитные мины; судоподъём; Управление безопасности кораблевождения Севера; Дальневосточная военная флотилия; НКВД; политические репрессии 1930-х годов.

Алексей Дамианович Посажеников родился в семье выходцев из крестьян 3(15) июля 1895 года в г. Выборге (ныне Ленинградской обл.)¹. Когда ему исполнилось девять лет, разразилась Русско-японская война. На неокрепшую душу мальчика неизгладимое впечатление произвело известие о гибели в Цусимском сражении кораблей 2-й эскадры Тихоокеанского флота. Именно в то время у

него зародилось страстное желание стать морским офицером. Через несколько лет, в 1912 году, Алексей был зачислен в Морское инженерное училище, располагавшееся в Кронштадте². Это учебное заведение вело свою историю с 1798 года, когда было образовано Училище корабельной архитектуры³. С тех пор из его стен вышло немало выдающихся инженеров флота: учёных и кораблестроителей.

Гардемарин Алексей Посажеников учился с большим желанием, стремился поскорее стать инженером флота и принять участие в начавшейся Первой мировой войне. 30 июля 1917 года по окончании Морского инженерного училища он получил звание подпоручика по Адмиралтейству⁴ и был направлен на действующий флот Балтийского моря. Местом его первой службы стал Кронштадтский судостроительный завод. Там же Алексей Дамианович встретил Февральскую, а затем и Октябрьскую революции.

В феврале 1918 года А.Д. Посажеников вступил в ряды Рабоче-крестьянского Крас-

ного флота (РККФ)⁵ и весной следующего года был направлен на Север страны, где получил назначение главным инженером Котласского военного порта⁶. В то время Архангельск и прилегавшие к нему территории были оккупированы интервентами Великобритании и США, насчитывавшими свыше 56 тыс. солдат и офицеров (включая экипажи кораблей)⁷. В результате насильственной мобилизации, проведённой среди местного населения, также увеличилась численность белогвардейских войск, которыми последовательно командовали генералы В.В. Марушевский и Е.К. Миллер. Белогвардейская флотилия

состояла из канонерской лодки и 12 катеров.

В течение мая и июня 1919 года интервенты и белогвардейцы возобновили попытки развернуть наступление на Котлас. Завязались напряжённые бои на суше и на реке Северная Двина. Противник вначале смог несколько потеснить красновардейские части, но большего ему добиться не удалось. Под ударами Красной армии и вследствие резкого понижения уровня воды в реке английские корабли поспешно покинули Архангельск, а державшиеся ещё несколько дней войска генерала Миллера перешли к отступлению. Однако продвижение Северо-Двинской флотилии задерживалось

магнитными минами, которые впервые в истории боевых действий на море и реках были применены английскими кораблями для прикрытия отхода своих войск. Средств борьбы с ними тогда ещё не было не только у советского флота, но и у самих англичан⁸.

Главному инженеру Котласского военного порта А.Д. Посаженникову было поручено разобраться в этом вопросе и предложить новый метод траления акватории. Под его руководством моряки приступили к выполнению этой сложной боевой задачи: были задействованы все 11 имевшихся в наличии тральщиков и другие суда флотилии, для ускорения работ минный отряд усилили 150 матросами⁹. Однако применение обычных тралов не давало результатов, попытки уничтожить новые мины с их помощью даже закончились подрывом трёх тральщиков. После этого А.Д. Посаженников направил к месту установки минного заграждения водолазов Котласского военного порта с задачей извлечь на поверхность хотя бы одну магнитную мину. 29 октября водолазам удалось вытащить такой экземпляр, который сразу же был направлен на исследование. В результате тщательного анализа минёры под руководством А.Д. Посаженникова разработали несколько новых конструкций тралов, но и это не дало большого эффекта. Тогда помогла флотская смекалка: по предложению Алексея Дамиановича моряки быстро углубили обходной фарватер и по нему провели корабли флотилии. В результате они смогли возобновить огневую поддержку частей Красной армии, встретивших сопротивление белогвардейцев в районе реки Шепилиха. Совместными усилиями экипажей судов и сухопутных войск противник был выбит с занимаемых позиций. Однако в связи с приближением ле-

доставка кораблям пришлось уйти на зимовку. Наступление временно приостановилось¹⁰.

Зимой 1919/20 года главный инженер Котласского военного порта А.Д. Посаженников организовал ремонт кораблей Северо-Двинской военной флотилии силами работников портовых механических мастерских. Он лично возглавил комиссию по обследованию состояния судов и разработал план ремонтных и восстановительных работ. К началу весеннего паводка на реке эти работы были в основном завершены.

В начале 1920 года наступательные действия 6-й армии советских войск возобновились. Флотилия выделила для борьбы на суше отряд из 736 моряков и сформировала бронепоезд «Красный моряк»¹¹. В оборудовании бронепоезда А.Д. Посаженников принимал личное участие: разрабатывал чертежи и руководил монтажными работами. К началу боевых действий бронепоезд был полностью оборудован артиллерийскими орудиями и вспомогательными помещениями для размещения личного состава, боезапаса и продовольствия.

Наступление советских войск на Архангельск развивалось успешно. Под ударами красноармейцев и краснофлотцев солдаты белогвардейских частей начали сдаваться в плен целыми подразделениями. 20 февраля 1920 года войска 6-й армии вступили в Архангельск. Перед этим в городе вспыхнуло восстание рабочих и матросов. Восставшие освободили из тюрем политических заключённых, вступили в бой с остатками белогвардейских войск и помешали им увести корабли, находившиеся в порту, в т.ч. линкор «Чесма», 2 миноносца, подводную лодку «Св. Георгий», 2 посыльных судна, 6 тральщиков, ледокол «Святогор»¹².

После изгнания интервентов и белогвардейцев на

Северном морском театре из оставшихся кораблей и береговых частей 1 марта 1920 года была сформирована Беломорская флотилия. 25 апреля её переименовали в Морские силы Северного моря (МССМ). Основное ядро этих сил составили 2 миноносца («Капитан Юрасовский» и «Лейтенант Сергеев»), отряд моторных катеров-истребителей, 12 тральщиков, посыльное судно «Ярославна», 7 гидрографических судов, несколько буксиров и вспомогательных судов. В состав нового объединения были включены также корабли бывшей Северо-Двинской флотилии¹³, Управление по обеспечению безопасности кораблевождения (УБЕКО), военные порты и морские учреждения, посты наблюдения и радиостанции по всему побережью Баренцева, Белого и Карского морей¹⁴. Главной базой МССМ стал Архангельск, где размещались штаб и политотдел. Начальником Морских сил Северного моря был назначен В.Н. Варваца, начальником политотдела — Э.И. Батис¹⁵. Основные задачи МССМ заключались в охране территориальных вод, побережья и рыбных промыслов, тралении мин, подъёме затонувших судов, обеспечении безопасности кораблевождения на Севере, проведении гидрографических исследований¹⁶. Тогда же, в марте 1920 года, А.Д. Посаженников был назначен начальником технического отдела Архангельского военного порта¹⁷.

Под его непосредственным руководством проводилось восстановление повреждённых миноносцев, сторожевых кораблей, тральщиков и вспомогательных судов. Возглавлявшаяся Алексеем Дамиановичем группа инженеров-корабелов и инженеров-механиков техотдела разрабатывала технические задания на ремонт кораблей и следила за работами. Помимо

Морское инженерное училище в Кронштадте

Командиры штаба МС РККА. Сидят справа налево:
А.Д. Посаженников, П.И. Смирнов, Я.И. Озолин, В.М. Орлов,
Л.М. Галлер
1935 г.

Здание Котласского военного порта Северо-Двинской военной
речной флотилии в годы Гражданской войны
Современный вид

возрождения корабельного состава оборудовались места базирования флота. Первые плавания восстановленные корабли МССМ совершили в 1921 году. Как сообщал журнал «Красный флот», североморцами было пройдено расстояние, равное почти трём кругосветным плаваниям, а Северный Ледовитый океан послужил для них хорошей школой морской выучки и закалки¹⁸.

В начале 1921 года А.Д. Посаженников был назначен помощником начальника судоподъёма Архангельского военного порта¹⁹. В этой должности Алексею Дамиановичу довелось начинать работы по извлечению с морского дна затопленных во время боевых действий и в результате аварий и катастроф боевых кораблей и других судов, мешавших судоходству. Эту работу он продолжил на посту начальника водолазной спасательной партии Архангельского военного порта²⁰. В результате проведённых под его руководством работ были извлечены со дна несколько затопленных в разное время кораблей, некоторые из них после ремонта и восстановления пополнили корабельный состав Морских сил Северного моря.

В апреле 1923 года А.Д. Посаженников был назначен начальником маячной технической части Управления безопасности кораблевождения Севера²¹. Поскольку на Севере сохранились практически все суда и имущество гидрографической службы, её восстановление прошло без особых трудностей²². Ввиду экономических причин в мае 1922 года было принято решение о расформировании Морских сил Северного моря. Часть кораблей вместе с личным составом перешла в сохранённую морскую пограничную охрану; 12 тральщиков, переданных промысловому флоту, были

переоборудованы в рыболовные траулеры. При этом на Севере была сохранена система управлений по обеспечению безопасности кораблевождения, которая включала дирекцию маяков и лоций Белого и Баренцева морей, службу связи и гидрометеоцентр. Кроме того, она имела 9 гидрографических судов и один плавучий маяк. Военные гидрографы под руководством УБЕКО Севера и после расформирования МССМ продолжали напряжённо трудиться над изучением и освоением морей Северного Ледовитого океана. И в этом им помогали служители маяков под руководством опытного морского инженера, начальника маячной технической части УБЕКО Севера А.Д. Посаженникова.

В 1924 году Алексея Дамиановича перевели в Москву и назначили помощником начальника кораблестроительного отдела Технического управления ВМС РККА²³. Это управление возглавляли крупные военные кораблестроители, одним из которых был Н.И. Власьев²⁴. Позднее, после недолгого преподавания в Военно-морском инженерном училище²⁵, в 1926 году А.Д. Посаженников стал начальником 1-го отдела 2-го управления Управления Военно-морских сил (УВМС) РККА²⁶. В тот период ему пришлось заниматься рассмотрением одного интересного проекта на Дальнем Востоке.

В конце 1920-х годов командование Военно-морских сил РККА приняло решение усилить Дальневосточную военную флотилию (ДВВФ). Для этого предусматривалось сформировать на Амуре гидроавиаотряд и обеспечить его плавучим ангаром, под который первоначально намечалось использовать корпус плавучей мастерской Хабаровского порта. Но после тщательного обсуждения специалисты флотилии отказались

Н.В. Алякринский
1935 г.

от этого варианта из-за конструктивных трудностей и малой вместимости плавмастерской. Как выяснилось, на ней могли разместиться не более двух самолётов. Тогда был выдвинут другой проект — приспособить под плавучий ангар (авиаматку) корпус одной из башенных канонерских лодок, формально находившихся в порту на хранении, а в действительности — на кладбище кораблей. Этот проект позволял разместить на борту четыре самолёта, помещения для личного состава, цистерны для горючего и необходимое оборудование. Выбор специалистов флотилии пал на канонерскую лодку «Вихрь». Для переоборудования канлодки в авиаматку командующий ДВВФ Я.И. Озолин выделил ремонтную партию, которая с января 1928 года приступила к работе.

Первоначально проект переоборудования разрабатывался специалистами флотилии самостоятельно, и только в марте 1928 года, когда работы шли полным ходом, технический эскиз был направлен в Москву. В сопроводительном письме командующий ДВВФ

ходатайствовал о разрешении использовать для переоборудования в качестве авиаматки уже вторую канлодку «Тайфун»²⁷.

Такая инициатива вызвала раздражение начальника Техупра УВМС РККА Н.И. Власьева. В рапорте на имя начальника Морских сил РККА Р.А. Муклевича он, положительно отмечая саму идею, указывал на явную кустарщину проекта и рекомендовал «не торопиться без меры с приспособлением баржи (корпуса к/л) под ангар, а начать работы по выяснению ответственных моментов в Центре»²⁸. Н.И. Власьев также ходатайствовал «о прямом запрете расходовать на плавангар запасные дизеля» из запаса флотилии. На этом рапорте Р.А. Муклевич наложил резолюцию: «...Замечание т. Власьева учесть... если высказанные предположения подтвердятся, нужно взгреть Озолина за несуразное предложение». А спустя чуть более месяца в Техупре состоялось совещание по рассмотрению предложения командующего ДВВФ с участием начальника 1-го отдела Техупра А.Д. Посаженникова, постоянного члена Научно-технического комитета (НТК) УВВС М.Н. Тулупова, инспектора УСУ Н.М. Ханова, помощника начальника 1-го отдела Б.С. Смирнова и командира 68-го авиаотряда Э.М. Лухта. Согласно протоколу совещания от 22 мая 1928 года А.Д. Посаженников в своём выступлении «о предполагаемом переоборудовании б/л “Тайфун” под авиаматку» указывал, что «флотилией произведено на б/л “Вихрь” оборудование ангара на 4 аппарата системы “Хавеланд”, каковые работы закончены без предварительного представления в центр каких бы ни было материалов по указанному переоборудованию. В настоящее время получен рапорт командующего ДВФ

Памятник героям Северо-Двинской военной речной флотилии

Мудьюгский маяк

Монитор «Сун-Ят-Сен» Амурской военной флотилии

с ходатайством о переоборудовании 2-й б/л «Тайфун», причём последнюю предполагают сделать самоходной. Так как Техупр выявил ряд неправильностей, допущенных Хабпортом в проекте переоборудования б/л «Вихрь» под авиаматку, о чём доложено Наморси РККА, теперь же необходимо: Во-первых, выработать основные технические указания по оборудованию новой авиаматки из б/л «Вихрь» в соответствии с требованиями, предъявленными к расчётной авиаматке. Во-вторых, необходимо внести, насколько это возможно ввиду готовности «Вихря», коррективы по устранению коренных ошибок, допущенных при оборудовании последней...»²⁹. Результатом проведённого под руководством Алексея Дамиановича совещания явилось письмо Н.И. Власьева командующему ДВВФ Я.И. Озолину, подготовленное начальником Техупра Н.И. Власьевым и начальником 1-го отдела А.Д. Посаженниковым. В этом письме говорилось о «необходимости учёта при составлении проекта переоборудования бывшей канонерской лодки «Тайфун» технических требований, вытекающих из упомянутого протокола [совещания в Техупре от 22 мая 1928 г.], а также представления в Техупр для утверждения после составления проекта переоборудования «Тайфуна» — исчерпывающего материала по данному проекту»³⁰.

20 июня 1928 года на борту канонерской лодки «Сун-Ят-Сен» под председательством командующего Дальневосточной военной флотилией Я.И. Озолина вновь состоялось совещание по поводу развёртывания 68-го Отдельного гидроавиаотряда. В постановительной части протокола было записано: «1. Работы по окончанию оборудования корпуса б/л «Вихрь» вести с расчётом перехода команды на

“Вихрь” в первых числах июля настоящего года. 2. В связи с окончанием основных работ по оборудованию баржи-ангара из корпуса не плавающей б/л “Вихрь” никаких конструктивных изменений в оборудовании не производить и придерживаться составленного Техническим отделом порта проекта, утверждённого мною, так как в противном случае, т.е. в случае оборудования баржи-ангара согласно указаний Техупра, необходим был бы значительный дополнительный расход и перенос срока готовности баржи-ангара»³¹.

Только благодаря достигнутому впоследствии обеими заинтересованными сторонами компромиссу летом 1928 года плавангар «Амур» пополнил состав Дальневосточной военной флотилии и уже через год принял участие в боевых действиях в конфликте на КВЖД.

Это лишь один эпизод из многогранной деятельности начальника 1-го отдела 2-го управления УВМС РККА А.Д. Посаженникова. Ему довелось участвовать в рассмотрении и утверждении технических указаний на проектирование первых советских боевых кораблей (сторожевых и подводных лодок). Благодаря его неустанному труду Военно-морские силы РККА получили в начале 1930-х годов пополнение корабельного состава, не уступавшее по своим тактико-техническим характеристикам лучшим образцам зарубежной военно-морской техники.

Однако сохранились и другие оценки работы Алексея Дамиановича в Техническом управлении ВМС РККА. Так, кораблестроитель В.А. Никитин писал в своих воспоминаниях: «В 1929 г. постройка “Урагана” — головного сторожевого корабля — была закончена. Сдаточные испытания были проведены. Осталось оформить приёмку корабля актом. Для участия

А.К. Сивков
1935 г.

в подписании акта приехал председатель Правления Судотреста А.А. Ларионов, а также председатель Комнаба А.П. Шершов, присутствовали директор и главный инженер Верфи. От Технического управления ВМФ для подписания приёмного акта из Москвы должен был приехать А.Д. Посаженников, человек высокомерный, убеждённый в своем превосходстве над другими и не упускавший случая подгадить Судотресту.

Зная это, я заранее подготавливался ко встрече с ним, так как некоторое время назад, в разговоре со мною, он вскользь упомянул, что приёмка корабля будет вестись в строгом соответствии с утверждёнными спецификациями и другими официальными документами.

Приехал Посаженников, и после взаимных приветствий Ларионов выступил с краткой речью, в которой упомянул, что сторожевой корабль “Ураган” является первым военным кораблём, построенным при Советской власти, целиком из советских материалов и укомплектованный механизмами советского

производства. Затем он взял ручку и подписал акт. Ему последовали Шершов и члены приёмной комиссии, а также директор Верфи Кушин. Посаженников взял ручку, обмакнул её в чернильницу, но затем положил ручку обратно и сказал:

— Я не могу подписать акта. Элементы корабля не соответствуют спецификационным данным. Он перегружен на 70 тонн и поэтому принят быть не может, — и уже потянулся за фуражкой.

Все присутствовавшие были поражены выступлением Посаженникова и не знали, что же делать дальше?

Тогда я попросил слова, достал из кармана небольшой список и сказал:

— Для того, чтобы внести ясность в вопрос о подписании акта, я должен огласить некоторые цифровые данные...».

Далее В.А. Никитин стал доказывать столичному контролёру, что именно требования Техупра привели к перегрузке судна. К примеру, замена 102-мм артсистем на другие, нового типа, утяжелила корабль на 6,8 т, увеличение комплектации плавсоства дало перегрузку в 4,6 т и т.д. После прочтения этого документа, как пишет Владимир Александрович, «Посаженников молча взял ручку и подписал акт»³².

В начале 1930-х годов в стране по инициативе ОГПУ была развёрнута операция «Весна». Её целью было «изъятие» из армии и флота бывших офицеров царской армии. В связи с этим на рубеже 1930—1931 гг. было возбуждено несколько уголовных дел по фактам «вредительства». Тогда были арестованы председатель Научно-технического комитета Морских сил РККА Н.И. Игнатъев, начальник Оперативного управления М.А. Петров, начальник штаба Морских сил Балтийского моря А.А. Тошаков, начальник Военно-морской академии

профессор Б.Б. Жерве. По данным Особого отдела МСБМ, за период с декабря 1930 по январь 1931 года только на Балтике подверглись аресту 38 бывших морских офицеров³³. Судебной коллегией ОГПУ они были приговорены к различным срокам заключения. В дальнейшем это решение было пересмотрено, и многих из осуждённых досрочно освободили из-под стражи.

Эти события затронули и А.Д. Посаженникова. 13 января 1931 года он был арестован и 3 марта уволен из кадров флота. К счастью, с его делом быстро разобрались, и уже 1 мая Алексей Дамианович был освобождён и восстановлен в кадрах. В ежегоднике по кадрам ВМС РККА этот арест прикрывался формулировкой «отправлен в долгосрочный отпуск»³⁴.

В июне 1931 года А.Д. Посаженников занял должность старшего приёмщика Ленинградской группы Комиссии по наблюдению за постройкой и приёмкой кораблей³⁵. Спустя три месяца он вернулся в Москву и 4 октября 1932 года был назначен заместителем начальника 4-го (кораблестроительного) управления УВМС РККА³⁶. В течение последую-

А.Д. Посаженников
Тюремное фото
1937 г.

щих четырёх с половиной лет он работал в этом управлении в основном по направлению технической разведки, тесно взаимодействуя с военно-морским атташе в Италии Л.В. Анципо-Чикунским. За заслуги перед страной приказом НКО № 2500 2 декабря 1935 года А.Д. Посаженников удостоился воинского звания инженер-флагмана 3 ранга³⁷. В феврале

1937 года он был назначен помощником начальника 6-го отдела Управления Морских сил РККА³⁸, через месяц стал заместителем начальника Управления кораблестроения Управления Морских сил РККА³⁹. Ему довелось служить под началом инженера-флагмана 2 ранга Б.Е. Алякрицкого⁴⁰. К сожалению, их совместная служба продолжалась недолго, всего полгода.

В конце первой декады июля 1937 года были арестованы начальник Морских сил РККА флагман флота 1 ранга В.М. Орлов, начальник Управления кораблестроения УВМС РККА инженер-флагман 2 ранга Б.Е. Алякрицкий, начальник Научно-исследовательского института кораблестроения инженер-флагман 2 ранга Н.В. Алякринский. Вслед за ними настала очередь заместителя начальника Управления кораблестроения УВМС РККА инженер-флагмана 3 ранга А.Д. Посаженникова. Его взяли под стражу 22 июля 1937 года в собственном доме по адресу: Софийская набережная, д. 34, кв. 104⁴¹, предъявив обвинение в «участии в контрреволюционной террористической организации (КРТО)». Следствие велось ускоренными темпами, из арестованного сотруднику НКВД быстро удалось выбить «признательные показания». На их основе и было составлено обвинительное заключение. 15 сентября 1937 года список под названием «Москва-Центр» был передан наркомом НКВД Н.И. Ежовым в Политбюро ЦК ВКП(б). На первой странице этого документа имелась резолюция о применении высшей меры наказания по 1-й категории, наложенная И.В. Сталиным и В.М. Молотовым. В тот же день список был передан председателю Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюристу В.В. Ульриху для рассмотрения на очередном заседании этого судебного органа.

Военные моряки ДВВФ после награждения орденами. В первом ряду слева направо сидят: шестой — командующий Я.И. Озолин, седьмой — военком С.Н. Степанов

Военная коллегия Верховного суда СССР 21 сентября 1937 года рассмотрела дело по обвинению инженер-флагмана 3 ранга А.Д. Посаженикова

в участии в КРТО и приговорило его к высшей мере наказания — расстрелу⁴². В тот же день приговор был приведён в исполнение.

Только через 19 лет, 8 сентября 1956 года, А.Д. Посажеников был реабилитирован «по вновь открывшимся обстоятельствам»⁴³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 434. Оп. 2. Д. 1547. Л. 1.

² Там же.

³ Усик Н.П., Полях Я.И. Высшее Военно-морское инженерное ордена Ленина училище им. Ф.Э. Дзержинского. Исторический очерк / Под ред. контр-адмирала Г.М. Мироненко. Л.: ВВМИОЛУ, 1990. 408 с.

⁴ Список личного состава Рабоче-крестьянского Красного флота. По состоянию на 1-е февраля 1924 г. Составлен Строевым отделом Штаба РККФ. Л.: Редакционно-издательский отдел Морского ведомства, 1924. С. 204.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ См.: Козлов И.А., Шломин В.С. Краснознамённый Северный флот. 3-е изд., доп. М.: Воениздат, 1983. С. 36.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 38.

¹³ РГА ВМФ. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 8.

¹⁵ Там же. Л. 38.

¹⁶ Там же. Л. 47.

¹⁷ Список личного состава Рабоче-крестьянского Красного флота. По состоянию на 1-е февраля 1924 г. С. 204.

¹⁸ Красный флот. 1922. № 1. С. 45, 46.

¹⁹ Список личного состава Рабоче-крестьянского Красного флота. По

состоянию на 1-е февраля 1924 г. С. 204.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² См.: Записки по гидрографии, издаваемые Главным гидрографическим управлением. Т. 53. Юбилейный [Столетие Гидрографического управления]. Л.: Гидрогр. упр. Военно-Морских Сил, 1927. С. 17.

²³ Список начальствующего состава Военно-морских сил Рабоче-крестьянской Красной армии. По состоянию на 1-е мая 1928 г. Составлен Учебно-Строевым управлением Управления Военно-морских сил РККА. Издание Управления В.-морских сил РККА. Л., 1928. С. 205.

²⁴ **Власьев Николай Иосифович** (1878—1937) — выпускник Петербургского политехнического института (1901), инженер-технолог Обуховского завода (1901—1911), начальник весового технического бюро Балтийского завода (1911—1917), начальник филиала этого завода в Або (1917—1918), начальник Технического управления ВМС РККА (1926—1930), начальник НТКМ (1931—1932), начальник Главного управления кораблестроения ВМС РККА (1932—1937). Арестован в конце мая 1937 г. Освобождён в конце того же года. Покончил жизнь самоубийством в декабре 1937 г.

²⁵ Список начальствующего состава Военно-морских сил Рабоче-крестьянской Красной армии. По состоянию на 1-е мая 1928 г. С. 205.

²⁶ Там же.

²⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-910. Оп. 1. Д. 632. Л. 24.

²⁸ Там же. Л. 22.

²⁹ Там же. Л. 26.

³⁰ Там же. Л. 25.

³¹ Там же. Л. 30—33.

³² Никитин В.А. О себе, времени и кораблях. СПб.: Моринтех, 2004. С. 76, 77.

³³ Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР, 1930—1931 гг. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С. 57.

³⁴ Список начальствующего состава Военно-морских сил Рабоче-крестьянской Красной армии. М.: Издательство УВМС РККА, 1932. С. 9.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Красная звезда. 1935. 2 декабря.

³⁸ Список начальствующего состава Военно-морских сил Рабоче-крестьянской Красной армии. С. 9.

³⁹ Там же.

⁴⁰ **Алякрицкий Борис Евгеньевич** (1899—1937) — инженер-флагман 2 ранга, начальник Управления кораблестроения УВМС РККА (1936—1937). Репрессирован в 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

⁴¹ Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА. Комбриги и им равные. 1937—1941: биографический словарь. М.: Кучково поле, 2014. С. 510.

⁴² Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 24. Д. 411. Л. 90.

⁴³ Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Указ. соч. С. 510.

S.S. Bliznichenko

«CONVINCED OF HIS SUPERIORITY OVER OTHERS»

The life and legacy of Engineer-Flag Officer A.D. Posazhennikov

Information about author. Sergey Bliznichenko — assistant professor of the department of transport structures at the Kuban State Technological University, Cand. Sc. (Tech.) (city of Krasnodar. E-mail: Flagman.Flota@yandex.ru).

Summary. This paper tells the story of Alexey D. Posazhennikov, a naval shipbuilding expert and flagofficer of the third rank, who made significant contributions to the development of Russian naval construction but unfortunately fell victim to political persecution in 1937. The paper also describes the struggle between the young Soviet state and foreign interventionists and White Guards in the northern regions of the country, as well as the formation of the Northern Fleet, the strengthening of northern navigation safety measures, and the technical re-equipping of the Far Eastern military fleet.

Keywords: Workers' and Peasants' Red Fleet; Technical Directorate of the Red Army Navy; shipbuilding; Naval Engineering School; Engineer-flagofficer of the 3rd rank A.D. Posazhennikov; Civil War; interventionists; Naval Forces of the North Sea; Kotlas Military Port; Arkhangelsk Military Port; magnetic mines; ship salvage; Northern Navigation Safety Directorate; Far Eastern Military Flotilla; NKVD; political repressions of the 1930s.

«БЛЮСТИ ПРЕДЕЛЫ ГОСУДАРСТВА В НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ...»

Историография охраны рубежей Московского государства
в конце XV — начале XVIII века

Сведения об авторе. Терентьев Михаил Анатольевич — полковник в отставке (Москва. E-mail: termix04@yandex.ru).

Аннотация. Статья освещает историю и отечественную историографию охраны рубежей Московского государства в допетровский период с перечислением архивных и других источников, а также ранее опубликованных научных статей по данной проблематике.

Ключевые слова: Московское государство; рубеж; граница; охрана окраин (границы); сторожевая служба; застава; князь Д.М. Пожарский; исследователь.

В настоящее время возрастает интерес к изучению истории охраны границы Российского государства. Однако основные исследования по данному вопросу посвящены сторожевой и станичной службе, в которых их деятельность на окраинах древнерусских земель ассоциируется с охраной границы. Однако Древняя Русь не имела границ в современном понимании, были только «размытые» окраины. Принадлежность земель княжеству определялась сбором дани¹, т.е. пределами земель, с которых её собирали. Князья и их окружение не представляли, где эти пределы находились, их интересовали только города (населённые пункты), с которых они собирали дань. До каких пределов простирались обрабатываемые земли, знали крестьяне. В связи с такой неопределённостью между жителями окраин часто возникали споры. Иногда окраинным жителям приходилось платить дань то одному, то другому князю, а иногда и обоим.

В связи с тем, что пределы земель княжеств не были очерчены, говорить об охране границы в столь давние времена было бы неправильным. К тому же согласно самому раннему известному договору об установлении пределов русских земель (Ореховецкий договор между Новгородской землёй и Швецией 1323 г.) они назы-

вались «рубежами» и «межами». Термин «граница» появился только в начале XVII века, следовательно, во времена Древнерусского государства охраняли окраины, но не рубежи или границу.

На окраинах русских земель находились «сторожи <...> чтоб воинские люди на государеву украины войною безвестно не приходили»². Они должны были своевременно обнаружить появление агрессивных кочевников, доложить по инстанции об угрозе и обеспечивать князя (воеводу) уточнёнными сведениями о вражеских силах. Контролем за прибытием в русские владения иноземцев и вывозом товаров за пределы земель сторожи не занимались.

Относительно организации сторожевой и станичной службы в Древней Руси исследователь В.Л. Снегирев писал: «...Лучшие князья того времени осуществляли свою военную деятельность главным образом в направлении обороны страны...»³. В конце своей работы автор сделал вывод: «Засечная черта с её острогами, острожками⁴, рвами, валами, надолбами и тому подобными заграждениями являлась обороной страны с юга и юго-востока»⁵, а трёх богатырей с картины В. Васнецова «Богатыри», считающихся первыми «пограничниками», он относил к элементам сторожевой и станичной службы⁶.

Такого же мнения придерживался бывший начальник пограничных войск КГБ СССР генерал армии В.А. Матросов. На одной из встреч с исследователями пограничной истории он говорил: «Я не разделяю тот ажиотаж, который у вас поднялся в связи с тем, что погранвойска существовали при Илье Муромце. То есть стремление считать, что погранвойска были в такие-то годы во времена Рюриковичей и т.д. <...> Безусловно, надо посмотреть и в плане древности, только не надо надевать зелёную фуражку на Илью Муромца»⁷.

Таким образом, целесообразнее считать, что сторожевая и станичная служба являлась предшественницей пограничной охраны. На современном этапе временные рамки её зарождения остаются открытыми.

Исследователям необходимо знать источники по данной тематике. Далее представлены документы, раскрывающие действия русской власти по организации контроля за прибытием в Московское государство⁸ различных послов, купцов, отдельных лиц и за вывозом товаров за его пределы.

Самые ранние упоминания о нахождении государственных людей, контролировавших перемещение купцов с товарами через рубежи Московского государства (порубежных людей, порубежников), содержатся в «Сборнике Императорского Русского исторического общества» (Сборник РИО)⁹ — в документах, описывающих сношения Посольского приказа с представителями Речи Посполитой в 40-х годах XVI века¹⁰.

Однако в ряде источников (дипломатической переписке и описаниях приёмов иностранных послов у великого князя) не указаны места нахождения порубежников, не раскрываются и их задачи.

Источником, подтверждающим место службы порубежных людей, является документ из «Дополнений к Актам Историческим...», изданных в 1846 году Археографической комиссией, под № 47 «Грамоты об отставках от службы». В пункте IV царской грамоты указаны фамилия, время (1556) и место службы порубежника, а также его задача¹¹. Таким человеком был Суханец Григорьевич Шматов, служивший в городке Тёсово (ныне, вероятно, д. Ям-Тёсово Ленинградской обл.) с задачей «на береженье, чтобы в немцы с салом и с воском не ездили».

Следующий документ того же года под № 61 «Грамота Новгородским дьякам Федору

Указ о назначении Д.М. Пожарского воеводой в Великом Новгороде
Российский государственный архив древних актов.
Ф. 210. Оп. 11. Ст. 13. Л. 72.

Сыркову и Казимиру Дубровскому. О пропуске в Ругодив гостя Юшка Патрикиева с товарами, за исключением воска и сала, недозволенных к заграничному вывозу» приводит основание для вывоза товаров из страны русскими купцами и порядок его осуществления¹².

Отдельные задачи порубежников середины XVI века на русско-шведском рубеже (приграничном пространстве) отмечены в переписке Ивана IV (Грозного) со шведским королём Густавом Вазой¹³. Переписка первого русского царя даёт только общее представление о функциях порубежников, остаётся неясным, где они размещались и каким образом поддерживался порядок на рубеже.

Название подразделения, структурно объединявшего порубежников, впервые указано в документе «Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными» Сборника РИО. В отписке¹⁴ от 1 июля 1584 года новгородский наместник М.П. Катырев писал царю Фёдору Ивановичу (1584—1598): «Приехал к нам з заставы ис Тесова сын боярский Семен Кононов, а сказал: приехал де к нам в Тесово свейский немчин Мартин <...> с листом»¹⁵. Данный источник очень важен при изучении истории охраны границы, т.к. до этого группа людей, находившихся на рубеже, не имела определённого названия. До 80-х годов XVI века в документах указывались только «острожки» и места их нахождения или же населённые пункты, где пребывали порубежные люди. С этого времени начинается тесное увязывание охраны рубежа (границы) с заставой. Все указанные до этого времени в летописях и других источниках заставы относятся к сторожевой службе.

Разрозненные сведения о службе ранних застав, охранявших рубежи Московского государства, имеются в Полном собрании русских летописей (ПСРЛ), «Актах Московского государства...», «Делах тайного приказа»¹⁶.

«Боярский двор» в Тесово

Гравюра А. Хутеериса, 1616 г.

Селин А.А. Русско-шведская граница (1617—1700 гг.):

формирование, функционирование, наследие:

Исторические очерки. Изд. испр. и доп. СПб.: Блиц, 2016. С. 411.

В ПСРЛ вошли описания в Бельском летописце событий, произошедших накануне Смутного времени (1598—1613). В них зафиксированы факты о «выставлении» в 1603 году царём Борисом Годуновым застав от Бельского и Торопецкого уездов. Летописец не указал мест нахождения застав и не раскрыл их задачи. Анализ последующих записей свидетельствует, что заставы в большей степени выполняли задачи сторожевой службы по недопущению «вора Ростриги Гришки Отрепьева»¹⁷ (Лжедмитрия I) в пределы Московского государства, а не контроля за пересечением рубежа лицами и вывозом товаров.

Действия конкретных застав по контролю пределов русских земель в 20-х годах XVII века приведены в сборнике «Акты Московского государства...». В них описаны примеры задержания служилыми людьми¹⁸ выставленной из Брянска заставы лица, пытавшего уйти в Речь Посполитую¹⁹, и проверки состояния русско-польско-литовского рубежа, проходившего по реке Западная Двина на торопецком направлении²⁰.

В источнике имеется описание острожка с указанием размеров, где в основном размещались заставы²¹, упоминаются использование для проверки рубежа одного из ранних видов «направления» (наряда) — проезжей станицы²² и состав наряда²³.

В «Акты Московского государства...» также вошли документы, характеризующие изменения в деятельности сторожевой и станичной службы начала XVII века на левом фланге русско-польско-литовского рубежа, примыкавшем к южным окраинам государства. На этом направлении сходились интересы Московского государства, Речи Посполитой и Крымского ханства. От последнего исходила военная угроза обоим государствам. Поэтому здесь ещё князем М.И. Воротынским в 70-х годах XVI века была организована охрана окраин русских земель путём выставления сторожей от Путивля и Рыльска²⁴.

Анализ документов «Акт Московского государства...» позволяет утверждать, что после Смуты с активизацией торговли с «польской Украиной» отмечались факты выполнения этими сторожами контроля за перемещением торговцев через межгосударственный рубеж с Речью Посполитой²⁵. Однако данная задача для сторожей являлась, вероятно, сопутствующей, второстепенной, т.к. в основном они занимались войсковой разведкой²⁶.

Сведения о деятельности застав, находившихся на рубежах Московского государства во второй половине XVII века, существенно дополняют материалы сборника «Дела тайного приказа» (кн. 4). В них имеются самые ранние упоминания о ведении учёта лиц, въезжавших в страну иностранцев и выезжавших за рубеж подданных царя: «...записывать имя на их по числу у себя в

книгу»²⁷. Там же приведены примеры, характеризующие процесс проверки состояния границы с привлечением старожилов²⁸.

Существенным дополнением к порядку учёта пересекавших границу лиц являются изданные Археографической комиссией в 1864 году «Акты, относящиеся до юридического быта Древней России» (т. 2). Исходя из этих документов можно предположить, что вышеназванной проблемой занимались дьяки²⁹ и подьячие³⁰ съезжей (приказной) избы³¹ воеводы. В книгу заносили данные о том, когда, по чьему приказу, в каких целях, в какой город (уезд) зарубежья были отпущены подданные царя и какие документы им выданы. Здесь же указывались имена и фамилии убывавших, а также тех, кто с ними следовал³². Учитывались и лица, прибывавшие в Московское государство.

Перечень застав, охранявших русско-шведскую границу на новгородском направлении по состоянию на 29 сентября 1675 года, представлен в издании АН СССР «Новгород Великий в XVII в. Документы по истории градостроительства». В книге приведена опись всех служилых людей Новгородского уезда, в том числе и застав, с указанием мест их дислокации, расстояний до них от Великого Новгорода, заставных голов³³, укомплектованности их стрельцами и казаками, а также сроков службы на заставах³⁴.

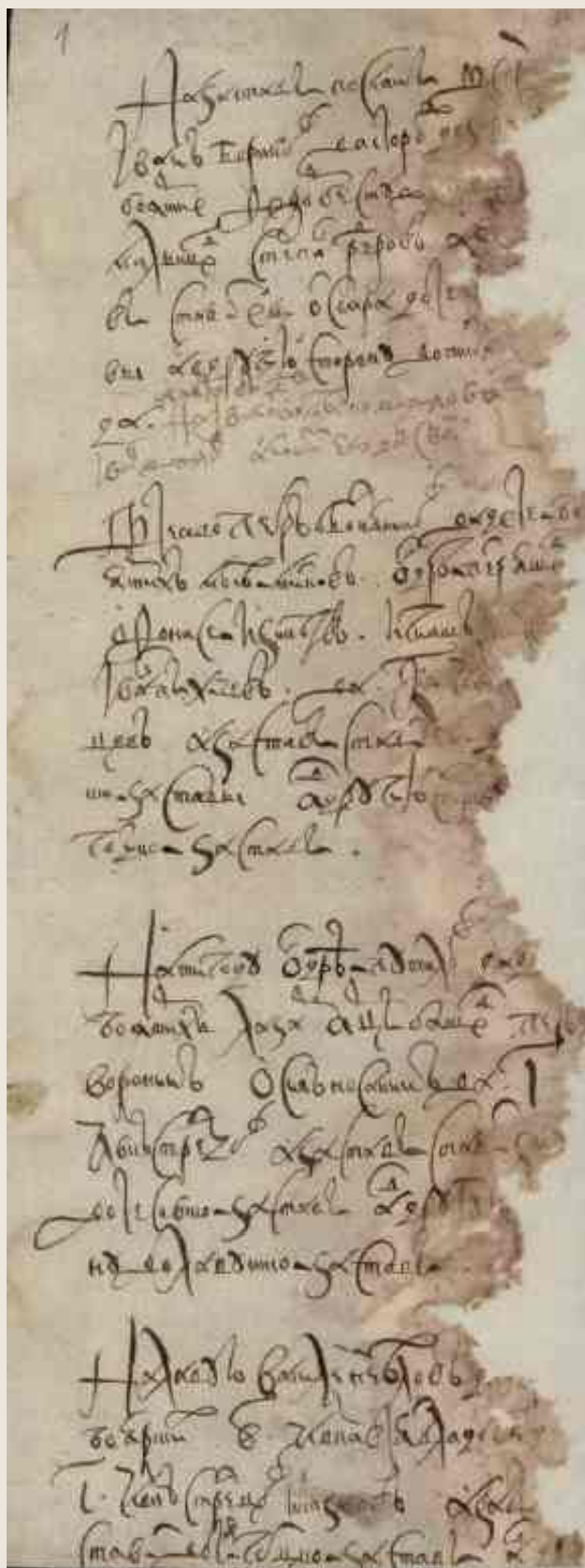
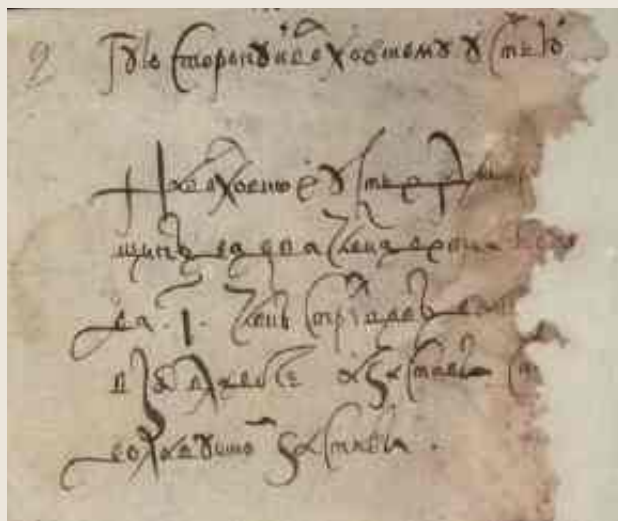
Разрозненные сведения о заставах в период правления Михаила Фёдоровича Романова (1613—1645) обнаружены в документах Российского государственного архива древних актов (РГАДА): Ф. 96 (Сношение России со Швецией). Оп. 1. Д. 1510—1719 (Статейные списки, грамоты, отписки и дела о политических и торговых сношениях России со Швецией, о русско-шведских войнах, об установлении границы); Реестр 2. (Описи новгородских и других со шведами по-

граничных городов воевод — и отпуски³⁵ к ним государевых грамот о разных пограничных делах. 1513—1700 гг.), дела за 1623, 1626—1632 гг.

В РГАДА хранится и царский указ о назначении воеводой в Великий Новгород князя Д.М. Пожарского³⁶. Его деятельность по закрытию русско-шведской границы во время эпиде-

Распоряжение князя Д.М. Пожарского на охрану границы от октября 1629 г.

Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Ф. 109. Оп. 1. Д. 763. Л. 1, 2.

мии чумы 1629—1630 гг. отражена в документах Посольского стола Новгородской приказной палаты, хранящихся в Научном архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. Там же сосредоточен значительный объём документов, касающихся закрытия границы в целях недопущения переноса в русские земли «морového поветрия»: переписка Д.М. Пожарского с Посольским приказом по порубежным вопросам, с ладожским воеводой и заставными головами, а также указы князя³⁷, направленные подчинённым служилым людям³⁸.

Важнейшими источниками для изучения истории пограничной охраны являются отписки заставных голов и ладожского воеводы, которые дают представление о системе охраны северо-западного рубежа Московского государства в начале XVII столетия, о выполнявшихся заставами задачах, порядке поддержания связи и управления в звене «воевода — застава», о привлечении местных жителей для прикрытия государственного рубежа. В них имеются и отдельные данные о службе служилых людей, высланных от застав³⁹, порядок замены заставных голов, сроки их службы на рубеже⁴⁰, использование местных жителей в целях сбора информации о сопредельном государстве⁴¹, со-

держание проезжей грамоты⁴², порядок встречи иностранных представителей и сопровождения их до воеводы⁴³.

Не менее значимыми являются распоряжения новгородского воеводы о снятии карантинных мероприятий и переходе к обычной охране, где указан порядок пропуска лиц и товаров через русско-шведский рубеж в ходе повседневной деятельности застав⁴⁴. Именно эти документы подтверждают, что князь Д.М. Пожарский после себя оставил налаженную систему охраны рубежа. Так, с него были сняты только прибывшие на усиление служилые люди, а часть из них продолжили выполнять свои непосредственные функции контроля. В то же время распоряжения новгородского воеводы не дают чёткого ответа на вопрос, кто из служилых людей, в каком количестве оставался на заставах.

Рассуждая об исследованиях, непосредственно посвящённых пограничной истории допетровского периода, историк М.М. Дадыкина указывает, что «на русском материале раннего времени эти темы пока представлены слабо»⁴⁵.

Как ранее было отмечено, основные изыскания относятся к организации сторожевой и станичной службы на окраинах Древней Руси и Московского государства. Та же линия про-

Острожек на русско-польско-литовском рубеже XVII века

Реконструкция художника В. Бочарова

слеживается и в официальных изданиях: «На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк» (1998), «Пограничная служба России: Энциклопедия. Формирование границ. Нормативная база. Структура. Символы» (2009). В них окраины трактуются как границы, и сделан соответствующий вывод: «В период расцвета Древнерусского государства (конец X — начало XI в.) была создана определённая система охраны рубежей»⁴⁶.

Это заключение не подтверждают дореволюционные исследования профессора Одесского университета А.С. Мулюкина. Он утверждал, что «свобода приезда и передвижения иностранцев была законом древней Руси», т.е. их приезд в русские земли не контролировался. В своих работах «Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI и XVII веков» (1909), «Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве» (1912) он указал, что контроль рубежей начался с формированием жёстко централизованного Московского государства⁴⁷. Тогда же появилось требование: «Никто не въезжает в Московию, чтобы об этом тотчас не было донесено великому князю»⁴⁸. Однако исследователь не уточнил временные рамки начала такого контроля. О том, кто и как его осуществлял, тоже нет сведений в его работах.

Тем не менее профессор подробно охарактеризовал категории прибывавших лиц и основания для их въезда в страну, привёл примеры и представил образцы документов, дававших иностранцам право находиться в Московском государстве.

Временные рамки начала контроля за прибытием иностранцев в страну можно почерпнуть из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Так, автор писал, что при Василии III⁴⁹, «приближаясь к границе, посол давал знать наместникам ближайших городов. Ему предлагали множество вопросов: “Из какой земли, от кого едет? Знатный ли человек? Какого именно звания? Бывал ли прежде в России? Говорит ли нашим языком? Сколько с ним людей и каких?”. О сем немедленно доносили великому князю»⁵⁰. Но историк не упоминает о том, что на рубеже находились люди, контролировавшие прибытие иноземцев. Вероятно, рубежи ещё не контролировались, а прибывавшие

Д.М. Пожарский
Литография
Эскин Ю.М. Дмитрий
Михайлович Пожарский. М.:
Квадрига, 2018. С. 192, 193
(вкладка)

обращались непосредственно к наместнику (воеводе). К сожалению, в труде Н.М. Карамзина нет и ссылок на источники.

Использование застав для контроля за прибытием иноземцев в Московское государство и убытием русских купцов за рубеж в определённой степени отражено в трудах и отдельных статьях дореволюционного историка-археографа Н.Н. Оглобина и современных исследователей — А.А. Селина, А.И. Филюшкина, К.В. Шмелёва.

Н.Н. Оглобин одним из первых начал изучение проблем застав, находившихся на пределах земель Московского государства. Обобщив воеводские и сметные книги порубежных городов (уездов) XVII и начала XVIII века, автор составил обзор застав второй половины XVII века на ингерманландском (со Швецией) и великолукском (с Речью Посполитой) участках. Результаты

анализа в 1884 году были опубликованы отдельным изданием («Обозрение историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного приказа»)⁵¹. Эти же данные вошли в сборник «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции»⁵².

В данном обзоре Н.Н. Оглобин показал населённые пункты, в которых размещались заставы, расстояния от них до уездных городов, количество и сроки нахождения служилых людей на заставах⁵³. По мнению автора, в 1681 году «по случаю морового поветрия за Литовским рубежом» данный участок границы был усилен ещё тремя заставами⁵⁴.

Кроме того, Н.Н. Оглобин перечислил фамилии лиц, возглавлявших заставы «на свейском рубеже» в 1692 году⁵⁵. Очень важно, что его исследования посвящены именно организации сторожевой и станичной службы на окраинах Московского государства. На фоне их охраны археограф и рассмотрел заставы «свейского» рубежа, указав, что в конце XVII века на «свейской сторожевой линии» сторожи назывались «заставами»⁵⁶. Следствием такого подхода к изучению темы стало отсутствие в обзоре автора задач застав.

Отметим, что за давностью лет очень сложно сегодня даже при имеющихся конкретных данных идентифицировать большинство населённых пунктов, где размещались заставы.

Результаты исследования Н.Н. Оглобина дополнены современным учёным К.В. Шмелёвым.

Его работа «Заставы и гарнизоны “Свейского рубежа” в середине XVII века» охватывает вторую половину XVII века и заканчивается кануном боевых действий Северной войны (1700—1721). Здесь прослеживается динамика состояния застав по некоторым годам за указанный период, показана их роль в системе обороны страны. Значительным вкладом в историографию пограничной охраны стали приведённые исследователем сведения о составе застав, фамилиях заставных голов в различные периоды и о вооружении служилых людей. В то же время К.В. Шмелёв не назвал причин динамики изменения количественного состава застав и мест их выставления.

Тем не менее существенны сделанные автором выводы. Во-первых, по его мнению, исходя из малочисленности застав, их «основная функция была не военная, а, вероятно, охранная». На русско-шведском рубеже в конце XVII века они решали ряд задач: передачу военнопленных, поимку перебежчиков, приём иностранных миссий, поддержание порядка на «рубеже и порубежье», участие в решении спорных вопросов о границе, а также обо всём, что было связано «с торговыми делами и делами о задержании грузов и людей»⁵⁷.

Во-вторых, по словам К.В. Шмелёва, на ингерманландском участке во второй половине XVII века заставами руководили в основном представители трёх семейств в течение нескольких поколений (Муравьёвы, Обернибесовы и Тырковы)⁵⁸, что позволяет установить категории лиц, замещавших эти должности.

Роль застав в охране рубежа Московского государства лаконично изложена в статье А.И. Филюшкина «“Шпегі” идут в разведку. Неизвестные страницы шпионской войны России с Великим княжеством Литовским». Хотя работа посвящена организации разведки в порубежном пространстве, тем не менее исследователь сделал важное заключение о состоянии охраны русско-литовского рубежа в XVI веке: «Рубежи были, а пограничная служба отсутствовала. Обязанности блюсти пределы государства в неприкосновенности возлагались на местных воевод и землевладельцев имений, располагавшихся в порубежной зоне. Трудности были в недостатках ресурсов. Воеводы высылали конные разъезды, которые ездили по определённым маршрутам и время от времени проверяли наиболее опасные направления. На дорогах и в городах стояли заставы. Но этим система охраны и истощалась, то есть граница была абсолютно проницаема»⁵⁹.

В Средневековье за рубежом, отмечает автор, при организации охраны границ обращали внимание на прикрытие дорог, мостов, устьев рек и других направлений, по которым происходили тайные пересечения пределов стран⁶⁰. Исходя из этого, можно предположить, какие направле-

ния государственного рубежа охраняли русские служилые люди.

Значимые исследования охраны русско-шведского приграничного пространства в XVII веке провёл А.А. Селин, представив свои результаты в книге «Русско-шведская граница (1617—1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие: исторические очерки» (2016). Автор изложил историю границы, формировавшейся после Смутного времени в результате проведения размежевания согласно условиям подписанного Русским государством и Швецией Столбовского мирного договора 27 февраля (9 марта) 1617 года. В специальных главах очерка подробно рассмотрены процесс установления рубежа со Швецией с древних времён до 1617 года, вопросы легального пересечения границы и охраны пределов Московского государства в допетровское время. Аспекты проблемы охраны русско-шведского рубежа на ингерманландском участке освещены в очерке «Охрана границ». Автор описывает историю охранявших этот участок в XVII веке застав (с указанием голов, мест дислокации, укомплектованности) и приводит примеры действий служилых людей на рубеже, в т.ч. с привлечением к его охране местного населения, подробно рассматривает организацию разведки в порубежном пространстве и ближнем зарубежье.

В книге А.А. Селина впервые рассказано и о деятельном участии князя Д.М. Пожарского в охране русско-шведского рубежа. Незаменимым источником для исследователей рассматриваемой темы является приведённый автором список дел Посольского стола Новгородской приказной палаты⁶¹.

Научную ценность представляют авторские переводы архивных документов: «Роспись детей боярских, посланных на заставы вдоль русско-шведской границы. 1629, октября», «Отписка головы Тёсовской заставы П.С. Оболянинова новгородским воеводам кн. Д.М. Пожарскому с товарищами о том, что он расставил заставы в районе Тёсова и отправил крестьян проводить вести о моровом поветрии в Ингерманландии. 1629, октября ранее 8»⁶².

Нами ранее также были рассмотрены отдельные вопросы темы. В частности, роль князя Д.М. Пожарского в организации охраны русско-шведского рубежа в период эпидемии чумы 1629—1630 гг. (после локализации «мора» он не снял с рубежа выставленные карантинные заставы — они стали подразделениями, осуществлявшими контроль за пересечением лицами рубежа и провозом товаров)⁶³; зарождение пограничной охраны на северо-западном направлении (сделан вывод, что относительно Московского государства это происходило в середине XVI века, а князь Д.М. Пожарский создал систему охраны пределов русских земель)⁶⁴; формирование рубежей Московского государства на Псковском участке и его охрана⁶⁵.

Таким образом, историография пограничной охраны Московского государства допетровского периода представляется неполной. Сегодня неисследованными остаются проблемы, связанные с временными рамками начала охраны границы, этапами

её становления до 1721 года, а также с ролью исторических личностей в этом процессе. Поэтому необходимо активнее изучать материалы региональных архивов, особенно тех областей, которые в Средневековье являлись приграничными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Селин А.А. Русско-шведская граница (1617—1700 гг.): формирование, функционирование, наследие: Исторические очерки. Изд. испр. и доп. СПб.: Блиц, 2016. С. 10.

² Боярский приговор о станичной и сторожевой службе. Док. 2 // Акты Московского государства, изданные Имп. Академией наук, изд. под ред. Н.А. Попова, чл.-кор. Акад. Т. 1: Разрядный приказ: Московский стол: 1571—1634. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1890. С. 2.

³ Снегирев В.Л. Сторожевая служба (Оборона границ государства в древней Руси). М.: ОГИЗ, 1942. С. 17.

⁴ Остроги — деревянные укрепления в пограничной полосе древнерусских княжеств с XII в.; XIV—XVII вв. — на южных окраинах Русского государства; конец XVI — начало XVII в. — в Сибири, впоследствии остроги стали городами. Острожек — аналогичное сооружение меньшего размера. См.: Советский энциклопедический словарь (СЭС) / Гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 946.

⁵ Снегирев В.Л. Указ. соч. С. 44.

⁶ Там же. С. 20.

⁷ Боярский В.И. Генерал армии Матросов: портрет на фоне границы. М.: Граница, 2002. С. 349, 350.

⁸ Московское государство — название, которым в XVI—XVII вв. обозначалась территория Великого княжества Московского внутри Русского царства. Параллельно шёл процесс синонимизации этого названия с Россией в целом, продлившийся до переноса столицы в Санкт-Петербург в начале XVIII века и провозглашения Российской империи (1721). В историографии XIX—XXI вв. — одно из названий Русского централизованного государства конца XV — начала XVIII в.

⁹ Сборник Императорского Русского исторического общества (Сборник РИО). Т. 59: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб.: тип. Ф. Елеонского и К°, 1887.

¹⁰ Посольство от короля Сигизмунда Казимировича к великому князю Ивану Васильевичу с паном Яном Юрьевичем Глебовичем с товарищами. Док. 9. Ч. VIII // Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 2: 1533—1560. Т. 59 / Изд. под ред. [и с предисл.] Г.Ф. Карпова. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1887. С. 163.

¹¹ Грамоты об отставках от службы. Док. 47. Ч. III // Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб.: в тип. II Отд. Собственной ЕИВ канцелярии, 1846. С. 66.

¹² Грамота Новгородским дьякам Федору Сыркову и Казимиру Дубровскому. О пропуске в Ругодив гостя Юшка Патрикиева с товарами, за исключением воска и сала, недозволенных к заграничному вывозу. Док. 61 // Там же. С. 124.

¹³ Грамота Новгородскому наместнику князю Дмитрию Палецкому, о посылке детей боярских и земцев за Шведский рубеж для отнятия имущества у пограничных жителей, в возмездие за насилия и грабежи, причиненные Шведами в Корельском и Ореховском уезде. Док. 50 // Там же. С. 71.

¹⁴ Отписка — письменное уведомление, донесение, распоряжение; ответный документ. См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 13 (Опась — Отработываться). М.: Наука, 1987. С. 299.

¹⁵ Приезд шведского гонца Мартына Фарденстона в Новгород с грамотой от Делегарди. Док. 23 // Сборник РИО. Т. 129: Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными: памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством. Ч. I: 1556—1586 гг. СПб.: тов-во «Печатня С.П. Яковлева». 2-я Рождественская ул. № 7, 1910. С. 360.

¹⁶ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1978; Акты Московского государства... Т. 1; Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 38. Кн. 4: Дела Тайного приказа. Л.: [Б.и.], 1926.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 241.

¹⁸ Служилыми людьми в Русском государстве XIV — начала XVIII в. назывались лица, находившиеся на государственной службе. С середины XVI в. имелись служилые люди «по отечеству» (бояре, дворяне, дети боярские), владевшие землёй с крестьянами, имевшие юридические привилегии и занимавшие руководящие должности в армии и госуправлении, и «по прибору» (стрельцы, пушкары, затинщики, городовые казаки и т.п.). Последних набирали из крестьян и посадских

людей, они получали деньги и хлебное жалованье, освобождались от государственных налогов и повинностей. См.: СЭС. 4-е изд. С. 1226.

¹⁹ Дело по отписке Брянских воевод, князя Алексея Долгорукова и Ивана Ловчикова о поимке беглага за рубеж мужика Степанка Борисова. Док. 145 // Акты Московского государства... Т. 1. С. 171, 172.

²⁰ Отписка Торопецкого воеводы о ловле литовскими людьми рыбы в русской половине реки Двины и о пользовании разными угодьями на русской земле. Док. 208 // Там же. С. 233.

²¹ Отписка Торопецкого воеводы о ветхости Вережунского острожка. Док. 242 // Там же. С. 261, 262.

²² Проезжая станица — сторожевой или разведывательный отряд, дозор, разъезд, пост. См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 20 (Присвоение — Прочнутися). М.: Наука, 1995. С. 127.

²³ Отписка Торопецкого воеводы о ловле литовскими людьми рыбы в русской половине реки Двины и о пользовании разными угодьями на русской земле...

²⁴ Роспись Путивильским ближним сторожам. Док. 7 // Акты Московского государства... Т. 1. С. 9.

²⁵ Отписка Путивильских воевод, Василия Туренина и Сергея Собакина, о продолжении торговыми людьми новых дорог по полям, мимо таможенных застав. Док. 138 // Там же. С. 166.

²⁶ Наказ Торопецкому воеводе. Док. 202 // Там же. С. 226.

²⁷ Русская историческая библиотека... Т. 38. Кн. 4. Ст. 431, 432.

²⁸ Там же. Ст. 383, 431. Старожилцы на Руси XIV—XVII вв. — крестьяне, издавна жившие на этих землях, а также старинные, уважаемые и активные члены общины. См.: СЭС. 4-е изд. С. 1269.

²⁹ Дьяк — начальник и письмоводитель канцелярии разных ведомств в России до XVIII в. См.: там же. С. 419.

³⁰ Подьячий — канцелярский служащий в приказах местных государственных учреждений Русского государства XVI—XVIII вв. Различались подьячие старшие, средние и младшие. Старший подьячий — ближайший советник дьяка, начальника структурной части приказа (стол, повытье). См.: там же. С. 1023.

³¹ Съезжая изба (приказная) в России в XVII в. — канцелярия воеводы, куда

сѣзжались служилые люди уезда на смотры перед походами. См.: там же. С. 1297.

³² Записка порубежным делам. Книга (записная) Торопецкой приказной избы. 1674—1675. Док. 130 // Акты, относящиеся до юридического быта древней России / изд. Археографической комиссией под ред. Н. Калачова. Т. 2: Кабалы, книги, купчия, межевые, мировые, меновные, наемные, наказы, оброчные, отводные, откупная, отписи, отписки, отписные, отпусные, отсрочные, памяти, писания, письма, платежные, подорожные, подписи, подписки, подрядные, поручные. СПб.: в Тип. Имп. акад. наук, 1864. Ст. 111—114.

³³ Заставной голова (голова заставы) — начальник, главный на заставе. См.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* / Редкол.: С.Г. Бархударов (отв. ред. и др.). Вып. 4 (Г—Д) / Сост. Н.Б. Бахилина, Г.А. Богатова, Г.П. Смолицкая [и др.]. М.: Наука, 1977. С. 63; Вып. 5 (Е—Зинутие) / Сост. Н.Б. Бахилина, Г.А. Богатова, В.Я. Дерягин [и др.]. М.: Наука, 1978. С. 302.

³⁴ Опись Новгорода. 29 сентября 1675 г. Док. 32 // *Новгород Великий в XVII в.* [в 2 вып.] / [Сост. А.Н. Медушевский, М.Е. Бычкова]. Вып. 2: Документы по истории градостроительства. М.: Ин-т истории СССР, 1988. С. 154, 155.

³⁵ Отпуск — список (копия) с выданного документа, оставленный в деле для справки. См.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 13 (Опась — Отработываться) / Сост. О.В. Малкова [и др.]. М.: Наука, 1987. С. 307.

³⁶ Российский государственный архив древних актов. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 11 (Столбцы новгородского стола. 1615—1702). 1628. Д. 13 (Документы, касающиеся назначения воевод в города). Л. 71—73.

³⁷ Наказ — предписание, письменное распоряжение; приказ, повеление, указ. См.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 10 (Н — Наятися) / Сост. Г.А. Богатова, О.И. Смирнова, А.Н. Шаламова. М.: Наука, 1983. С. 109.

³⁸ Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (СПбИИ РАН). Ф. 109 (Порубежные акты). Оп. 1. Д. 408—411, 413, 414, 417, 425, 479, 480, 755, 812, 870, 946, 970.

³⁹ Там же. Д. 462, 547.

⁴⁰ Там же. Д. 441, 535, 536, 545.

⁴¹ Там же. Д. 888, 967.

⁴² Там же. Д. 398, 877. Проезжая грамота (память, лист) — документ,

разрешающий проезд, проход (через границу или по какой-либо территории). Иногда данный документ назывался «лист» или «память». См.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 4. С. 120; Вып. 8 (Крада — Лящина) / Сост. Г.А. Богатова и др. М.: Наука, 1981. С. 239. Данный документ выдавался Посольским приказом, а в Новгороде и Пскове — воеводами. См.: Выпись в Посольском приказе из жалованной грамоты царя Михаила Федоровича шведским купцам о свободной торговле в Москве, Новгороде и Пскове по условиям Столбовского мирного договора. 1617 г. не ранее июня 21. Док. 2 // *Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: Сборник документов.* М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1960. С. 27. Проезжая грамота, выданная воеводой, действовала только в пределах данного уезда, а выданная Посольским приказом — во всем Московском государстве. Грамота имела исключительно личный характер. Проезжая грамота, выданная на выезд мужа с женой и с детьми, была действительна для определённого состава. В случае смерти главы семейства необходимо было получить новую грамоту. При выезде иностранца из страны грамота изымалась на заставе. См.: *Мулюкин А.С.* Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве. Одесса: Тип. «Техник», 1912. С. 352, 353, 390, 391.

⁴³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 512.

⁴⁴ Там же. Д. 558—560.

⁴⁵ *Дадькина М.М.* Реконструируя границу Швеции и России: А.А. Селин. Русско-шведская граница (1617—1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие: исторические очерки. Изд. испр. и доп. СПб., 2016 // *Русский сборник: исследования по истории России* / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, А.Ю. Полунов, Пол Чейсти. Т. XXIII. М.: Модест Колеров, 2017. С. 373.

⁴⁶ На страже границ отечества: история пограничной службы: краткий очерк / Гл. редкол.: А.И. Николаев и др. М.: Граница, 1998. С. 45.

⁴⁷ См.: *Мулюкин А.С.* Указ. соч. С. 306, 307, 309, 314, 319, 347.

⁴⁸ Он же. Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории

русского права XVI и XVII веков. СПб.: т-во «Труд». Фонтанка 86, 1909. С. 31.

⁴⁹ В действительности, по историческим документам — Василий Иванович. Н.М. Карамзин в труде «История государства Российского» пронумеровал всех русских правителей со времён Древней Руси; после выхода книги в исторической литературе Василий Иванович именуется Василием III.

⁵⁰ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М.: Эксмо, 2011. С. 595.

⁵¹ *Оглобин Н.Н.* Обзорение историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного приказа. М.: тип. Л.Ф. Снегирева, 1884.

⁵² Он же. Обзорение историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв. ... // *Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.* Кн. 4. М.: [Б.и.], 1884.

⁵³ Там же. С. 307.

⁵⁴ Там же. С. 308.

⁵⁵ Там же. С. 465.

⁵⁶ Там же. С. 306.

⁵⁷ *Шмелёв К.В.* Заставы и гарнизоны «Свейского рубежа» в середине XVII века // *Новый часовой.* СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. № 15—16. С. 16—19.

⁵⁸ Там же. С. 15.

⁵⁹ *Филлюшкин А.И.* «Шпегии» идут в разведку: Неизвестные страницы шпионской войны России с Великим княжеством Литовским // *Родина.* 2016. № 10. С. 110.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ *Селин А.А.* Указ. соч. С. 664—753.

⁶² Там же. С. 773, 774.

⁶³ *Терентьев М.А.* По государеву Указу... Деятельность новгородского воеводы Д.М. Пожарского по организации охраны северо-западного участка границы Московского государства // *Вестник границы России.* 2017. № 5(196). С. 58—65.

⁶⁴ Он же. Голоса далёких застав. Зарождение охраны на северо-западных рубежах в XVI—XVIII вв. // Там же. 2019. № 1(204). С. 76—80; № 2(205). С. 75—79.

⁶⁵ Он же. Становление и начало охраны русско-польской границы на Псковском участке в XVI—XVII вв. // 100-летие пограничной службы: материалы науч.-практ. воен.-истор. конф., г. Псков. 17 мая 2018 г. Псков: Погранич. упр. ФСБ РФ по Псковской обл., 2018. С. 10—16.

М.А. Terentyev

«TO MAINTAIN THE INTEGRITY OF THE STATE'S BORDERS...»

Historiography of the protection of the borders of the Muscovite State in the late 15th — early 18th centuries

Information about author. Mikhail Terentyev — colonel (ret.) (Moscow. E-mail: termix04@yandex.ru).

Summary. The paper discusses the history and domestic historiography of the border protection of the Muscovite state during the pre-Peter the Great period, citing archival and other sources, as well as previously published academic papers on the topic.

Keywords: Muscovite state; frontier; border; protection of the outskirts (borders); guard service; outpost; Prince D.M. Pozharskiy; explorer.

«...В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ ГРАЖДАНСКАЯ ВЛАСТЬ И ВОЕННАЯ ДОЛЖНЫ БЫТЬ НЕРАЗДЕЛЬНЫ»

Формирование военно-полицейских структур Русского Туркестана
в конце XIX — начале XX века

Сведения об авторе. Реент Юрий Арсенович — профессор кафедры философии и истории Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Рязань. E-mail: reent2@yandex.ru).

Аннотация. Основу статьи составляет обзор монографии В.П. Литвинова «Государство и полиция в царской России: туркестанский вариант (очерки истории)». Обозначенная в книге проблема ранее была недостаточно освещена как в советской, так и в современной историографии. Отдельный интерес представляет анализ особенностей организации охраны общественного порядка и законности в многонациональном, преимущественно мусульманском Среднеазиатском регионе силами Военного министерства, тогда как в целом по Российской империи эти функции были возложены на Министерство внутренних дел. В труде исследуется деятельность органов «военно-народного управления» по реализации требований военного командования и правительства, анализируются формы и организация полицейской деятельности государственных учреждений и общественных «туземных» формирований. Рассматриваемый научный труд восполняет пробелы в знаниях о полномочиях генерал-губернаторов и окружных органов власти после присоединения Средней Азии к России, раскрывает новые аспекты военной истории.

Ключевые слова: Военное министерство Российской империи; военно-народное управление; полицейская система; Русский Туркестан; общая (военная) полиция; мусульманская религиозная полиция.

Монография¹, подготовленная Вячеславом Петровичем Литвиновым, представляет несомненный теоретический и практический интерес. Объектом исследования заявлено административное — «военно-народное управление» в Русском Туркестане, а его предметом — организация и деятельность дореволюционной полиции на российских территориях Средней Азии,

принципы её формирования и материального обеспечения. Автор определил место и роль полиции в системе управления Русским Туркестаном, её связь с жизнью всего населения региона в период от введения в действие «Временного Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» (1867 г.) до распада Российской империи.

Говоря об актуальности затронутой проблемы, следует помнить, что на рубеже XIX—XX вв. освоению присоединённых территорий Средней Азии способствовал массовый приток в этот регион населения из центральных губерний России. Сегодня же наблюдается обратная тенденция. Из среднеазиатских республик продолжается исход не только этнических россиян, но и значительных масс коренного населения. Последние пытаются внедрять в российское общество свои правила и обычаи, которые зачастую не соответствуют нормам морали и пра-

ва, устоявшимся в Российской Федерации.

Изучение исторического опыта правоохранительной деятельности способствует уточнению её отдельных практических аспектов. Большую значимость имеет выработка современной научной оценки функционирования полиции на национальных окраинах Российского государства в целом и в Среднеазиатском регионе в частности, в условиях нарастания социально-политических противоречий на рубеже XIX — XX вв. Автор справедливо отмечает, что «нельзя изучать деятельность царской полиции

в Средней Азии без указания на её органическую связь с “общим”, то есть со всем таким учреждением во всей Российской империи»². А для этого следует оценить «готовность полиции выполнять интегративные функции на окраинных, мусульманских по религиозному составу населения, территориях Империи, что, в итоге, позволит определить степень её эффективности как инструмента, выполняющего охранительные и социально стабилизирующие задачи»³.

Полицейские формирования монархической России входили в число наиболее важных

Обложка книги

государственных правоохранительных и в известной мере социально-политических институтов. Тем не менее в советской историографии их деятельность долгое время рассматривалась в основном в плоскости карательной политики царизма. Первоначально в истории народов Средней Азии полицию оценивали главным орудием в их угнетении, однако позже эта концепция сменилась утверждением, что вхождение Туркестана в состав России было значительно предпочтительней возможного захвата региона Великобританией, строившей такие планы. В ХХI веке эти оценки варьируются в зависимости от политико-географической принадлежности исследователей. Так, россияне преимущественно позитивно оценивают роль полиции на национальных окраинах монархии. Автор монографии отмечает, что националистически настроенные историки стран Центральной Азии охотно клеймят царскую полицию как главную опору российского «колониализма» в регионе. Особо жёсткой и не всегда обоснованной критикой характеризуются идеологические установки новейшей узбекской историографии⁴. И консенсуса в оценке этого вопроса в ближайшее время ждать не приходится. Пожалуй,

только среди туркменских учёных присоединению Туркестана к России даются в основном положительные оценки, но о полицейской деятельности в этом регионе упоминаний чрезвычайно мало⁵.

Труды, объёмно и объективно освещающие историю зарождения полицейских структур в Средней Азии, появились только в последние десятилетия. Чаще всего в научной литературе представлены работы, посвящённые раскрытию характеристик служебной деятельности политической полиции, что для исследуемого региона нехарактерно. Осознавая это, В.П. Литвинов наметил целый ряд ориентиров, целей и задач, которые позволили бы наиболее полно и объективно раскрыть содержание проблемы. Формулируя задачи исследования, автор подчёркивает, что основная его цель — «на фоне общей истории дореволюционной российской полиции» выявить и проанализировать «базовые основы её организации и работы в Русском Туркестане»⁶, а в итоге — определить степень эффективности управленческой системы государства в условиях нарастающего кризиса. Действительно, ему удалось показать важные элементы жизнедеятельности полицейских органов самодержавного государства. Попытка разобраться в деталях социальных отношений в рамках структур туземной полиции также оказалась достаточно успешной.

Текст книги содержит комплексный и целостный анализ зарождавшейся системы полицейских структур, очерченной территориями Туркестанского края и частично — Казахстана. Детальное исследование расположенных там централизованных полицейских учреждений логично увязано с оценками функционирования туземной общественно-полицейской системы на уровне как государственных институтов, так и общества в целом (хотя и в значительно меньшей степени).

Структура рецензируемой монографии представляется вполне оправданной. Исследование объёмом 609 страниц состоит из введения, 6 разделов, содержащих от 2 до 11 параграфов, заключения, списка использованной литературы и источников. Приложения не предусмотрены, иллюстрации отсутствуют.

Введение условно состоит из нескольких подразделов. Первый содержит краткий исторический экскурс, обоснование актуальности работы. Второй посвящён глубокому анализу историографии проблемы. Использованная источниково-библиографическая база представляется достаточной для раскрытия проблемы. Исследователь тщательно проработал фонды 8 российских и 4 зарубежных архивов, 34 сборника документов и нормативно-правовых актов. Помимо того, использованы 13 статистических и справочных изданий, порядка 15 комплектов периодических изданий, 30 мемуарных и библиографических трудов, 161 литературный источник, 82 статьи из периодических изданий, 19 иностранных публикаций, 22 учебно-методических издания.

В третьем подразделе продолжается источниковедческий обзор выполненной работы. Полнота его не вызывает сомнения. Четвёртый подраздел раскрывает объект, предмет, цель и задачи исследования. Завершающий подраздел посвящён методологическим основам исследования. Применяющийся для этого инструментарий в полной мере соответствует целям и задачам исследования. В основу работы традиционно был положен диалектический метод, базирующийся на принципах объективности и историзма.

Содержательную часть труда открывает раздел 1, состоящий из 4 параграфов. Первый из них характеризует исторические модели традиционной полиции в исламских странах. Приводится немало примеров жестоких форм наказания правонаруши-

телей не столько во исполнение требований шариата, сколько благодаря самодурству правящих эмиров и ханов. Здесь же освещена деятельность аналогов мусульманской тайной полиции. Второй параграф сокращает ареал изучения полиции в границах Средней Азии. Довольно много внимания уделено специфике её деятельности в мусульманских ханствах Туркестана до их присоединения к Российской империи. Делается попытка наблюдения и сравнения преобразований её состояния с середины до конца XIX века. Учитывая, что часть среднеазиатских территорий находилась в положении протекторатов, автор посчитал целесообразным в третьем параграфе сосредоточить внимание на раскрытии полномочий и обязанностей российской полиции в Бухарском эмирате. С точки зрения оценки деятельности полиции именно там организация её функционирования представляется наиболее показательной. Высказывается

мнение, что в Средней Азии сложилась «узбекистанская модель» государственности⁷. Однако на практике нередко узбекская политическая элита воспринималась населением как правящее, но неодобряемое меньшинство Бухарского эмирата. Ну и поскольку рассматриваемый регион характеризовался этнической и конфессиональной спецификой, четвёртый параграф нацелен на выяснение места и роли мусульманского населения в системе полицейской службы Среднеазиатского региона.

Раздел 2 озаглавлен «Становление полицейской доктрины царизма в Русском Туркестане». В самом названии как бы уточняется растянутость процессов формирования совокупности принципов, предназначенных для реализации в исследуемой форме деятельности. Хронологические рамки здесь мало отличаются от предыдущего раздела. Отличия состоят в разных аспектах рассматриваемой проблемы. На наш взгляд,

значительный интерес представляют материалы первого параграфа «Нормативно-правовое обеспечение организации и деятельности полиции в крае (1865—1886 гг.)». «Временное Положение об управлении Туркестанской области» от 6 августа 1865 года положило начало формированию «военно-народного» управления, которое заключалось в прямом диалоге русской военной власти с коренным населением Средней Азии, практиковавшим традиционные правоохранные институты — народные суды, органы местного самоуправления, включавшие аналоги полиции. В целом же организация и деятельность государственной полиции региона соответствовали требованиям общих законодательных установлений.

Во втором параграфе всё внимание сосредоточено на анализе материалов «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 года. По мнению автора, главной проблемой при подготовке преобразования

Присоединение к России Средней Азии в конце XIX в.

Городовой общей полиции из Самарканда
Фото С.М. Прокудина-Горского

Служащие туркменской конной милиции
Фото А.С. Луарсабова, 1896 г.

Туземная полиция. Волостной управитель с джигитами

самого характера управления являлась дилемма: «сохранить принципы “военно-народного” или перейти к административно-полицейскому, восторжествовавшему к тому времени в большинстве краёв, губерний и областей Российской империи»⁸. Отделить военную власть от гражданской предлагалось ещё первым генерал-губернатором Туркестанского края К.П. фон Кауфманом. Однако в ходе итогового обсуждения этого вопроса в комиссии под председательством члена Государственного совета Н.П. Игнатьева 27 марта 1884 года однозначно было заявлено, что на означенной территории полиция должна подчиняться военному министру с предоставлением ему отдельных прав министра внутренних дел. Наиболее крайнюю позицию занимал туркестанский генерал-губернатор Н.О. Розенбах, который среди прочего настаивал на том, чтобы все чины полиции в Туркестане носили стандартную военную форму, принятую для иных военных чиновников края.

Третий параграф всецело посвящён ознакомлению с процессом подготовки и разработки полицейских проектов царской власти с конца XIX по начало XX века. За 30 лет после присоединения Средней Азии к империи произошло немало изменений, но «единения» местной администрации с «туземным» населением так и не состоялось. Деятельность полиции осложнялась незнанием её представителями местных языков, а коренным населением Средней Азии — русского языка.

Подчёркивается, что уже с начала 1893 года законодательно было установлено право военных губернаторов областей Туркестанского края помимо полномочий, данных «Общим губернским учреждением», «для охранения общественного порядка, тишины и спокойствия подвергать туземцев и лиц туземной администрации по личному своему усмотрению, или, по донесениям уездных

начальников, аресту на время не свыше одного месяца»⁹. То же наказание могло быть налагаемо губернаторами «на лиц туземной администрации за маловажные проступки, означенные в статье 105 Положения об управлении Туркестанского края»¹⁰.

В 1897 году в состав Туркестанского военного округа включили Семиреченскую и Закаспийскую области, что отчасти усугубило административные проблемы, поскольку на указанной территории одновременно действовали три разных положения об управлении. Позже Особым совещанием под председательством сенатора П.А. Харитонova был подготовлен «Проект основных начал преобразования управления Туркестанским краем», содержащий большое число предложений по усилению полицейских сил¹¹. Доработанный его вариант обсуждался на заседании Совета министров 20 ноября 1912 года. В последующий период работали несколько комиссий по подготовке переустройств, но дело так и не сдвинулось. Чрезмерное затягивание работ над этим проектом в конечном итоге вынудило забросить его после Февральской революции.

Третий раздел «Формирование полицейских кадров в Русском Туркестане» является самым объёмным. Он включает 11 подразделов. Общие характеристики приведены в первом параграфе «Армия и полиция в царской России: проблемы взаимоотношений». Автор кратко осветил структуры Министерства внутренних дел, Министерства полиции, Отдельного корпуса жандармов и их отношения с военным ведомством. Основными бенефициарами при разделе властных полномочий в Среднеазиатском регионе империи являлись Военное министерство и Министерство внутренних дел. На «старых» территориях последнему подчинялись все административные органы: от полицейских и

жандармских подразделений до генерал-губернаторов, все земства и городские управы, почта, телеграф... Даже комплектование армии входило в его полномочия.

В областях Русского Туркестана большую часть этих полномочий передали военному ведомству. Разумеется, было немало противников передачи военным гражданского административного управления территориями. В связи с этим туркестанский генерал-губернатор Д.И. Суботич был вынужден в декабре 1905 года подготовить для Азиатской части Главного штаба особую докладную записку. В итоге Главный штаб выступил против упразднения должности помощника командующего войсками Туркестанского военного округа, ответственного в том числе и за полицию, «поскольку в Туркестанском крае гражданская власть и военная должны быть нераздельны»¹².

Выявлению общего и особенного в характере деятельности полиции царской России отведён второй параграф. Здесь автор приводит краткий исторический экскурс по поводу развития этого государственного института с древнейших времён до конца XIX века. Относительно учреждения различных полицейских служб в границах Туркестанского края он рассуждает в третьем параграфе раздела, отмечая, что в ходе подготовки и реализации проектов реформирования полиции региона выявлялись многочисленные недостатки. Попытки упорядочить административное управление среднеазиатскими территориями не всегда приводили к желаемому результату. Так, одновременно действовали «Туркестанское» (1886 г.), «Закаспийское» (1890 г.) и «Степное» (1891 г.) «положения об управлении», которые содержали немало разночтений, затруднявших работу полиции.

С четвёртого по восьмой параграф автор характеризует закономерности развития го-

родской и сельской полиции в Туркестанском крае на примерах соответственно Сырдарьинской, Семиреченской, Ферганской и Закаспийской областей. Здесь раскрывается предыстория создания полиции в сельских районах края. Отмечается, что в условиях нарастания исламистских настроений и беспорядков среди «туземного» населения в середине 1880-х годов количество полицейских служащих представлялось крайне недостаточным.

Среди особенностей указывается предоставление коренному населению права иметь свою традиционную этническую полицию¹³. Вместе с тем у полиции Туркестанского края в деле расследования государственных преступлений ощущалась неопределённость, поскольку статьями 160–172 «Туркестанского положения» 1886 года эта деятельность не предусматривалась. Что же касается укрепления кадрового состава, то значительного прогресса удалось достигнуть лишь после утверждения императором Николаем II Мнения Государственного совета «Об устройстве полицейских команд в городах Туркестанского края» от 21 апреля 1903 года¹⁴. С девятого по одиннадцатый параграф излагаются условия создания и функционирования частной, сысковой и транспортной полиции Туркестанского края.

Раздел 4 «Материальное обеспечение чинов полиции в Русском Туркестане» может вызывать интерес у представителей тыловых служб. Он состоит из 6 параграфов. Автор изначально полагал, что предпринятое исследование не будет в полной мере целостным, если он проигнорирует вопрос о материальном положении полицейских Русского Туркестана, подчинённых Военному министерству. По этой причине отдельно в первом параграфе представлен анализ особенностей обеспечения полицейских служащих царской России денежными выплатами. Второй параграф концентрирует

внимание на общем финансировании полиции в Русском Туркестане.

Третий параграф раскрывает перед читателями источники финансирования полиции в Туркестане. Четвёртый параграф посвящён квартирному обеспечению полицейских служащих региона. В пятом параграфе подробно перечисляются различные пособия, льготы, пенсии и преимущества полицейской службы в Русском Туркестане. И наконец, в шестом параграфе отдельно освещён вопрос о форме одежды полицейских в Среднеазиатском регионе. Отметим, что для некоторых категорий были разработаны специальные образцы обмундирования¹⁵. На основе изученных материалов автор делает вывод: несмотря на подчинённость полицейских структур в Средней Азии военному ведомству, денежное и вещевое обеспечение чинов полиции осуществлялось по нормам соответствующих гражданских должностей, что «недостаточно обеспечивало их в материальном отношении»¹⁶. Однако наличие разного рода льгот и преимуществ полицейской службы в Русском Туркестане в некоторой мере облегчало её тяготы.

Раздел 5 «Полиция в борьбе за нравственность в Русском Туркестане» является самым коротким в монографии — 49 страниц — и состоит из двух подразделов. Первый освещает борьбу царской полиции против пьянства и наркомании в Средней Азии. Второй подраздел затрагивает необычную тему: автор раскрывает полицейский аспект существования проституции в дореволюционном Русском Туркестане. Отметим, что основные положения этого подраздела изложены в материалах недавно изданной статьи автора¹⁷.

Глава 6 «Некоторые аспекты деятельности царской полиции в Средней Азии» включает в себя три раздела. Первый параграф освещает полицейскую ссылку в Туркестанском крае. И хотя в

монографии эта проблема представлена лишь на 12 страницах, но познания автора в ней несопоставимо шире, ибо она составляла основу его кандидатской диссертации¹⁸. Любопытно, что если осуждённых граждан из центральных губерний могли направить в ссылку в Туркестан, то аналогичные категории «туземных» жителей нередко ссылались в глубинную Россию, в частности — в Самарскую губернию¹⁹. Составную часть этого же исследования представляет и второй параграф, в котором описывается ссылка в Русский Туркестан великого князя Николая Константиновича Романова под негласный надзор полиции. Автор ярко описывает причины и следствия исполнения наказания для столь необычной персоны.

Третий параграф «Царская полиция и восстание 1916 года в Средней Азии» демонстрирует, что чрезмерное спокойствие туркестанских властей по поводу социально-политической обстановки среди местного населения оказалось ошибочным. Руководство общей полиции полагало, будто возникновение беспорядков и борьба с ними — это забота охранного отделения и жандармов. Тем не менее злоупотребления представителей власти всё же привели к восстанию. И началось это движение именно с нападения на полицию. Так, только на центральной площади Старого Маргилана собрались до 25 тыс. мятежников. В Андижане и Ташкенте дошло до серьёзного кровопролития.

В заключительной части монографии автор делает ряд обоснованных выводов. Мы же дадим свои оценки содержанию рассмотренной монографии. Как представляется, достоверность описания событий и сделанных на их основе выводов не вызывает сомнений, поскольку базируется на большом количестве качественно отобранных и проанализированных архивных, нормативно-правовых, библиографических материалов. Но-

визна исследования основывается не только на впервые введённых в научный оборот источниках, но и на творческом использовании методик работы, что отражает индивидуальные авторские подходы. Для многих читателей будут интересны описанные в книге редко упоминаемые сведения и события. Применявшаяся методологическая база также соответствует целям и задачам исследования. Можно утверждать, что автор успешно провёл анализ актуальной и всё ещё мало разработанной темы.

Согласимся с автором, отметившим, что ранее в отечественной и зарубежной историографии ещё не было столь фундаментального научного труда об организации и деятельности царской полиции на российских территориях Средней Азии. Однако, на наш взгляд, в специализированных вузах МВД Казахстана и среднеазиатских республик идут активные исследования истории полицейского ведомства, что даёт надежду на усиление внимания к названной проблематике.

Работая над столь объёмным трудом, сложно избежать недостатков. В небольшом количестве имеются они и здесь. Остановимся на основных. Например, автор подробно перечисляет факты подготовки и обсуждения государственных проектов управления полицией Туркестана, нормы денежного, вещевого и др. довольствия чинов полиции. Это обилие однотипного материала затрудняет формирование у читателя целостной картины. Было бы точнее и нагляднее свести такие данные в таблицы. Однако в монографии нет ни одной таблицы, ни одной иллюстрации. Хотелось бы в материалах исследования найти и более концентрированное выражение характера взаимоотношений представителей российских полицейских структур с разными категориями туркестанской общественности. Они обозначены соискателем лишь контурно.

Вместе с тем отмеченные недостатки носят частный характер и не влияют на высокую общую оценку работы. Основные результаты монографии нашли апробацию в многочисленных публикациях и выступлениях автора. В итоге можно утверждать, что труд В.П. Литвинова представляет собой уникальное исследование малоизученных проблем, где разработаны положения, совокупность которых следует квалифицировать как

новое слово в исторической науке. Работа выполнена автором единолично, имеет высокую научную и социально-культурную значимость. Исследование характеризуется глубиной и обоснованностью, содержит ряд важных научных положений, связанных с исследованием впервые введённых в научный оборот архивных и юридических источников. Автору удалось убедительно продемонстрировать особенности

управления полицией Русского Туркестана, состоявшей в ведении Военного министерства (за исключением Семиреченской области, подчинявшейся МВД). Представляется важным, что на основании убедительных фактов он доказывает историческую судьбоносность и позитивную роль полиции в обеспечении спокойствия и благополучия как коренного, так и «пришлого» населения региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Литвинов Вяч.П. Государство и полиция в царской России: туркестанский вариант (очерки истории): монография. Воронеж: Воронежская областная типография, 2025. 609 с.

² Там же. С. 7.

³ Литвинов В.П. Организация и деятельность имперской полиции на российских территориях Средней Азии (1865—1917 гг.). Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2026. Л. 3.

⁴ Германова В.В. Вторжение Российской империи в Среднюю Азию (Заметки историографа на полях учебников по истории Узбекистана) // Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 360.

⁵ Байлиев А.Т., Аманмурадов А.А. Краткий очерк истории туркмен // Туркмены. М.: Наука, 2016. С. 65—70.

⁶ Литвинов Вяч.П. Указ. соч. С. 11.

⁷ Литвинов П.П. «Узбекская» модель государственности в Средней Азии: история и современность // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Вып. 5. Елец: ЕГУ имени И.А. Бунина, 2002. С. 24, 25.

⁸ Литвинов Вяч.П. Указ. соч. С. 107.

⁹ Именной указ, объявленный Сенату военным министром, об образовании Туркестанской обл. 12 февраля 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ) — 2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41792.

¹⁰ Высочайше утверждённое Мнение Государственного совета об изменении некоторых постановлений Положения об управлении Туркестанского края, касающихся административного его устройства. 19 января 1893 г. // ПСЗ РИ — 3. Т. 13. СПб., 1897. № 9262. С. 26.

¹¹ Дело о преобразовании управления Туркестанского края. (6 января — 27 июня 1911 г.) // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 3959. Л. 74 об., 75, 162.

¹² О проектировании генерал-лейтенантом Суботичем изменений в устройстве Туркестанского края (22 декабря 1905 — 13 декабря 1911) // Там же. Д. 3361. Л. 8 об.

¹³ Высочайше утверждённое Временное Положение об управлении Туркестанской обл. 6 августа 1865 г.

// ПСЗ РИ — 2. Т. 40. № 42372. Статья 41. С. 881.

¹⁴ ПСЗ РИ — 3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22816. С. 401, 402; Свод законов Российской империи. Т. 2. СПб., 1912. С. 451, 452.

¹⁵ Описание формы обмундирования для лиц, служащих по военному управлению Туркестанского генерал-губернаторства, не имеющих чинов и не занимающих классных должностей. 10 ноября 1880 г. // ПСЗ РИ — 2. Т. 55. Отд. 2. СПб., 1884. № 61529.

¹⁶ Литвинов Вяч.П. Указ. соч. С. 410, 411.

¹⁷ Он же. Полицейский надзор за проституцией в Царской России: туркестанский вариант // Клио. 2024. № 4(208). С. 80—89.

¹⁸ Он же. История деятельности царской власти по применению административной ссылки в Русском Туркестане в 1865 — феврале 1917 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Елец, 2011. 28 с.

¹⁹ Он же. Государство и полиция в царской России: туркестанский вариант... С. 540.

Yu.A. Reynt

«...IN THE TURKESTAN REGION, CIVIL AND MILITARY AUTHORITY MUST BE INSEPARABLE»

The formation of military and police structures in Russian Turkestan in the late 19th and early 20th centuries

Information about author. Yuriy Reynt — professor of the department of philosophy and history at the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, D. Sc. (Hist.), professor, Honorary Figure of Russian Higher Education (city of Ryazan. E-mail: reynt2@yandex.ru).

Summary. The paper is based on a review of Viktor P. Litvinov's monograph, *The State and Police in Tsarist Russia: The Turkestan Variant (Historical Essays)*. This book addresses a problem that has been insufficiently explored in both Soviet and modern historiography. The author's analysis of the organization of public order and law enforcement in the multi-ethnic, predominantly Muslim Central Asian region, which was entrusted to the Ministry of War by the Russian government, is of particular interest. Throughout the Russian Empire, these functions were traditionally handled by the Ministry of Internal Affairs. This work examines the activities of military-people's administration bodies in carrying out the demands of the military command and government, as well as the forms and organization of policing by state institutions and public native formations. It fills gaps in knowledge about the powers of governors-general and district authorities after the annexation of Central Asia by Russia, revealing new aspects of military history.

Keywords: War Ministry of the Russian Empire; military-people's administration; police system; Russian Turkestan; general (military) police; Muslim religious police.

В.В. Дуга,
К.Б. Муксинов,
Е.В. Басотин

«ВРЕМЯ 15.20 “СТРЕЛЯЮЩИЙ” ПОДПОЛКОВНИК ШУМИЛИН КОМАНДУЕТ: “ПУСК!”»

Жизненный путь Героя Социалистического Труда генерал-лейтенанта А.А. Шумилина

Сведения об авторах. Дуга Вадим Вадимович — преподаватель кафедры космических аппаратов и средств межорбитальной транспортировки Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, кандидат технических наук (Санкт-Петербург. E-mail: dugavadin@mail.ru);

Муксинов Константин Борисович — доцент кафедры управления войсками и организации повседневной деятельности Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, кандидат военных наук (Санкт-Петербург. E-mail: tooxino77@mail.ru);

Басотин Евгений Викторович — начальник кафедры организации эксплуатации ВВСТ и специальных видов материально-технического обеспечения космических войск, доктор технических наук, доцент (Санкт-Петербург. E-mail: vka@mail.ru).

Аннотация. В статье описаны ключевые события жизни генерал-лейтенанта А.А. Шумилина. Его учёба, служба и работа в ракетно-космической отрасли на протяжении 60 лет охватывают период становления ракетно-космической техники от первых межконтинентальных баллистических ракет до проекта экваториального морского старта. Биография Алексея Александровича — это срез целой эпохи истории России. От энтузиазма первых космических полётов к перестройке и солдатским бунтам на космодроме Байконур. От первых международных проектов с историческим рукопожатием на орбите к проекту, в котором составные части ракеты космического назначения изготавливали и собирали граждане разных стран. А.А. Шумилин прожил замечательную и интересную жизнь, являлся непосредственным участником и руководителем ключевых событий своей эпохи. Пример его работоспособности, таланта, живой вовлечённости в процесс эксплуатации уникальных образцов ракетно-космической техники является важным и актуальным и для современного поколения испытателей.

Ключевые слова: космический корабль; «Союз — Аполлон»; система аварийного спасения; авария ракеты космического назначения; морской космический комплекс «Sea Launch»; А.А.Шумилин; В.В. Никольский; А.М. Солдатенков; В.Н. Погорлюк.

2 марта 2026 года исполнилось 90 лет со дня рождения Героя Социалистического Труда, начальника двух космодромов, замечательного инженера, талантливого испытателя генерал-лейтенанта А.А. Шумилина. Данная статья посвя-

щена службе Алексея Александровича в непростое для страны и отрасли время. Отдельными отступлениями описан жизненный путь людей, шедших с ним бок о бок: его одноклассников, друзей, сослуживцев.

Детство и учёба в академии

Алексей Александрович Шумилин родился 2 марта 1936 года в Ленинграде. На его детство пришлись годы Великой Отечественной войны, блокада, эвакуация. Мать Алексея сразу после войны заболела брюшным тифом. В это трудное время его старшая сестра — Наталья Александровна не смогла содержать ребёнка, и он был направлен в школу-интернат.

В 1954 году Алексей поступил в Ленинградскую Краснознамённую военно-воздушную инженерную академию. В те годы в академии учились в основном офицеры, и группа, набранная из школьников, в которой учился курсант А.А. Шумилин, была своего рода экспериментом. Его одноклассником был Валентин Валентинович Никольский. Будущий полковник, доктор технических наук, профессор, как и А.А. Шумилин, он был ребёнком блокады. Начиная с 1977 года полковник В.В. Никольский более десяти лет руководил кафедрой космических аппаратов в ВКА имени А.Ф. Можайского.

В 1959 году Шумилин выпустился из академии и был направлен по распределению на 5-й Научно-исследовательский испытательный полигон (НИИП) Министерства обороны СССР (так ранее назывался космодром Байконур). На ещё строящийся космодром он прибыл служить вместе с одноклассником

и другом Николаем Котовым. Оба лейтенанта были назначены инженерами по испытаниям, только Алексей на ракету Р-7, а Николай — на ракету Р-9.

Судьба товарищей сложилась по-разному. 23 октября 1963 года при заправке учебной ракеты Р-9 произошёл пролив окислителя, что привело к загазованности шахты в 32 проц. кислорода при норме не более 21 проц. На следующий день расчёты спустились на отметку 30 м (8-й этаж шахты) для работы. При замене перегоревшей электролампочки искра в электропатроне вызвала вспышку, и начался пожар¹.

В катастрофе погибли четыре офицера, три солдата и один представитель промышленности. Одним из офицеров был капитан Николай Котов. А Алексей прошёл долгий путь от инженера до начальника космодрома Байконур. Он стал его первым начальником (до него космодром Байконур назывался 5 НИИП), прошедшим весь служебный путь в его воинских частях.

Программа «Союз — Аполлон»

Важной вехой в службе Алексея Александровича стало его участие в международной программе «Экспериментальный полёт Аполлон — Союз» (ЭПАС), более известной по названиям кораблей «Союз — Апполон». В рамках этой программы 15 июля 1975 года с Гагаринского старта РН «Союз-У» был

осуществлён запуск космического корабля (КК) «Союз-19». Этим же числом датируется запуск КК «Аполлон-ЭПАС» в США со стартового комплекса LC-39В космического центра имени Кеннеди.

В роли «пускающего» офицера запуском КК «Союз-19» руководил Алексей Александрович Шумилин. В рамках программы международного сотрудничества была создана серия объектов, включавшая монтажно-испытательный корпус для подготовки КК на 5 НИИП, центр управления полётом в Подмосковье и тренировочную базу в Звёздном городке.

Работы по подготовке и запуску КК (с учётом второго дублирующего корабля) проводили в необычном для испытателей Байконура формате. По «легенде» подготовку и пуск ракеты космического назначения (РКН) должны были осуществлять гражданские специалисты. Так как замена штатного расчёта подготовки была недопустимой, вопрос был решён путём переодевания военных инженеров в гражданскую одежду.

Ввиду необходимости соблюдения «легенды» солдаты в подготовке и пуске не участвовали. Все операции выполнялись офицерским составом. За подготовкой КК наблюдала иностранная делегация, с которой ежедневно проводилось по два совещания. Кроме эксплуатационной документации, вёлся отдельный протокол всех проведённых работ, а в заключение был выпущен совместный отчёт на двух языках.

Финальный процесс подготовки и пуска РКН по воспоминаниям испытателей описан в работе Андрея Туля «В зоне риска», где сказано: «В 12.50 прибыли космонавты и после доклада Председателю Госкомиссии генералу К. Керимову заняли места в “Союзе”. За 30 минут до пуска выскочил первый “боб” — отказала телевизионная система. Однако решено было пускать. Разводятся колонны, убирается в нишу кабина обслуживания. Белая (по случаю международного пуска) красавица-ракета изготовилась к “работе”².

Время 15.20. “Стреляющий” подполковник Шумилин командует: “Пуск!” Чуть подрагивает бункер КП, пошла громогласная прелюдия двигателей, ракета покидает стартовую систему, устремляется в знойное небо. Принятыми мерами “земли” и космонавтов удалось восстановить телевизионную связь.

И вот долгожданный радостный доклад телеметристов: “Пятьсот сорок секунд. Объект отделился от третьей ступени ракеты-носителя. Космический корабль “Союз-19” выведен на расчётную орбиту”³.

17 июля 1975 года в 19 ч 12 мин (мск) произошла стыковка КК двух стран, находившихся в состоянии «холодной войны». Через три часа после стыковки советский космонавт Алексей Леонов пожал руку американскому астронавту Томасу Стаффорду. Это историческое рукопожатие дало надежду на то, что между двумя стратегическими противниками возможны мир и сотрудничество.

В 1976 году Алексей Александрович Шумилин «за непосредственное участие в программе “Союз —

**Герой Социалистического
Труда генерал-майор
А.А. Шумилин**
Архив музея ВКА имени
А.Ф. Можайского

Аполлон»» был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Авария ракеты «Союз»

Крупнейшая авария ракеты космического назначения, едва не закончившаяся катастрофой, произошла 26 сентября 1983 года на старте площадки 1 во время подготовки к пуску РН «Союз-У» и КК «Союз-Т» с космонавтами В.Г. Титовым и Г.М. Стрекаловым. Все пилотируемые РН оснащены системой аварийного спасения (САС)⁴ экипажа. Алгоритм её работы следующий: при возникновении нештатной ситуации, угрожающей жизни и здоровью космонавтов, она вводится в действие, срабатывают твердотопливные двигатели, и система осуществляет увод и посадку космической головной части (внутри которой находятся космонавты) на безопасном расстоянии от места аварии (предполагаемого места аварии). Данная система вводится в действие командами двух руководителей работ, каждому из которых необходимо произнести кодовое слово-команду. На этом пуске кодовым словом было название реки — «Днепр».

Командир боевого расчёта подготовки и пуска («стреляющий»⁵) генерал-майор А.А. Шумилин и технический руководитель — заместитель главного конструктора ЦСКБ «Прогресс» А.М. Солдатенков находились на командном пункте стартового комплекса у перископов наблюдения. Завершался набор стартовой готовности РН и пусковой установки. Вот-вот должна была быть выдана готовность 1 минута. Однако за 1,5 минуты до старта зажглось пламя внизу старта, куда утоплены боковые блоки. Это означало пожар. Моментально нужно было принять решение: давать команду САС или предпринимать что-то другое. В считанные секунды Шумилин и Солдатенков оценили ситуацию и приняли решение на выдачу пароля. Прозвучали команды. Из воспоминаний А.А. Шумилина: «Когда воспроизвели магнитофонную запись команд “стреляющего”... оказалось, что я это слово три раза прокричал, а Солдатенков, полагая, что кричит, наоборот, прошептал его»⁶. Однако команды были выданы своевременно. Сработали двигатели системы аварийного спасения, расположенные на верху КК вокруг носового цилиндрического стакана, и кабина с космонавтами резко унеслась вверх, опустившись в нескольких километрах от старта. Космонавты не успели понять, что произошло и что они родились во второй раз. Задержись Шумилин с Солдатенковым ещё на несколько секунд — и спасать было бы поздно. Через 27 сек после начала пожара и через 9 сек после команды САС ракета взорвалась. На старте бушевал пожар, огонь по потерям и коммуникациям рвался к подземным топливным ёмкостям. Сражение с ним длилось несколько часов, пока пожар не был побеждён. Если бы огонь прорвался к топливным ёмкостям, то неминуемо произошёл бы взрыв и старт был бы окончательно разрушен. Могли пострадать близко расположенные МИК и ИП-1. Спокойствие, мужество, решительность и профессиональные знания

генерал-майора Шумилина позволили спасти жизнь двум космонавтам и дорогое стартовое оборудование⁷.

За 30 лет испытательной работы Алексей Александрович участвовал более чем в 700 пусках межконтинентальных баллистических ракет и РКН. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 декабря 1987 года «за большой вклад в отработку и проведение лётных испытаний пилотируемых космических кораблей и комплексов, осуществление международных космических программ» генерал-майору Шумилину Алексею Александровичу присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Начальник космодрома в самые непростые годы

А.А. Шумилин командовал 5 ГИК МО РФ в самые тяжёлые годы — с 1992 по 1997-й. Разрушение Советского Союза стало причиной огромного количества доселе невиданных проблем, одной из которых было то, что космодром оказался на территории иностранного государства.

По строительным частям космодрома прокатилась волна солдатских бунтов. Были разграблены десятки вещевых и продовольственных складов, денежных касс, сожжены несколько казарм. Начался отток офицеров в национальные армии вновь образованных государств. Существенной проблемой стало массовое дезертирство солдат, особенно призванных из национальных республик. Введение на территории России национальной валюты при сохранении хождения на территории Казахстана старых советских рублей привело к абсурдной ситуации — офицеры космодрома получали денежное довольствие в старых, советских рублях, которые даже на самом Байконуре принимались неохотно, а на российские рубли обменивались по курсу один к десяти. В одно мгновение офицерский корпус космодрома обнищал⁸.

Зимой 1993/94 года грянул мощнейший коммунально-снабжениеский кризис: в домах жителей города не было воды, тепла, газа, электроэнергии, из продажи исчезли многие продукты питания, в т.ч. хлеб.

Несмотря на все перечисленные проблемы, 5 ГИК МО РФ продолжал оставаться крупнейшим космодромом мира. В его состав входили: 15 пусковых установок для пуска ракет космического назначения, 10 монтажно-

испытательных корпусов (в которых размещались 37 ТК для подготовки КА и РКН), две заправочно-нейтрализационные станции и одна унифицированная заправочная позиция, командно-измерительный комплекс, семь экспериментальных шахтных пусковых установок для испытаний межконтинентальных баллистических ракет, два аэродрома (первого класса — Крайний и внеклассовый — Юбилейный), газотурбинный энергопоезд мощностью 72 мегаватта, 25 котельных и теплоэлектроцентраль, кислородно-азотный завод, 23 водопроводные насосные станции, 600 трансформаторных подстанций⁹.

С 1993 года начался процесс передачи объектов космодрома Байконур организациям Росавиакосмоса, который полностью завершился только в 2009 году и также был очень непростым.

В этих условиях солдаты и офицеры космодрома под руководством А.А. Шумилина продолжали запускать ракеты в космос. За пять лет — с 1992 по 1997 год — были запущены 126 РКН в интересах Министерства обороны и в рамках программ международного сотрудничества. Заказов от Министерства обороны было всё меньше и меньше, и для того чтобы сохранить работоспособность, предприятия промышленности взяли курс на программы международного сотрудничества.

На время руководства Алексея Александровича пришёлся самый тяжёлый период в истории космодрома Байконур. Однако он не опускал рук, генерировал идеи, находил выходы из, казалось бы, безвыходных ситуаций, решал проблемы на самых высоких уровнях государственного управления России и Казахстана, между которыми «завис» первый в мире космодром. Несомненной его заслугой является то, что космодром преодолел этот тяжелейший период и до сих пор запускает ракеты в космос.

В 1997 году Алексей Александрович, прослужив 37 лет на космодроме Байконур, был уволен в запас и начал свою трудовую деятельность в головном предприятии отечественной ракетно-космической отрасли РКК «Энергия»¹⁰.

Начальник «Плавучего космодрома»

Заключительной вехой в трудовой деятельности Алексея Александровича является участие в создании, испытаниях морского космического комплекса «Sea Launch» и руководство пусковой деятельностью этого уникального международного проекта. Главной идеей, лежавшей в основе создания комплекса, являлся запуск РН «Зенит-3SL» (Украина) с разгонным блоком (РБ) «ДМ-SL» (Россия) с пусковой платформы «Одиссей» (Норвегия) из экваториальной зоны. Эксплуатацию берегового сегмента в базовом порту и испытания блока полезной нагрузки осуществляли специалисты США.

РБ «ДМ-SL» был модификацией серийного РБ «ДМ» с изменениями в конструкции и новой системой управления. Разработка нового изделия являлась комплексной и чрезвычайно сложной организационно-технической задачей, в решении которой Алексей Александрович принял самое непосредственное участие. Один из создателей комплекса, Александр Филин, в работе «Место старта — океан» так описывает этот этап: «Надо отдать должное В.Г. Алиеву, В.Н. Погорлюку¹¹, А.А. Шумилину за то, что они, не считаясь с личным временем, отбросив домашние заботы, практически круглосуточно не выпускали из своих рук бразды правления»¹².

Командование космодрома Байконур.

Слева направо: М.Н. Фонин, Е.Ф. Капинос, В.А. Графинин, А.А. Шумилин, Н.И. Абляимов, В.П. Горбунов, С.И. Тихонов

Середина 1990-х гг.

Архив семьи Шумилиных

Морская платформа «Одиссей» была создана путём доработки нефтедобывающей платформы специалистами КБТМ. Доработка проводилась путём её оснащения ракетным сегментом. Этот этап работы также был организован и проведён Алексеем Александровичем Шумилиным и Виталием Никитовичем Погорлюком.

Первый пуск РКН «Зенит-S3L» был осуществлён 27 марта 1999 года из акватории Тихого океана в 800 км юго-восточнее атолла Киритимоти (Рождества) в архипелаге Кирибати приблизительно в 2250 км южнее Гавайских островов. Результатом первого пуска стал вывод на переходную к геостационарной орбиту КА «DemoSat», представлявшего собой массогабаритный макет КА «Galaxy-11». Руководство российским сегментом на плавучем космодроме осуществлял А.А. Шумилин. Учитывая, что российским сегментом являлось всё наземное технологическое оборудование, смонтированное на пусковой платформе, Шумилина смело можно назвать начальником плавучего космодрома «Sea Launch».

Всего в период с марта 1999 по 2014 год были осуществлены 36 пусков, из них 33 признаны полностью успешными, 1 — частично успешным и 2 аварийными¹³. В настоящий момент проект завершён. Несомненно, он является славной страницей в истории отечественного и мирового ракетостроения и замечательной страницей в биографии А.А. Шумилина.

Алексей Александрович ушёл из жизни 3 октября 2021 года. Урна с его прахом покоится в колумбарии

Федерального военного мемориального кладбища «Пантеон Защитников Отечества» в городском округе Мытищи Московской области. В 2022 году в честь А.А. Шумилина названа улица в городе Байконур Республики Казахстан.

В музее космонавтики ВКА имени А.Ф. Можайского развёрнута экспозиция, посвящённая генерал-лейтенанту А.А. Шумилину. В 2026 году на кафедре, на которой он учился (космических аппаратов и средств межорбитальной транспортировки), планируется открытие аудитории его имени.

Часто решающую роль в важнейших событиях играют люди удивительной судьбы. Один из первых курсантов среди обучавшихся в академии офицеров. Один из первых выпускников профильной академии на Байконуре среди бывших лётчиков, моряков, артиллеристов. Один из ключевых участников одного из первых международных космических проектов и герой, предотвративший катастрофу ракеты. Начальник полигона, ставшего первым космодромом. Первый начальник первого в мире «Морского старта», запускавшего ракеты с экватора. Удивительный, замечательный человек, генерал-лейтенант, Герой Социалистического Труда, Инженер-испытатель с большой буквы. Память о нём, бережно хранимая в его родном вузе ВКА имени А.Ф. Можайского, является примером для новых поколений будущих офицеров, которым предстоит обеспечивать обороноспособность страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Они были первыми / Под общ. ред. В.П. Ососкова. М.: Эко-Пресс, 2014. С. 586.

² Туль А.А. В зоне риска: документальное повествование. Калуга: Золотая аллея, 2001. С. 118.

³ Там же.

⁴ По состоянию на ноябрь 2025 г. САС отечественных пилотируемых ракет применялась три раза: 5 апреля 1975 и 11 октября 2018 гг. в полёте и 26 сентября 1983 г. на старте.

⁵ Дуга В.В. «Подъём! Двигатели работают на полную тягу. Ракета идёт

вверх». Александр Иванович Носов — инженер-испытатель времён первопроходцев космоса // Военно-исторический журнал. 2024. № 12. С. 86.

⁶ Туль А.А. Указ. соч. С. 123.

⁷ Байконуру — 50 (История космодрома в воспоминаниях ветеранов) / Под общ. ред. А.Н. Перминова. М.: Новости, 2005. С. 54.

⁸ Там же. С. 792.

⁹ Там же. С. 804.

¹⁰ Бывшее ОКБ-1 С.П. Королёва.

¹¹ Погорлюк Виталий Никитович — начальник отделения РКК «Энергия»; принимал активное участие в международных космических программах, в т.ч. в российско-американской программе «Мир — Шаттл».

¹² Филин В.М. Место старта — океан. М.: Логос, 2000. С. 167.

¹³ Он же. Ракета космического назначения «Зенит-3SL» для программы «Морской старт» // Космическая техника и технологии. 2014. № 2(5). С. 40.

V.V. Duga, K.B. Muksinov, E.V. Basotin

«TIME 15:20. 'FIRE' LIEUTENANT COLONEL SHUMILIN COMMANDED: 'LAUNCH!'»

The life of Hero of Socialist Labor, Lieutenant General A.A. Shumilin

Information about authors. Vadim Duga — lecturer at the Department of Spacecraft and Interorbital Transportation Systems of the A.F. Mozhaysky Military Space Academy, Cand. Sc. (Tech.) (St. Petersburg. E-mail: dugavadim@mail.ru); Konstantin Muksinov — associate professor at the Department of Troop Command and Organization of Daily Activities at the A.F. Mozhaysky Military Space Academy, Cand. Sc. (Mil.) (St. Petersburg. E-mail: mooxinoff77@mail.ru); Evgeny Basotin — head of the Department of Operation of Military and Specialized Equipment and Logistics for the Space Forces, Dc. Sc. (Tech.), associate professor (St. Petersburg. Email: vka@mil.ru).

Summary. This article describes the key events in the life of Lieutenant General A.A. Shumilin. His studies, service, and work in the rocket and space industry over 60 years span the development of rocket and space technology, from the first intercontinental ballistic missiles to the equatorial sea launch project. Alexey Alexandrovich's biography is a cross-section of an entire era of Russian history. From the enthusiasm of the first space flights to Perestroika and soldier mutinies at the Baikonur Cosmodrome. From the first international projects with a historic handshake in orbit to a project in which space rocket components were manufactured and assembled by citizens of different countries. A.A. Shumilin lived a remarkable and interesting life, directly participating in and leading the key events of his era. The example of his hard work, talent, and active involvement in the operation of unique examples of rocket and space technology is important and relevant for the current generation of testers.

Keywords: Baikonur Cosmodrome; spacecraft; Soyuz-Apollo; emergency escape system; space rocket failure; Sea Launch; A.A. Shumilin; V.V. Nikolsky; A.M. Soldatenkov; V.N. Pogorlyuk.

ИЮЛЬ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

1 июля — День ветеранов боевых действий.

1 июля 1866 года, 160 лет назад, была спущена на воду первая в России подводная лодка с механическим двигателем, построенная по проекту И.Ф. Александровского.

3 июля 1981 года, 45 лет назад, с атомной подводной лодки К-447 (капитан 1 ранга Л.Р. Куверский) впервые была произведена стрельба баллистическими ракетами после всплытия с проламыванием льда.

4 июля 1811 года, 215 лет назад, во время Русско-турецкой войны 1806—1812 гг. русская армия (15 тыс. человек, 114 орудий) под командованием М.И. Кутузова под Рушук-ом нанесла поражение турецким войскам (60 тыс. человек, 78 орудий) Ахмет-паши.

5 июля 1921 года, 105 лет назад, родился В.Г. Куликов, Маршал Советского Союза (1977), Герой Советского Союза (1981). Во время Великой Отечественной войны командовал ротой, затем был начальником штаба отдельной танковой бригады. С 1959 года — заместитель командующего, в 1964—1967 гг. — командующий армией. С 1967 года — командующий войсками Киевского военного округа. С 1969 года — главнокомандующий Группой советских войск в Германии. В 1971—1977 гг. — начальник Генерального штаба ВС СССР — первый заместитель министра обороны СССР. В 1977—1989 гг. — первый заместитель министра обороны СССР — главнокомандующий Объединёнными вооружёнными силами государств — участников Варшавского договора. С февраля 1989 года — в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны. Умер 28 мая 2013 года.

6 июля 1701 года, 325 лет назад, в ходе Северной войны 1700—1721 гг. стрельцы и жители Архангельска отбили нападение на город шведской эскадры командора К.Х. Лёве. Помор Иван Рябов и переводчик Дмитрий Борисов, взятые шведами в качестве лоцманов, посадили на мель два

В.Г. Куликов

шведских корабля, которые были захвачены русскими.

6 июля 1976 года, 50 лет назад, на вооружение был принят разработанный в СКБ-2 Кировского завода Ленинграда газотурбинный основной танк Т-80.

7 июля — День воинской славы России. День победы русского флота над турецким флотом в Чесменском сражении (1770 г.).

9 июля 1791 года, 235 лет назад, в ходе Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. в сражении при Мачине русские войска (30 тыс. человек, 78 орудий) под командованием Н.В. Репнина нанесли поражение турецкому корпусу (30 тыс. человек).

10 июля — День воинской славы России. День победы

русской армии под командованием Петра I над шведами в Полтавском сражении (1709 г.).

21 июля 1941 года, 85 лет назад, ночью отражён первый массированный налёт немецкой авиации (свыше 200 бомбардировщиков) на Москву силами и средствами противовоздушной обороны (1-й корпус ПВО и 6-й авиационный корпус ПВО).

26 июля (последнее воскресенье июля) — День Военно-морского флота.

27 июля 1911 года, 115 лет назад, родился Н.И. Кузнецов, разведчик, Герой Советского Союза (1944).

28 июля 1941 года, 85 лет назад, впервые в Великой Отечественной войне лейтенант П.В. Еремеев ночью на истребителе МиГ-3 таранным ударом сбил немецкий бомбардировщик Ю-88. 21 сентября 1995 года указом Президента РФ ему было присвоено звание Героя России (посмертно).

29 июля 1696 года, 330 лет назад, в ходе второго Азовского похода русские войска овладели турецкой крепостью Азов.

30 июля 1716 года, 310 лет назад, Петром I был утверждён «Устав воинский», закреплявший результаты военных реформ в области организации, комплектования, обучения и воспитания войск.

Публикация Н.Л. Крыловой